

Николай СТАРОДЫМОВ

ЧАС ЗВЁЗДНЫЙ...
ЧАС КРЕСТНЫЙ...

(Биография царского чиновника,
оставшегося в Советской России)

МОСКВА
2025

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

Николай СТАРОДЫМОВ

ЧАС ЗВЁЗДНЫЙ... ЧАС КРЕСТНЫЙ...

(Биография царского чиновника,
оставшегося в Советской России)

Москва
2025

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3
С77

Рецензенты:

*А. В. Окороков, доктор исторических наук;
Т. А. Пархоменко, доктор исторических наук*

Стародымов Н. А.
С77 **Час звёздный... Час крестный... (Биография царского чиновника, оставшегося в Советской России). [Электронное сетевое издание].** — Москва : Институт Наследия, 2025. — 184 с. — ISBN 978-5-86443-516-8. — DOI 10.34685/NI.2025.89.93.005.

Николай Николаевич Волков — представитель старинного и заслуженного дворянского рода — родился в 1872 году, а вырвали его из жизни в жестоком 1937-м.

В молодости увлёкся модными «левыми» взглядами; затем служил государственным чиновником и мировым судьёй на территории современной Карелии, на железной дороге в Петербурге и в Варшаве; с началом Первой мировой войны оказался в Томске; в Гражданскую войну в качестве представителя Красного Креста состоял в чиновничьем аппарате адмирала Колчака... Оставшись в Советской России, перенёс много мытарств и в конце концов оказался в «расстрельном списке».

Николай Николаевич оставил после себя мемуары. А в 1990 году сотрудник КГБ прислал его родственникам письмо, в котором рассказал об обстоятельствах, которые привели к трагедии.

**УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3**

Это и другие издания Института Наследия вы можете бесплатно скачать в электронном виде на сайте www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»

ISBN 978-5-86443-516-8

© Стародымов Н. А., 2025
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Начало жизни	8
Зрелость	23
Варшава	50
Омск	55
В пути	69
Ново-Николаевск	77
Ст. Тайга	85
Власть меняется	91
После войны	95
Заключение	98
<i>Н. Волков. По северной области в 1903 г.</i>	
Путевые заметки (оригинальный текст)	101
<i>Н. Волков. Эвакуация из Омска (1919 год).</i>	
Эпизод (оригинальный текст)	125
Справочные материалы	158

ВВЕДЕНИЕ

У предлагаемого вниманию читателей биографического повествования есть своя предыстория.

В конце 1991 года ко мне обратился Валентин Кирьязов, военный историк из Одессы, с просьбой отыскать в Военно-историческом архиве материалы о Николае Дмитриевиче Артамонове, герое Освободительной войны в Болгарии 1877–1878 гг. По итогам этой работы я подготовил и опубликовал серию материалов об этом неординарном человеке. А потом меня отыскала правнучка Николая Дмитриевича, Наталья Колчанова. От неё я и узнал о другом её прадеде, Николае Николаевиче Волкове, человеке неординарной судьбы, о котором и пойдёт дальнейший рассказ.

Но прежде чем непосредственно перейти к рассказу о Николае Николаевиче, предлагаю читателям поучаствовать в большом эксперименте.

Друзья мои! Посмотрите вокруг, окиньте внутренним взором максимальное количество своих родных, близких, знакомых, соседей, коллег, даже недоброжелателей... Как ныне живущих, так и покинувших наш грешный мир. И скажите откровенно: есть ли среди них хоть кто-то абсолютно неинтересный, о котором вообще нечего рассказать такого, что могло бы заинтересовать окружающих?.. Не сомневаюсь, что вы согласитесь: нет таких.

Убеждён: судьба каждого без исключения человека достойна того, чтобы стать основой для многотомного романа-эпопеи. И всё зависит исключительно от того, насколько мастерски биограф сумеет эту жизнь описать.

Правильно?.. Конечно!

Но только и не совсем.

Жизнь человека протекает не в социальном вакууме, не в лабораторной пробирке. Каждый из нас обитает в реальном мире, в конкретной точке бытия, на чётко фиксированном участке исторического процесса. А потому если автор берётся за напи-

сание биографического произведения, он обязан рассказать не просто о протекании жизни конкретного человека, а показать его поступки на фоне исторических событий. Даже не на фоне, а как неотъемлемую составляющую исторического процесса, органически неотрывную от него. И герой повествования нередко совершает те или иные действия, в большинстве своём лишь реагируя на воздействие на него упомянутого уже исторического процесса.

Описывая реального человека, автор тем самым воссоздаёт картину эпохи. Во всяком случае, так должно быть!

Это касается любой судьбы любого индивидуума, оказавшегося в той или иной географической точке конкретного временного отрезка исторического развития человечества.

Это первый предварительный посыл. Теперь второй.

Исторический процесс подобен водной стихии. Когда-то мы видим ровное течение событий, лишь чуточку подёрнутое лёгкой рябью социальных конфликтов. А потом вдруг грянет воспетый «буревестником революции» жуткий шторм, вздыбятся всеограшающие волны, крушащие на своём пути всё и вся... И вчера ещё казавшийся столь стабильным привычный мир вдруг теряет свою цельность, на глазах дробится на множество составляющих, когда в муках и крови рождается новый мир — и отнюдь не всегда выглядит он, нарождающийся мир, светлым и прекрасным.

В эти периоды ломается всё: устои, традиции, судьбы, законы, нравственность, представления о том, что есть правильно.

Казалось бы, описывать эти переломные эпохи не так трудно, как периоды социального застоя: катаклизмы вызывают у человечества устойчивый и, к сожалению, болезненный интерес. Только вот в чём заковыка: описывать-то следует не фон, а душу человеческую, как она откликается-реагирует на происходящее, как она корчится или, напротив, ликует в условиях, когда всё вокруг рушится.

Вот что самое простое: описать события в моменты крушения старого мира. Вот что самое трудное: понять поступки человека в эпоху перемен, а потом объяснить их читателю.

События, которые потрясли нашу Отчизну в период с 1914 по 1924 годы, и последствия, к которым они привели, занимают особое место в истории всего человечества.

Но — вернусь к мысли, которая уже прозвучала выше — социальные события не существуют сами по себе, их участниками и вершителями становятся люди. Совокупность людей. Вклад каждого — индивидуален, но без него и общая картина оказалась бы неполной.

После столь пространной преамбулы и перехожу, собственно, к изложению задуманного текста.

Об одном участнике тех событий я и хочу рассказать. Участнике пусть и не рядовом, но всё же не из числа вершителей, который, оказавшись в тяжелейшем положении, действовал так, как ему велели долг и совесть. К его поступкам можно относиться по-разному; однако цель данных записок — не судить человека, а попытаться понять его, оказавшегося в той конкретной точке времени и пространства. И его глазами увидеть эпоху.

Герой данного повествования — Николай Николаевич Волков.

Если бы я писал роман о вымышленном, условном, некоем обобщённом герое, выбрал бы для него фамилию позаковыристее, чтобы запоминалась, и исторических параллелей возникало поменьше. Персоналий с фамилией Волковы история знает немало. Соответственно, идентифицировать конкретного человека, даже если когда-то кто и читал о нём, не так просто.

Но данные записки — о реальном человеке. И потому изменять не стал ни имени его, ни фамилии. И досочинять что-либо героическое тоже не стал. Разве что обозначу свою позицию в моментах, которые вызвали у меня вопросы.

Вполне понятно, что биографические записки традиционно начинаются с детства. Без этого дальнейшую жизнь не поймёшь. И если они кому-то покажутся скучными, изначально постараюсь заинтриговать обещанием: впоследствии всё проявится — и революционность (пусть и умеренная), и гонения за инакомыслие, и государственная служба в «медвежьем углу» империи, и контакты с иностранными шпионами, и любовь, и три года счастья, и истории, оставившие вопросы без ответов, и революция, и подвиги, и слабости, и отчаяние, и трагедии, и гибель лучших, и спасение недостойных... И финал, который предвосхищать не стану.

Всё будет. Но только без рассказа о детстве никак не обойтись. Потому что всё и вся в каждом из нас закладывается именно в ту пору, когда мы только начинаем постигать жизнь.

Ну и самое главное.

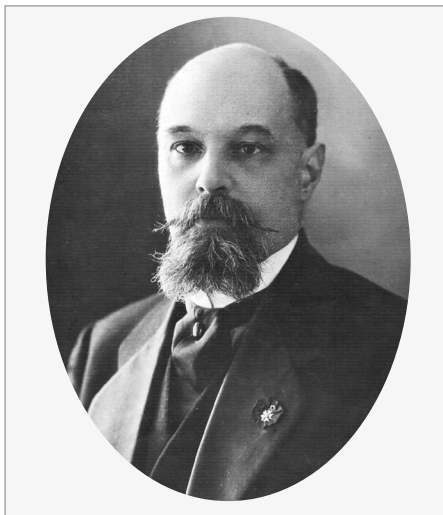
Предлагаемый текст подготовлен на основании подлинных документов и дневников, которые хранятся у потомков Николая Николаевича, и в первую очередь у Колчановой Натальи Евгеньевны. В конце данной книги собран справочный материал о её предках и родственниках, подготовленный ею же (сохранённый в семье); и эта подборка несомненно вызовет интерес у любителей отечественной истории.

Приятного прочтения!

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Николай Николаевич Волков происходил из дворянского рода. Материалы о его предках (как, впрочем, и о потомках, хотя об этом — ниже) приведены во второй части предлагаемой книги. Как уже сказано, их подготовила Наталья Колчанова, правнучка человека, о котором идёт речь. На основании имеющихся у неё материалов и подготовлен данный текст. Обратив внимание читателей на данный факт, без необходимости возвращаться к нему не стану.

Николай Николаевич Волков.

Фото из семейного архива

Николай Николаевич родился 21 июня 1872 года в Киеве. Для начала, коротко, о родителях нашего героя. Судьбы его родителей настолько интересны, что каждая сама по себе также могла бы стать сюжетом для самостоятельного произведения.

К сожалению, именно судьбы — во множественном числе, ибо общей судьбы у них не сложилось. Они романтически по-

знакомились, прожили вместе полтора десятилетия, а потом расстались. И это в значительной степени предопределило судьбу нашего героя — банальная история: расстанутся взрослые, а как это скажется на детях, никто и никогда предвидеть не в силах.

А начиналось у его родителей и в самом деле красиво и романтично, как нередко описывается в слэшовых романах.

Отец Николая Николаевича, Николай Егорович, родился и проживал в доме отца, в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове, на углу Большого проспекта и 5-й линии. Получил прекрасное юридическое образование. Занимался адвокатской практикой, затем перешёл на государственную службу. Подготовил и издал несколько серьёзных работ по истории императорского Дома Романовых. В очерке об истории царствования Александра III автор поместил портрет царя-Миротворца, который подарила Волкову Мария Фёдоровна, вдова государя. Подготовленное им фундаментальное исследование «История Дома Романовых» не увидело свет по цензорским соображениям; а впоследствии рукопись погибла в 1915 году.

Впоследствии Николай Егорович перебрался в Киев, где вернулся к адвокатской практике.

Николай Егорович Волков.

Фото из семейного архива

Семейное предание утверждает, что ему даже довелось участвовать в некоем громком процессе в Киеве в качестве помощника некоего адвоката общероссийской известности. Если это так (а почему бы преданию ни оказаться правдой?), то больше всего на роль его патрона подходит популярный в Малороссии правозащитник той поры Лев Куперник — и по временному периоду, когда они могли пересекаться, и по соотношению возраста, и по политическим воззрениям.

Но это — лишь так, к слову. Для нашего повествования куда важнее другой факт, доподлинно достоверный.

Как-то, году примерно в 1864-м, будучи ещё в Петербурге, Николай Егорович заглянул в некую шляпную дамскую мастерскую... Да-да, дорогой читатель, всё случилось в соответствии с законами жанра: там работала очаровательная девушка-модистка, в которую юный адвокат влюбился, а потом и предложение ей сделал, которое она приняла.

Звали её Мари Грийя.

Мари Грийя. *Фото из семейного архива*

Девушка оказалась француженкой, придерживалась умеренно революционных взглядов, что пришлось по душе адвокату, также по своим убеждениям склонявшимся к «левизне». В Рос-

сию Мари приехала на заработки, ещё до Парижской коммуны, идеалы которой вполне разделяла. Русского языка почти не знала, чем совершенно очаровала молодого человека.

Что касается Мари, по всей видимости, она решила, что в лице молодого адвоката к ней в гости припожаловала сама удача. Я не знаю, что в подобном случае говорят французы — русские вспоминают принца на белом коне...

Чтобы зарегистрировать отношения, француженка приняла православие, став теперь Марией Марковной. Так что в Киев Николай Егорович отправился с молодой женой. Предполагаю, что это решение они приняли по самому банальному соображению: для француженки киевский климат оказался более подходящим, чем петербургская сырость.

И стали они жить-поживать... Правда, вот с продолжением этой сказочной присказки получилось не очень.

Сегодня принято считать, что в царское время народ весь поголовно отличался крепким здоровьем. В какой-то степени можно сказать и так, только предварительно оговорившись: данное утверждение можно отнести по большей степени к тем, кто выживал... Статистика детской смертности на рубеже XIX—XX столетий выглядит ужасающей — она достигала 60 процентов от родившихся, а на каких-то территориях в некоторые годы и вовсе возрастала до 71 процента. Эти данные — не «красная» пропаганда, они из официального доклада, представленного на заседании Первой Государственной думы.

У четы Волковых-Грийя первые два ребёнка умерли — девочки, Машенька и Оленька. И только сынок Николенька выжил. Хотя рос довольно болезненным, не пропуская ни одной инфекции. Когда мама повезла его к родне в Париж и Марсель, даже там умудрился заразиться чёрной оспой; только какая-то специальная маска спасла его лицо от оспин.

* * *

Когда Николаю-младшему едва исполнилось семь лет, отец их оставил. Что уж у них с супругой не сложилось, не нам судить. Вроде как вспыхнувшая у Николая Егоровича новая любовь —

а это такая сила, что вполне может снести голову у любого, даже самого здравомыслящего человека. Его избранницей стала известная в то время актриса Марья Викентьевна Музуровская, которая по информации из словаря Брокгауза и Эфрона, «играла сначала на варшавской польской сцене, потом, изучив русский язык, перешла к исполнению пьес на русском языке, с успехом гастролируя в СПб., Москве и др. городах России».

Что и говорить, трудно удержаться от того, чтобы не высказать суждение по этому поводу: оставил-де жену с ребёнком, не отличавшимся здоровьем, со слабым знанием языка, без образования и профессии, и укатил с «актёркой-молодухой»... Что и говорить: внешне-то так оно и смотрится. Да вот только чтобы судить, нужно знать подоплёку случившегося.

Соответственно, и от навешивания ярлыков воздержимся. Как говорится, кто сам, да без греха!..

Просто констатируем, что Николай Волков-старший уехал в Варшаву, где проживал с новой семьёй. То есть, как «с семьёй»... Мария Марковна развода ему не дала, так что проживали «молодые» невенчанными вплоть до самой её кончины...

До конца дней своих Николай Егорович поддерживал связь с сыном. И к этой теме мы ещё непременно вернёмся.

Так Мария Марковна осталась одна с малолетним ребёнком на руках. Что делать, как жить?..

...Когда я знакомлюсь с событиями давно минувших лет, мне труднее всего даются две вещи.

Мне непросто понять психологию наших далёких предков, их восприятие мира в целом и окружающей действительности в частности. Сколько бы ни утверждали некоторые мыслители, что человеческая природа всегда остаётся одной и той же, я считаю это демагогией — человек проживает в данной конкретной социальной среде, которая и формирует его внутренний мир. К тому же я постоянно чувствую, как надо мной довлеет знание последующих событий, и порой охватывает досада: ну что ж ты, парень, не принял меры, не обезопасил себя от грядущего катаклизма!

И второе, что в данном случае важнее. Мне всегда очень трудно ориентироваться в финансовой сфере, в экономических вопро-

сах иной эпохи на бытовом уровне. Как-то с трудом мне удаётся соотнести доходы, налоги, стоимость товаров и услуг... Читаешь Льва Толстого, Антона Чехова, Александра Куприна, Владимира Гиляровского, Николая Лейкина, Михаила Меншикова, Владимира Дедлова, Александра Островского etc. — и замечаешь, что одинаковые вроде как в цифровом выражении деньги в разных ситуациях оказываются разными по покупательной способности, по восприятию их современниками. И в чём дело?.. Не понять.

Так вот, Мария Грийя, как уже говорилось, до замужества служила модисткой в заурядной шляпной мастерской. Профессия, как ни крути, не самая прибыльная. Николай Волков-старший к числу высокооплачиваемых адвокатов тоже, судя по всему, не принадлежал — доходы имел, конечно, но не запредельные. То есть у семейной пары, по идее, не могло оказаться каких-то значительных сбережений. Однако выше уже упоминалось, что мама с сыном могли себе позволить поездку во Францию.

Да и дальнейшие события лично меня несколько озадачили.

Например, после отъезда супруга Мария смогла получить ссуду в банке. Под какие гарантии?.. Конечно, можно предположить, что во времена оны механизм получения ссуды отличался от нынешнего, однако ж, как ни крути, не за прекрасные ж глазки их выдавали... Единственное разумное объяснение приходит на ум, что поручителем француженки стал оставивший её муж.

Впрочем, чего уж рассуждать о том, в чём не разбираешься! Я подробнее рассказываю о том, что происходило, а о подоплёке происходившего — только по мере необходимости.

А потому просто констатируем: оставшаяся с ребёнком одинокая женщина сумела получить ссуду в банке. Продала имевшиеся у неё драгоценности. Задействовала все сохранившиеся у неё сбережения. Вроде как ей какая-то толика наследства перепала от родственника неверного мужа...

Как бы то ни было, оставленная жена купила в Киеве дом. Более того, на участке возле дома она же построила четыре флигеля по девять комнат в каждом. Все эти площади она сдавала в наём и на вырученные средства проживала и выплачивала ссу-

ду. Имелась у Марии Марковны и прислуга: лакей, а также «бонна» для мальчика — немка Юлия Фердинандовна. Кроме того, Мария Марковна подкармливала несколько старух-приживалок. Из сказанного можно сделать вывод, что какой-то достаток сдаваемое в наём жильё приносило.

В источниках сохранился адрес этого домовладения: ул. Тимофеевская, 8. Справившись со всезнающей Всемирной Сетью, уточнил, что сегодня это ул. Михаила Коцюбинского. Тимофеевская улица выходила на Бибиковский бульвар — сегодня это бульвар Тараса Шевченко.

Киев вообще красивый город, даже сегодня, когда его заметно подпортила современная урбанизация — эта беда всех исторических городов. Ну а в конце XIX столетия он и вовсе утопал в зелени парков и бульваров, сиял многочисленными маковками храмов.

* * *

Николай Волков-младший получил неплохое начальное домашнее образование. Он знал несколько языков, проявлял недюжинные способности в математике, интересовался литературой и правом.

От матери он унаследовал некоторое фрондёрство; и, хотя никогда не проявлял ультрареволюционных взглядов, неоднократно вступался за несправедливо пострадавших товарищей. Он не был революционером, но всегда оставался правдоискателем. В какие-то моменты это ему помогало, но куда чаще доставляло неприятности.

Но не станем забегать вперёд — время разбрасываться камнями ещё не наступило...

Когда Николай подросток, его определили во Вторую Киевскую мужскую гимназию. От Первой она отличалась более лояльным отношением к приёму ребят на учёбу по социальному происхождению. Как ни говори, а отец-дворянин семью оставил, и мальчик воспитывался у матери, к происхождению которой могли возникнуть вопросы; формально она относилась, по всей видимости, к сословию мещан.

Впрочем, данное учебное заведение котирировалось довольно высоко. В нём, в частности, в разное время учились Рейнгольд Глиэр, Валентин Войно-Ясенецкий (будущий знаменитый епископ Лука, хирург и писатель невероятно интересной судьбы), Николай Максимович, Отто Шмидт, Василий Шульгин, а также, некоторое время, Михаил Булгаков.

Нет сомнения, что читатели, которым когда-то посчастливилось бродить по Киеву, следующий абзац прочитают с особым удовольствием.

По утрам Николай выходил из дома на Тимофеевской, поворачивал вдоль бульвара налево. По другую сторону мощёной проезжей части тянулась ограда Ботанического сада, некогда задуманного Викентием Беретти и заложенного в 1839 году Рудольфом Траутфеттером... Проходил мимо педагогического института... Далее миновал великий и великолепный Владимирский собор, в оформлении которого принимали участие замечательные художники Адриан Прахов, Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Павел и Александр Сведомские, Михаил Врубель и другие...

И вот этот путь юноша проделывал ежедневно.

Считается, что человек ко всему привыкает, и со временем перестаёт замечать и оценивать прекрасное, если видит шедевр каждый день. Кто знает, как она устроена, человеческая психика. Но только думается, что человек, окружённый красотой и любовью, имеет больше шансов вырасти гармоничной личностью, чем произрастающий в грязи и мерзости. Конечно, можно привести сколько угодно примеров обратной зависимости; однако исключения, на мой взгляд, никогда не перечеркнут общую тенденцию.

Все мы родом из детства. Сколь ни была бы избитой эта фраза, опровергнуть её никому не удавалось.

* * *

В гимназии Николай пользовался среди соучеников уважением и авторитетом. Добрый, незлобивый очкарик, книгочей и полиглот, он легко и охотно помогал товарищам. А то вдруг

преображался, становился жёстким трибуном и обличителем, когда сталкивался с несправедливостью — касалась ли она его лично, или тем паче кого-то другого.

Товарищи таких, как правило, уважают. Преподаватели и начальники приветчают, мягко говоря, не всегда.

Приходится лишний раз напомнить, что рос Николай без отца, а воспитывала его мать — француженка республиканских взглядов, выросшая в стране, где не знали поговорку «думай, что говоришь, когда говоришь, что думаешь». Не раз за свою жизнь Николай Николаевич попадал впросак именно из-за несдержанности языка, когда говорил именно «что думал».

Вот хотя бы такой случай. Будучи учеником 6 класса, он на экзамене прочитал стихотворение Николая Некрасова «Размышления у парадного подъезда». Стихотворение, бесспорно, гармоничное для прочтения, и даже мудрое, однако же в ту пору официально запрещённое цензурой!.. Скандал!

Расценить ведь можно по-всякому: юноша не просто озвучил запретный стих, а тем самым показал, что читал запрещённую литературу.

Приговор: трое суток карцера.

Несмотря на относительный либерализм гимназии № 2, в результате случившегося учёбу здесь пришлось оставить и продолжить в гимназии № 4.

Это учебное заведение служило... Как бы это сказать... Ну, в общем, всех, кому по тем или иным причинам приходилось уходить из гимназий Первой и Второй, принимали в Четвёртой. Ну а поскольку таковых юных вольнодумцев (или тех, кого начальство таковыми считало) хватало, в конце концов учебное заведение оказалось переполненным учениками. Тем более что помещения своего оно не имело и на описываемый период занимало съёмное здание. Оно располагалось здесь же, на углу Бибиковского бульвара и Больничной улицы (сегодня имени Николая Пирогова), а Николаю ходить сюда оказалось даже ближе.

Эту гимназию Николай Волков и окончил.

Его выпускное сочинение «Возвышенную цель поэт избрать обязан» вызвало истинный восторг у преподавателей и попечителей учебного заведения. Однако юноша тут же провалил экзамен

по латыни. Впоследствии махнул рукой на диплом — в его натуре всегда присутствовала некоторая легкомысленность — и пересдавать экзамен не стал. Так и остался, с формальной точки зрения, недоучкой.

* * *

Правило на все времена: нет аттестата о среднем образовании — закрыт путь в университет. Однако в этом вопросе во времена оны имелась нехитрая лазейка: желающим разрешалось посещать лекции в качестве т. н. вольного слушателя. Чем и воспользовался Николай. Он стал, как бы это сказать, «внештатным студентом» юридического факультета Киевского университета, на котором в течение какого-то времени достаточно успешно овладевал знаниями.

Но только его натура и тут проявилась.

...И вот тут я позволю себе первое серьёзное отступление от повествования, чтобы выразить свою точку зрения на последующие события. Оно, конечно, слов нет, Платон, то бишь Николай Николаевич, мне очень симпатичен, однако куда ж деваться от дорогостоящей истины?..

С молодых ногтей я воспитывался на идеях социализма и ленинизма. Вполне понятно, что и историю, в данном случае речь идёт об отечественной, воспринимал под соответствующим достаточно догматическим углом. Однако же со временем во мне вызрело понимание, что мыслящий человек не может всю жизнь оставаться на незыблемо непоколебимых позициях — чтение и беседы с инакомыслящими людьми непременно привносят коррективы в систему воззрений Личности, которая желает познать тайны бытия. Это основа диалектического материализма, который я считаю непреложной основой познания мира...

...Во второй половине XIX столетия высшие учебные заведения Российской империи, и в первую очередь университеты, стали подлинными рассадниками вольнодумства, бунтарства, а впоследствии и революционных настроений. С детства помню картину (в смысле художественное полотно), на которой юный Володя Ульянов в накинута студенческой куртке ведёт

за собой соучеников в светлое будущее... Учебники и преподаватели нам внушали, что студенчество готовило базу будущей революции, прогрессивные профессора их в этом поддерживали, в то время как нехорошие мракобесы-ретрограды всячески стремились прогрессивные устремления студенчества затормозить и заморозить.

На уровне официальной демагогии эпохи социалистического реализма картина формировалась складная и стройная. В юности она не вызывала у меня кардинальных вопросов и сомнений. Но потом я начал знакомиться с фактами, не просто принимать сказанное на веру, а задумываться над ними — за что ратовали революционеры, и чего хотели консерваторы. И как-то убеждения молодости начали расшатываться-размываться. «Партия умеренного прогресса в рамках закона» мне становилась всё ближе, чем «Весь мир насилия мы разрушим до основания» тем же насилием со стороны людей, которые фигурировали в песне, кто «был ничем»... Беда, что срединного пути между этими двумя крайностями как-то не придумывается.

Но вернёмся к данной конкретной публикации. Ключевой вопрос: а почему университет, любое другое учебное заведение должно становиться революционным клубом? Почему в них должно происходить не насыщение знаниями, а пропитка бунтарством?

Господа (или товарищи) либералы и бунтовщики! Хотите изменения существующего строя? Ваше право. Выходите на митинги, создавайте революционные кружки, распространяйте свои идеи, проводите их пропаганду, зовите на баррикады... Но вне стен альма-матер!

Университет — место, где постигают науку, где политику и мировоззрение изучают, но не занимаются агитацией за свержение существующей власти. Можно, конечно, в принципе, допустить дискуссию по политическим вопросам в рамках учебной программы, однако со звонком она должна завершиться.

Моя точка зрения: любой студент, который пытается превратить учебное заведение в якобинский клуб, может вполне законно подвергаться наказанию со стороны руководства вуза, а то и правоохранительных органов. И уж тем паче это относит-

ся к «вольнослушателям», которым — так и быть! — снисходительно дозволено посещать занятия без сдачи вступительных экзаменов.

И второе. Общеизвестно, что безнаказанность развращает. Как только по отношению к малолетнему правонарушителю раздаётся слащавое «он же ребёнок» — жди, что у него появятся последователи. Принцип неотвратимости наказания имеет приоритетной целью не карательную, как нередко считают, а профилактическую функцию: предотвратить последующие правонарушения — его несоблюдение провоцирует нарастание преступности.

Власти, судя по всему, не сразу оценили опасность студенческого вольнодумства. Вернее, не духовного бунтарства как такового, а того факта, что оно в учебных учреждениях не пресекалось. И вскоре многие студенты начали свободу мысли воспринимать как вседозволенность волеизъявления. Апофеозом этого явления стала всероссийская студенческая забастовка, прошедшая в феврале 1899 года.

Вовсе уж вопиющим случаем стали события, произошедшие в том же Киевском университете в 1901 году. Несколько студентов скопом изнасиловали девушку. По распоряжению руководства их определили в карцер. И в защиту этих мерзавцев (а как ещё назвать насильников?) поднялось студенчество всей России!.. В результате власти пошли на попятную, насильники стали героями, ряды бунтарей пополнились уверовавшей в безнаказанность частью молодёжи с сомнительными представлениями о морали, в то время как искренние защитники строя вдруг осознали своё бессилие перед нарастающим бунтом.

* * *

Но вернёмся к нашему герою.

К слову вспомним, что его отец в своё время подготовил публикацию об Университетском указе 1884 года; и в этой публикации осторожно отмечал факт того, что государство в результате данного законодательного акта утратило рычаги влияния на внутреннюю политику учебных заведений, и что это

чревато нежелательными последствиями. И вот надо же: его же сын оказался замешанным в событиях, по сути, предсказанных отцом.

Николай Волков-младший стал участником студенческого протестного выступления в Киевском университете в 1896 году. Более того, он вошёл в группу из дюжины учащихся, которые от имени бунтарей вступили в переговоры с руководством университета.

В результате вполне закономерно ему запретили посещать лекции. Лично я руководителей вуза понимаю.

Не окончивший (не имевший о том документа) гимназии, изгнанный «за политику» из вольнослушателей университета, попавший «на карандаш» в департаменте полиции... На государственную службу путь Волкову автоматически закрывался. Да и в частных финансовых компаниях или банках в таких сотрудниках не особо нуждались — и благонадёжных хватало.

Николаю Николаевичу пришлось перенацеливаться на другую жизнь. Но на какую? Этот вопрос предстояло решать. Причём, судя по всему, не ему самому — хлопоты приняла на себя мама.

* * *

Чужие ошибки, да к тому же задним числом, разбирать легко и просто. И даже как-то приятно — осознаёшь, что уж сам бы так не обмешурился.

Семейное предание гласит, что Мария Грийя обожала своего сына. Однако при этом головы не теряла, старалась оставаться практичной женщиной. Получалось не всегда.

По всей видимости, она пришла к выводу, что без документа об образовании, да с подмоченной репутацией, у Николеньки в Киеве особой перспективы сделать карьеру нет. Между тем ему уже 25, не мальчик, а в активе — один пассив: ни образования, ни профессии, ни (судя по всему) связей.

И мать решила приобщить молодого человека к деятельности помещика — на этой ниве не разбогатеешь, но и голодным не останешься. Особенно если вспомнить, что дело происходило на

территории, которая впоследствии получит название Украины — что климат благодатный, что почвы тучные...

Поступок матери можно расценивать по-разному. Каждый из нас вправе вынести свой вердикт, только вопрос: в какой степени наше субъективное мнение окажется объективным? Всегда ли мы сами, каждый из нас правильно просчитывает последствия своего поступка, всегда ли в силах оценить, к каким принятое решение приведёт результатам? Как тут ни вспомнить: хотим-то мы всегда как лучше, а вот что получается в результате?

Женщина, заботливая мать поступила именно так, как рассказывается в семейных хрониках. «Брошенка» — судя по всему, ей в какой-то момент и посоветоваться особо оказалось не с кем. А если и советовалась с кем — всегда ли советы сторонних идут на пользу?

Итак, решив начать жизнь помещицы, Мария Марковна продала в Киеве всё, что имела — дом с участком и флигелями, и на вырученные деньги приобрела имение Великие Омеляны, расположенное близ Ровно — сегодня на этой территории расположен международный аэропорт. Вспомним, к слову, коль уж речь зашла, что именно в этих краях обитали «дети подземелья», о судьбе которых мы читали в известной книге Владимира Короленко.

Как тут удержишься от реплики!

Дом, в котором сейчас проживаю я, автор предлагаемого текста, расположен на месте старинного села. Кто жил в пятистенке, снесённом для того, чтобы построить эту многоэтажку, какие радости или печали постигали тех неведомых мне людей?.. Когда я служил в военно-строительном отряде, возводили санаторий «Русь» также на месте села, Дьяково называлось... И — те же вопросы: там ведь тоже, наверное, кипели страсти, порой шекспировского накала (или лесковского, если вспомнить «леди Макбет Мценского уезда»).

И так — по всему миру! Люди проживают на территории, где кто-то когда-то уже обитал. И ничего-то мы о них — местных жителях прошлого — не знаем. Будто и не существовало их, будто мы тут первые. А ведь это не так — жили они, вот по этой земле ходили...

Люди, которые смотрят на Великие Омеляны в иллюминатор взлетающего или приземляющегося лайнера, конечно, думать не думают о той трагедии, которая приключилась здесь на рубеже XIX и XX столетий...

Недавно в комментариях к одной моей публикации некто написал что-то в том духе: а зачем вообще знать о малоизвестных людях прошлого? Оно и в самом деле — зачем? Наверное, затем, что человечество состоит из людей, и не только ныне живущих, и не только знаменитых, чьи имена в энциклопедии вошли. Судьбы отдельных людей и сплетаются в общую историю!..

* * *

На новое место жительства мать и сын перебрались в 1897 году.

...Какое же это блаженство — выехать на собственную дачу! Возлежишь этак ленивенько в гамаке, покачиваешься, вино или чайк прихлёбываешь, звёздным небом любуешься!.. Звуки ночные дремоту навевают... Благодать!

Только наши героини приехали в усадьбу не блаженствовать — трудиться. А как трудиться на земле им — сугубо городским жителям? Шляпной модистке и недоучившемуся юристу...

Без опытного управляющего — никак!

Уж где мадам Волкова-Грийя отыскала именно этого пана, неведомо. Но только объявился в купленном имении поляк-управляющий. Он развернул бурную деятельность, под его руководством поместье, словно как расцвело, обещая владельцам обеспеченное будущее...

Да только недолго это продолжалось! В один далеко не прекрасный день поляк-управляющий вдруг бесследно исчез.

И не просто исчез. И даже не просто прихватив с собой всё, что только удалось умыкнуть в данный конкретный момент. Он запродавал весь урожай усадьбы за три года вперёд.

Всего оборотистый пан присвоил себе сорок тысяч рублей чистоганом! Оставив мать и сына не только без гроша, но в таких долгах, что они вполне могли оказаться и под судом; несмотря на какое-никакое юридическое образование Николая.

ЗРЕЛОСТЬ

Приходится повторить мысль, которую уже приводил несколько выше. Мне трудно судить о финансово-бытовой стороне жизни наших предков на рубеже XIX и XX столетий; я не в силах адекватно соотнести доходы, расходы и покупательную способность человека той поры, оценить его возможности с точки зрения материального обеспечения. Потому приходится просто принимать изложенное в записках Николая Николаевича и в рассказах его родственников.

Став жертвами столь бессовестного мошенничества, Мария Марковна и Николай Николаевич продали всё, начиная, разумеется, с самого имения. По всей видимости, выпутаться из долговых пут им вновь помог Николай Егорович — юридически или материально, неведомо, а то и задействовав связи... В любом случае, предположение выглядит довольно вероятным.

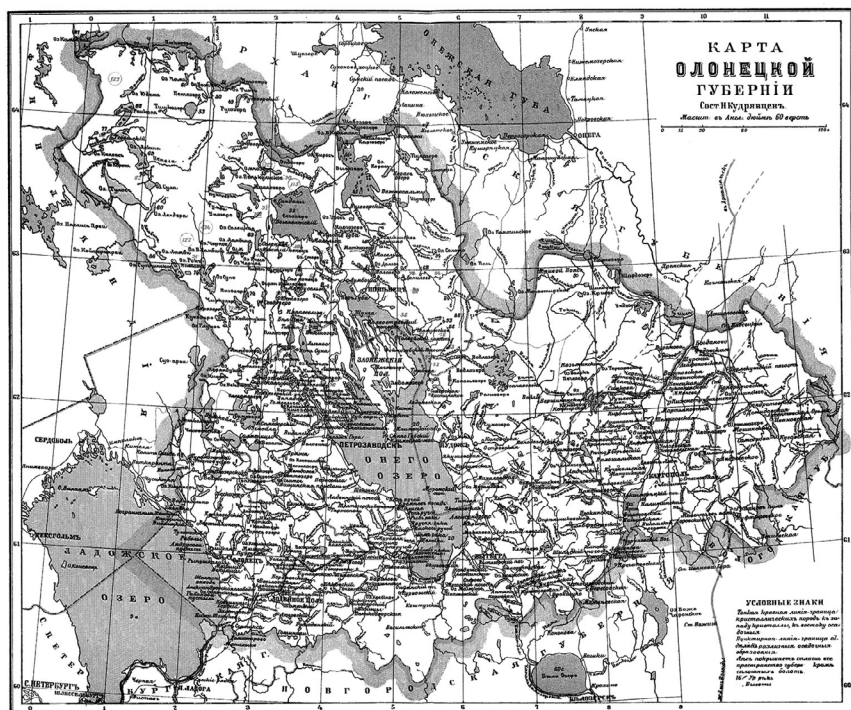
Это можно предположить исходя из факта, что именно он помог сыну с дальнейшим трудоустройством — это известно доподлинно.

...Россия — необъятная страна. Однако особенность её расположения и климатического разнообразия такова, что немало на просторах государства территорий, куда служивый люд калачом не заменишь. Вот и приходится в «медвежьи углы» отправляться чиновникам, у которых нет возможности обосноваться в более благополучном месте.

Так что всего-то и смог Николай Егорович выхлопотать для своего сына должность, на которую особо охотников не находилось. Соответственно, местное начальство глаза закрывало на отсутствие документа об образовании, равно как на определённое вольнодумство чиновника, о котором, думается, даже в те времена прознать не составляло труда. Главное, чтобы дело разумел и к этому делу относился добросовестно...

Так и стал Николай Волков чиновником для особых поручений при губернаторе Олонецкого края — Карелии, если

по-современному. На всякий случай уточню: ударение в названии края следует ставить на второй букве «О», а не на «Е», как для нас является вроде как привычнее.

Карта Олонецкой губернии.

*Энциклопедический словарь : В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. —
Репр. изд. — Санкт-Петербург : ПОЛРАДИС, 1993.*

Всю историю этой провинции рассказывать в данный момент нет необходимости, остановлюсь только на периоде, в который в ней довелось служить Николаю Николаевичу. И то исключительно для того, чтобы читатель немного погрузился в обстановку, в которой довелось работать нашему герою, оценить объём работы, которую пришлось проделать.

Собственно Олонецкая губерния образовалась в 1801 году. Столица провинции — город Петрозаводск. На описываемый период население всего края составляло 360 тыс. человек — ме-

нее трёх человек на кв. версту. В 1897 году проводилась Первая Всероссийская перепись населения, и в крае её тогдашний губернатор, тайный советник Михаил Демидов (из того самого, знаменитого уральского рода), уделял статистике самое пристальное внимание, так что данным можно доверять.

Петрозаводск

Территория края вообще не особо благоприятна для проживания: леса да болота, речушки да озёра, хороших дорог почти нет, почва всё больше каменистая, для сельского хозяйства весьма неблагоприятная, зимы затяжные и многоснежные, зато летом солнышко на небе — редкий гость. На протяжении XIX столетия на край трижды обрушивался жесточайший голод — в результате нужда заставляла местных жителей вместо муки использовать толчёную сосновую кору, молотые жёлуди. Когда сюда приехал Волков, в народе ещё свежими оставались воспоминания о голодных 1892 и 1893 годах, в которые выжидали лишь за счёт продовольственной помощи, поступавшей из Центральной России.

Николай Николаевич прибыл к месту службы, и ему тут же пришлось впрягаться в работу с полным напряжением сил.

Набережная Петрозаводска

Упоминавшийся Михаил Демидов незадолго до того умер от воспаления лёгких, и на его место прибыл новый губернатор — тайный советник Владимир Александрович Левашов. Человек инициативный, искренне болевший за вверенный ему участок работы, он активно трудился сам и требовал того же от подчинённых. Истинный государственныйник.

Судя по воспоминаниям Николая Николаевича, пришлось с места в карьер включаться в новый ритм жизни. Став государственным чиновником, занимая заметный пост в масштабах губернии, он почувствовал свою значимость и начал получать денежный оклад, что не могло не сказаться на его самооценке. Человек молодой, он легко перенёс столь разительную перемену в своей жизни.

Каждый руководитель, прибывая к новому месту службы, начинает деятельность по-своему. Левашов в качестве приоритетного определил упорядочение путей сообщения края. Для реализации задуманного он первым делом решил заняться картографированием территории, для чего сформировал специальный т. н. «дорожный комитет». На будущую подробную карту губернии наносились даже пешеходные тропы, не говоря

уже о проходившем по её просторам участке Вологодско-Архангельской железной дороги и почтовых трактах.

На основании проведённых предварительных исследований начали проводиться работы: обустраивались существовавшие пути-дороги, прокладывались новые, совершенствовалась инфраструктура.

Большое внимание дорожному строительству уделялось в самом Петрозаводске; не случайно центральный бульвар города поныне носит имя Левашовский. Первые мощёные улицы в столице края появились тоже при Левашове. Огромную роль сыграл губернатор в развитии медицины в губернском городе, в частности, помог земству открыть при больнице офтальмологическое отделение.

Волкову приходилось принимать в решении всех этих вопросов самое непосредственное участие. Ведь кто такой чиновник по особым поручениям?.. Это человек, которого губернатор отправляет решать оперативные задачи, доверяет ему в уверенности, что не подведёт, и рассчитывает получить достоверную информацию; при необходимости его именем употребит и власть, если для пользы дела. Без такого доверенного лица губернатору никак: территория огромная, а связи — никакой; без верных инициативных помощников не обойтись.

Когда спустя несколько лет Николаю Николаевичу придётся сопровождать по краю иностранного дипломата, знание дорог ему ох как пригодится!

Преемником Левашова на посту губернатора стал Николай Васильевич Протасьев. Человек также деятельный и болеющий за дело. Только основное внимание он уделял иным задачам. А именно — производственной сфере.

Градообразующим предприятием Петрозаводска являлся Александровский железоделательный завод. Николай Васильевич, осознавая значение предприятия для региона, да и для государства в целом, всерьёз занялся его реорганизацией, переоборудованием в соответствии с современными на тот момент достижениями металлургической промышленности. В частности, по инициативе губернатора в производстве металлов стали активно использовать электричество, для чего именно Протасьев

инициировал строительство на реке Лососинке (ударение в названии на букву и) электростанции. В бытность его губернатором активно развивалось пароходное движение по водоёмам края.

Выше уже говорилось, что нашему герою, Николаю Волкову, довелось сопровождать в путешествии по региону французского посланника. Так вот, материалы его доклада и выпущенные впоследствии путевые заметки активно использовал Протасьев при подготовке докладной записки о необходимости строительства Беломорско-Балтийского канала. Как мы знаем, идея канала воплотилась в жизнь значительно позже, уже при Советской власти.

Другое направление деятельности, которому Протасьев уделял большое внимание — это система образования. Он организовал мужскую семинарию для подготовки учителей начальной школы. Организовал Карельское православное братство Св. Георгия — учреждение для распространения знаний, как православных, так и светских, среди местного населения. Он же открыл приют для мальчиков-сирот, который позднее получил название Протасьевского.

...Исключительно по причине стечения обстоятельств в поле нашего зрения попала деятельность троих губернаторов. И посмотрите, насколько все трое оказались именно государственниками: деятельными, активными в вопросах обустройства вверенных их попечению территорий. Из этого как-то сам собой напрашивается вывод, что немало чиновного люда в ту пору добросовестно трудилось на благо Отечества. Как же так получалось-то, что страна всё неотвратимее сползала в пучину грядущей революции? Почему в конце концов победили не эти чиновники-созидатели и их сподвижники, а разрушители, деструктивисты, сторонники теории «отнять и поделить»?..

Понятно, что это вопросы исключительно демагогически-патетические. Мы ведь знаем конечный результат: разрушители в нашей стране на протяжении XX столетия побеждали дважды: в феврале — октябре 1917 года, а также в конце 80-х. Крушить-то, как ни говори, легче.

Отвлёкся я? Пожалуй, что и да. Просто досадно стало: люди строили, не зная, в какой хаос скоро рухнет страна...

* * *

Настолько подробно рассказываю о деятельности олонечких губернаторов по причине, думаю, очевидной для читателей. Выполняя поручения руководителей, наш герой исколесил весь край вдоль и поперёк, принимал участие в реализации всех их начинаний.

Судя по всему, его службой оба губернатора — и Левашов, и Протасьев — остались в целом довольны; во всяком случае, информации о нареканиях в его адрес нигде не зафиксировано.

* * *

В Олонецкую губернию Николай Николаевич приехал со своей матушкой, Марией Марковной. Она, в отличие от сына, такую перемену в судьбе не перенесла. В 1901 году отошла в мир иной. Наверное, это объяснимо. Ведь только самыми общими мазками обрисовать её жизнь!.. Сплошная череда разочарований.

Некогда приехала в Россию, зная, что многие её соотечественники в этой стране неплохо обустроились. Вышла замуж за дворянина и юриста, полагая, что обеспечила тем самым своё будущее. Перебралась в Киев — город непривычной культуры, но хотя бы по климату и солнечной освещённости, по степени озеленения и красоте архитектуры и природы сопоставимый с родной Францией.

А дальше... Дальше всё пошло не так.

Из троих деток выжил только один. Муж бросил. Сын, подававший столь блестящие надежды, не смог даже образование получить. Сама она, приверженка скорее «левых» взглядов на общественное устройство, не могла не видеть, что усвоенный сыном либерализм явно мешает ему в жизни. Столько трудов положила она на то, чтобы сына вывести в люди; а оказалось, что путь-то она выбрала сомнительный. А тут ещё разорение...

И оказываются они в глухом неприветливом краю, в сером городе, вытянувшемся вдоль набережной серого студёного озера... Судя по всему, француженку эта перемена подкосила.

Николай Николаевич горячо любил мать. Но разве могла его сыновья любовь оградить её от разочарования в жизни?

Как оказалось, не могла.

Мария Грийя умерла от рака. Только кто скажет, откуда он берётся, с чего бы это какие-то клетки организма вдруг начинают развиваться не по правилам? Может, от экологии, может, от разочарования...

Так и получилось, что остался Николай Николаевич в Петрозаводске один, без самого близкого ему на тот момент человека. От переживаний его на некоторое время свалил, как отмечено в биографической справке, «лёгкий паралич». Благо, обошлось всё без серьёзных последствий.

* * *

Вырваться из депрессии Николаю Николаевичу помогла история, которую, по моему представлению, до конца дней своих он вспоминал как одну из самых ярких в жизни. А то и самых счастливых.

А случилось вот что. Летом 1903 года ему довелось сопровождать французского дипломата мсье Мориса Бомпара, который с разрешения Министерства внутренних дел (а то и самого государя) совершал поездку из Санкт-Петербурга до Соловецкого монастыря, и далее через Архангельск обратно в северную столицу России. Об этом путешествии Николай Волков оставил подробные записки.

Соответственно, я, имея на руках эти дневники, на некоторое время почувствовал себя в затруднении. Как поступить мне, автору, принявшему на себя миссию рассказать о судьбе человека? Пересказывать рассказ очевидца? С какой стати, коль записи интересны сами по себе? Вставить его рассказ в предлагаемый текст? Он слишком выбивается из избранного стиля повествования. И потом, по некоторым положениям у меня возникало желание высказаться, уточнить события, поделиться сомнениями, разъяснить происшедшее с учётом знания, что же случилось впоследствии.

Вот я и решил поступить следующим образом. Перескажу предельно кратко прочитанное, со своими репликами. Что же

касается оригинального рассказа самого Николая Николаевича, я его помещу в конце предлагаемой его биографии в авторском варианте.

Но вернусь к высказанному выше предположению. Почему же я считаю, что путешествие, к описанию которого приступаю, это наиболее яркий период его жизни? Для меня в том нет сомнения, и вот по какой причине.

Итак, незадолго до описываемых событий Николай Николаевич похоронил горячо любимую мать. Он остался один в крае, который, вполне вероятно, считал захолустьем. Чин невелик, перспектив особых нет... Насколько можно понять, в Петрозаводске он не встретил общество, подходившее ему по мировоззрению; во всяком случае, нигде не упоминается, что его в городе с кем-то связывала искренняя дружба. В общем, тягучая судьба одинокого чиновника из «глубинки».

И вдруг!.. Столь лестное назначение!..

Николаю Николаевичу предлагают сопровождать группу иностранцев — дипломатов и их очаровательных спутниц — по краю, который он хорошо изучил за годы службы. Причина проста: наш герой — единственный, кто может на равных разговаривать с гостями, они не владеют русским, и абсолютно любой вопрос решается через единственного переводчика, в роли которого и выступал Волков. Мсьё Бомпар — опытный дипломат и разведчик, соответственно, и приятный собеседник. Он совершенно обаял своего русского сопровождающего, равно как и его спутницы обволакивали его своим заморским обаянием.

Мелкий чиновник из заштатного уголка империи вдруг почувствовал себя значимой фигурой, представлявшим свою державу государственным человеком, соприкоснувшимся с сильными мира сего, — и гость умело поддерживал в нём это представление.

* * *

Итак, нашего героя в мае 1903 года вызвали в Петербург, где он получил соответствующее распоряжение. Предстояло сопровождать группу иностранцев, совершавших частную поездку по России.

Возглавлял компанию Морис Бомпар, посол Французской Республики при дворе императора Николая Александровича. К тому же он являлся профессиональным разведчиком — и это не предположение, а явствует из его же рассказа о путешествии по Северной Африке.

Как уже сказано выше, француз буквально обаял нашего героя, который в своих записках описывает гостя в самых превосходных степенях.

Между тем Википедия утверждает, что Бомпар придерживался откровенно русофобских взглядов и ненависть к России сохранил до конца своих дней. На мой взгляд, никакого противоречия в этих двух посылах нет. Как разведчик и дипломат, француз попросту постарался сформировать выгодный для дела контакт с сопровождавшим его русским чиновником. Ну а во-вторых... Как ни говори, а Николай Николаевич оказался наполовину французом, питавшим к далёкой родине матери самые добрые чувства, и при этом, как распознали гости, он обладал именно классическим парижским произношением, что тронуло дам. Согласимся, что все мы, оказавшись за границей, испытываем тёплое чувство к соотечественнику, пусть только по крови и отчасти. Волков для француза оказался в какой-то степени соотечественником, при этом ценным источником информации; ну и вероятность его вербовки шпион никак не мог сбросить со счетов. Так что желание произвести на петрозаводского чиновника благоприятное впечатление вполне объяснимо.

Мориса Бомпара сопровождала его супруга, о которой Волков упоминает с заметным восхищением.

Кроме того, Николай Николаевич в числе путешественников называет французского военно-морского атташе — графа Кавелье де Кювервиль. Мне удалось отыскать письмо товарища (заместителя) министра внутренних дел империи Петра Дурново губернатору Олонецкой губернии с просьбой о содействии в организации путешествия виконта де Кувервиля. Ну ладно, граф или виконт — кто-то из наших чиновников мог и ошибиться, невелика разница. Но вот что касается его имени... В интернете содержится информация о нескольких обладателях такой фамилии, но ни один из них не позиционирован как военно-морской

атташе в России. Не нашёл я упоминания о таком представителе и ни в одном из справочников, которые имеются в моей личной библиотеке.

Среди всех носителей фамилии наиболее «подходящий» на роль нашего путешественника мсьё — адмирал и сенатор, нелепо погибший в 1912 году, Жюль де Кювервиль; заметим к слову, участник битвы за Севастополь в Крымскую войну. Но в его биографии сведений о посещении Русского Севера не содержится; и о его дипломатической миссии в нашу страну также не упоминается. В то время как другой виконт той же фамилии, реально посещавший Россию, известен как естествоиспытатель, и не имел к военно-морскому ведомству никакого отношения.

В общем, не нашёл я никаких сведений об упомянутом спутнике мсьё Бомпара. Закрадывается мысль, что этим именем представлялся некто, пожелавший остаться инкогнито, и неведомо по какой причине называвшийся громким именем. Что, впрочем, никак не объясняет оставшиеся вопросы.

Это вызывает тем большее недоумение, что в самом конце своих записок Николай Волков оговаривается, что этот французский морской офицер погиб в Порт-Артуре при штурме крепости японскими войсками. Если это так, то как и в каком качестве его занесло на Ляодунский полуостров, и при каких обстоятельствах таинственный Кювервиль сложил там свою голову, приходится только выстраивать предположения. Равно как и то, из каких источников Волков мог получить информацию о гибели таинственного графа-виконта.

В общем, примем утверждение Волкова как факт, не углубляясь во второстепенные розыски; тем более что для дальнейшего рассказа вполне достаточно уже сказанного — как ни ряди, речь идёт не об иностранных путешественниках, а о сопровождавшем их русском чиновнике. Добавлю только, что и этого путешественника также сопровождала супруга.

И пятым иноземным участником турне являлась жена датского дипломата, имя которой приведено латиницей — *madame de Kastenskyola*. Предложить русскую транскрипцию в своём варианте я не решился — получилась полная абракадабра; а когда попытался скопировать в поисковую строку интернета, получил

ответ «не найдено». Ну и ладно, что поделаешь. Дама в записках присутствует, однако никакой существенной роли не играет.

Свиту этой интернациональной компании составляли лакей-поляк и повар-француз.

* * *

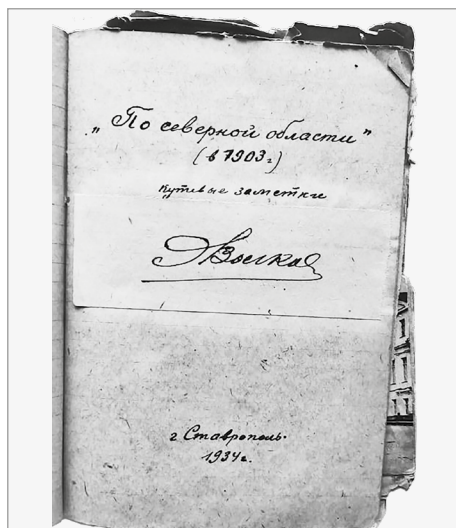
Для путешествия компании иноземцев-дипломатов российская сторона предоставила пароход «Петрозаводск». Мсьё Бомпар сразу же завёл традицию приглашать к трапезе капитана парохода, а также переводчика, нашего друга Николая Волкова. Забавно, что в своём дневнике Николай Николаевич русских гостей за французским столом называл «затрапезниками» — подобную производную форму от «трапезы» я нигде больше не встречал.

В общем-то, такая приветливость вполне объяснима. Дамы дамами, а мужчины оставались разведчиками, пусть и в дружественной (во всяком случае, на описываемый момент) стране. Прикрываясь масками любознательности, они легко вызнали у гостеприимных хозяев много для себя полезного. Особенности навигации на водоёмах, по которым пролегал их путь, например, или сведения о фарватерах, береговых гидротехнических сооружениях, о проложенных в этих местах путях-дорогах или линиях связи.

Как уже говорилось, Волков встретил гостей в Петербурге. Оттуда и отправился пароход вверх по Неве — реке всемирно известной, но довольно короткой: всего-то семьдесят вёрст. Так что начальный отрезок пути получился не таким уж продолжительным.

При выходе из этой реки в Ладожское озеро расположен Ореховый остров, на котором издревле стоит знаменитая крепость Шлиссельбург. Крепость в значении оборонительного сооружения в прошлом — крепость в значении тюрьмы на описываемый момент.

Николай Николаевич, по всей видимости, наслаждаясь своей ролью, а также возможностью разговаривать по-французски, рассказал гостям об этом старинном сооружении всё, что знал. В том числе и о том, что за стенами цитадели, мимо которой шлё-

Рукопись воспоминаний Н. Волкова.
Из семейного архива

пал плицами пароход, томятся самые опасные государственные преступники империи — «политические».

Не вызывает сомнения, что с Волковым никто заблаговременно не проводил инструктаж о том, что следует рассказывать гостям, а где язычок лучше бы попридержать. Вполне допускаю, что в Российской империи информация о Шлиссельбургской крепости-тюрьме не входила в список государственных секретов. И не вызывает сомнения, что наш переводчик не имел ни малейшего намерения причинить своими рассказами вред Отечеству — во всяком случае, хочется так думать.

И всё же...

Наверное, мои рассуждения по этому поводу поймут только люди, выросшие в СССР, потому что нынче болото интернета размыло представление о том, что является государственной тайной, во-первых, и представление о том, что о некоторых явлениях жизни родимого Отечества можно бы и промолчать, хотя бы из чувства квасного патриотизма, во-вторых.

Так вот, я бы — и для меня это вполне естественно — воздержался от того, чтобы показывать иностранцам: а вот за эти-

ми стенами со времён Петра содержались и нынче содержатся опаснейшие враги государства Российского! Иначе говоря: российской монархии. Между тем тут ведь имеется обстоятельство, которое, по всей видимости, в силу своего добродушия не учитывал наш герой: враги монархии — потенциальные союзники республиканцев, каковыми являлись французы. Соответственно, глядя на стены, за которыми томились «политические», галлы не могли не испытывать к ним сочувствия.

Мсьё Бомпар вполне закономерно живо заинтересовался крепостью и высказал намерение непременно выхлопотать разрешение на посещение тюрьмы. О том, что ему это удалось, информации нет, по всей видимости, такого разрешения он всё же не получил.

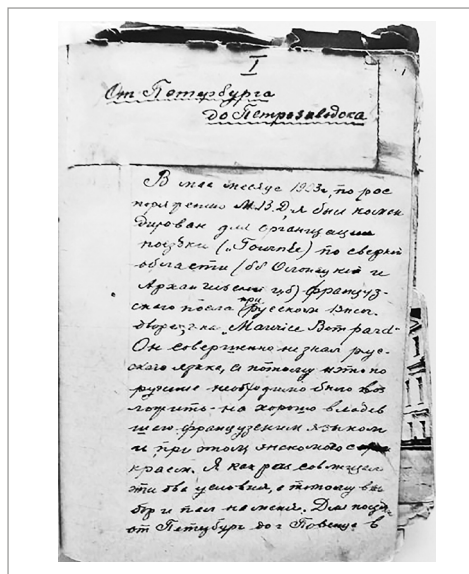
...Миновав Ореховый остров, мимо которого ладожская вода устремляется к Балтике, пароход вдоль южной оконечности крупнейшего в Европе озера направился к устью реки Свирь.

И вот тут у меня возник вопрос, который так и остался без ответа. Проплывая Ладогой, ни мсьё Бомпар, ни сам Волков ни разу не упомянули Валаам и расположенный на архипелаге знаменитый монастырь. А уж до острова Коневец с его знаменитым храмовым комплексом и вовсе оставалось рукой подать. Почему дипломаты не доставили себе удовольствие посетить эти широко известные места?.. Неужто не слышали об архитектурных шедеврах, возведённых руками человеческими на этих клочках суши, вздыбившихся из озёрных недр?.. Ладно, иностранцы, если исходить из предположения, что они преследовали исключительно разведывательные цели, Валаам и в самом деле мог их и не заинтересовать: в военном отношении значимости острова на внутреннем озере не имели. Но сам-то Волков как о них не вспомнил!

Но вот не вспомнил же.

Каждый человек, которому в наши дни довелось путешествовать по реке Свирь, не может не обратить внимания на соответствующий фрагмент рукописи Волкова. Это сегодня уровень воды здесь зарегулирован двумя плотинами, в результате чего бывшие пороги надёжно укрыты в глубине водного потока. Но ведь плотины возведены уже после революции, во исполнение

плана ГОЭЛРО! До революции преодолеть эту двухсоткилометровую пуповину, связывающую два величайших озера Европы, стоило немалых трудов. Об этом автор записок подробно рассказывает, и нет нужды этот фрагмент переписывать.

Рукопись воспоминаний Н. Волкова.
Из семейного архива

Упоминает Николай Николаевич Александро-Свирский монастырь, посёлок Олонец... Описал Петрозаводск.

Затем путешественники отправились на знаменитый водопад Кивач. О приключениях, случившихся во время этой поездки, я также рекомендую прочитать в первоисточнике — они того заслуживают.

А вот тут не могу удержаться от реплики. Мсьё Бомпар с восторгом сравнил Кивач с Ниагарой. И снова наш герой принял сравнение за чистую монету, проникся гордостью за родимый край.

Между тем, что касается меня, то во время чтения записок Николая Николаевича неоднократно закрадывались сомнения в искренности иноземного дипломата. И даже в подоплёке мно-

гих его высказываний. Как вот в данном случае: француз действительно хотел доставить нашему герою своими репликами удовольствие или же откровенно потешался над ним. Объехавший всю Европу и Северную Африку дипломат не мог не видеть и не оценить, насколько льстит русскому чиновнику его благорасположение. Так чего же больше в его реплике по поводу того же сравнения Кивача с Ниагарой — дружелюбного преувеличения или малопркрытой издёвки?

Мне довелось повидать Кивач. Конечно, сегодня он не тот уже, каким его увидели наши путешественники, однако выливанное потоком каменное ложе вполне можно оценить. Ниагарский водопад я вживую не созерцал; однако же интернет предоставляет таковую возможность. Сравнить их всерьёз можно только из вежливости или с насмешкой. А впрочем, если уж говорить прямо, тут вообще никакого сравнения разглядеть невозможно.

Кивач. *Вид на главное падение водопада из павильона*

Затем пароход повёз наших путников дальше. Обогнув с юга архипелаг уйм (уймами здесь называют небольшие острова), пароход направился в северо-восточный угол Онежского озера,

в посёлок Повенец. В рукописи Волкова по вполне понятным причинам не упоминается затерявшийся в шхерах слева по борту остров Кижи — в начале XX столетия никто и представить себе не мог, что этот клочок суши со временем превратится в заповедник деревянного зодчества общемирового значения. Равно как не упоминает он и о том, что слева же на берегу осталось село Толвуй, в котором в период Смутного времени тосковала инокиня Ксения, отправленная в ссылку Борисом Годуновым мать будущего царя Михаила Фёдоровича... Знал бы о том Николай Николаевич, не сомневаюсь, что поведал бы любознательному гостю.

Город Повенец Олонецкой губернии

Отмечу только одну ошибку, которую допустил автор записок в своих воспоминаниях. Николай Николаевич отметил, что мраморный карьер, в котором добывался отделочный камень для ряда архитектурных шедевров Санкт-Петербурга, расположен неподалёку от посёлка Повенец. На самом деле живописный карьер Рускеала находится неподалёку от городка Сортавала (иначе Сердоболь), что на берегу Ладожского, а не Онежского озера. Но это просто маленькое уточнение для читателей; в конце кон-

цов, каждый человек имеет право на ошибку. Данная оплошность свидетельствует только об одном: доставка мрамора от карьера в Петербург не входила в обязанности губернского чиновника по особым поручениям.

* * *

От посёлка Повенец до пристани на Белом море путешественники добрались в колясках — в записках Николая Волкова этот путь описан довольно сочно и красочно, и не считаю нужным его предварять. От прочтения этого отрывка получаешь истинное удовольствие.

Сразу перенесёмся на борт парохода — благо, что в документальном повествовании можно себе это позволить.

* * *

Как полагается по международным законам, при появлении на судне иностранного дипломата на флагштоке подняли соответствующий вымпел. Всем встречным судам теперь предписывалось приветствовать его.

Как оказалось, пароход только и ожидал прибытие посла. Едва Бомпар и сопровождавшие его поднялись на борт, судно подняло якорь, пыхнуло дымом и отправилось в путь.

Право, я не знаю, как в аналогичных случаях ведут себя плавсредства в других странах. Стали бы в той же Франции держать под парами пароход ради того, чтобы дожидаться прибытия посла-иностранца, совершающего частную поездку, которому захотелось любопытства ради прокатиться в тот же форт Байярд, например, или на остров Иф?

Уже в который раз приходится повторять, что мне иной раз становится неловко за наше низкопоклонство перед приезжими «из-за бугра»; наше отношение к ним, на мой взгляд, зачастую превосходит представление о радушии и гостеприимстве. Скажете «квасной патриотизм»? Ну что ж, пусть и так. Патриотизм, пусть и квасной, мне как-то ближе, чем придыхание перед словом «заграничное».

Ну вот возьмём данный конкретный случай, не придуманный, а реально имевший место. Как пишет в приведённых записках Волков, на пароходе располагалось до тысячи паломников, которые следовали в Соловецкий монастырь — молиться или же работать в течение года в качестве трудников. И если попытаться взглянуть на ситуацию с их точки зрения, с точки зрения простых православных — как ни подосадовать? Представляю себе коллективное настроение, с которым путники встретили прибывших.

Это сегодня на Соловецкий архипелаг отправляются туристы в комфортабельных условиях удовольствия ради. А кто и зачем в этот суровый монастырь отправлялся 120 лет назад? Думаю, что не слишком ошибусь, если предположу, что абсолютное большинство из этих людей совершали подобное путешествие во исполнение епитимьи, чаще всего, добровольной.

И вот стоит пароход, попыхивает дымком... Тысяча человек скопилось на его борту. Они хотят скорее попасть на вожделённые острова, чтобы приступить к исполнению обета (или пусть даже приговора церковного суда — неважно). Они не на круизном лайнере — здесь кормить не обещали: что захватил с собой, тем и кормишься. Заняться нечем: единственное развлечение в замершей посреди водной глади стальной посудине — это прогулка по палубе.

Сколько они так стояли? Неведомо, история умалчивает; ясно только, что не день и не два. Зато мы знаем, что Бомпар щедро оплатил бешеную скачку. А если бы ехали неторопливо, да с пикниками? Сколько бы пароходу ещё дожидаться пассажиров пришлось бы? Ещё пару дней, так это как минимум!

Всё это время что члены экипажа, что паломники с тоской смотрели бы в сторону берега: ну, когда же они появятся, так их расперетак!

И вот они появляются — долгожданные! Весёлые, красивые, сытые, богатые — позабавившиеся вёсельной гонкой... Как простые пассажиры, которые отправились замаливать грехи — свои, чужие, вымышленные, — могли относиться к новоприбывшим? Право, не думаю, что с восторгом.

О том, как путешественники добрались до побережья Белого моря, как устроили гонки на баркасах, как добрались до

Соловецкого архипелага, что они на этом клочке суровой суши увидели, пересказывать не стану — в записках Николая Волкова всё описано живо и интересно, с лёгким юмором. Самому мне посетить Соловки пока что не довелось, так что и встречать с комментариями не стану. Хотя готовил я некоторые исторические публикации и об основателях обители, и о некоторых известных узниках её, и о попытке отвоевать острова у России, предпринятой Великобританией во время Крымской войны... Но всё это не имеет отношения к нашему рассказу, хотя вполне допускаю, что кое-что из упомянутого сам Волков или сопровождавшие дипломатов чиновники гостям рассказывали.

Прошу обратить внимание только на три следующих обстоятельства; мне они показались немаловажными для нашего повествования.

Ни для кого не секрет, что нынче стало модным идеализировать царские времена и в первую очередь умиляться набожностью православных той поры и паточной святостью монастырей, в том числе периферийных. Должен признаться, что во время своих посещений стародавних обителей я не раз слышал о конфликтах и скандалах, которые нередко потрясали монастырскую братию, о пьянстве и лени, имевших место в некоторых (или даже не «некоторых») обителях... Записки Николая Николаевича подтверждают сказанное.

Второй момент. Путешественников поразила дамба, соединявшая острова Соловецкого архипелага, сложенная из больших камней. Прочитав об этом, я вспомнил о мостах, дамбах и перемычках, сложенных из камней на Валааме. Каждый раз, когда я их видел, поражался тому, сколько усилий и времени затратили иноки для их возведения. Достаточно вспомнить хотя бы труды глубоко мною чтимого монаха-подвижника Дамаскина.

Ну и третье. Николай Николаевич в своих записках возмущается дороговизной христианских услуг, которые оказывал приезжавшим Соловецкий монастырь. За панихиду по матери с него запросили пять рублей — ещё тогдашних, довоенных, полноценных, относящихся ко времени, когда российский рубль котировался во всём мире и не знал слова «инфляция». Что тут

скажешь? Церковь, как выясняется, уже в те времена установила высокий тариф на церковные службы, вымогая деньги из верующих...

Ну и в завершение данного раздела повествования. Как я постоянно подчёркиваю, рассказ основан на воспоминаниях самого Николая Николаевича о данном путешествии. Так вот, обращает на себя внимание, что первая часть этих воспоминаний, где описываются приключения путешественников в более узком кругу, заметно теплее, интимнее, что ли. А затем, когда в окружении французов оказываются другие, более высокопоставленные чиновники и церковные иерархи, они словно как оттесняют нашего героя от вельможных гостей, отодвигают его на вторые роли. Они и сами худо-бедно умели изъясняться по-французски и больше в услугах мелкого чиновника не нуждались. Судя по всему, нашего героя это несколько задевало.

Будем откровенны: а кого бы это не задело?

* * *

Как можно понять из записок, наш герой на Соловецкий архипелаг попал впервые. И он подробно рассказал о самом монастыре, о его истории и устройстве. Про хранившиеся в нём иконы основателей обители Зосимы и Савватая, про хранившиеся в обители палаши погибшего совсем юным витезя Михаила Скопина-Шуйского (мы помним, что его отравила собственная тётка) и саблю спасителя Отечества Дмитрия Пожарского, про памятник из снарядов и ядер, которыми англичане обстреливали монастырь во время войны, которую мы помним как Крымскую, однако которая припожаловала и на Белое море, и в Авачинскую бухту... И про местную тюрьму написал, в которой содержали несчастную семью смутьяна Пугачёва, и про ремонтный док, мельницу, водопровод, больницу, ферму, и про мануфактуры, расположенные на островах — свечную, переплётную, по выделке шкур и других, — всего десятка полтора.

В общем, любопытствовавшим иностранцам нашлось что посмотреть на островах, чему подивиться.

Равно как и осмотреть стены, устройство крепости, пушки, жерла которых выглядывали в бойницы... Любопытство туристов нередко мало чем отличается от внимательности разведчика.

На описываемый момент на архипелаг в год прибывало до 10–12 тыс. богомольцев, которых, как утверждал Волков, монахи обирали до нитки.

Соловецкий монастырь уже давно являлся местом ссылки. Здесь светские власти содержали наиболее опасных преступников; что же касается Церкви, сюда нередко ссылали проштрафившихся монахов, в частности, склонных к неумеренному потреблению алкоголя.

Местный доктор, тоже монах, рассказал Волкову — уж не знаю, передал ли он услышанное мсьё Бомпару (надеюсь, что нет) — о таком факте. По утверждению собеседника, пьянство и обжорство являлись главными причинами болезней насельников монастыря. По той же причине тут процветало бытовое воровство — иноки тащили всё подряд, лишь бы разжиться чем-то, чтобы обменять на бутылочку спиртного. В том числе тишком за бесценку продавали выделанные дорогостоящие шкуры тюленей, нерп и других морских обитателей.

Прибывших именитых гостей встретил настоятель монастыря о. Иероним. Его Николай Николаевич характеризовал как человека малообразованного, но замечательно умного, энергичного и деятельного, большой силы воли. Он умел держать в руках своих подопечных, далеко не все из которых отличались кротким нравом и монашеским послушанием. Братия его не особо любила, однако слушалась — поддерживать порядок он умел.

Приняв высокопоставленных гостей за инспекцию, монахи пользовались любым моментом, чтобы пожаловаться им на строгость настоятеля. Самое смешное, что повеселило приезжих, что за самого главного члена делегации принимали посольского лакея — он постоянно носил пышную ливрею, в то время как остальные путешествовали в простом дорожном платье. Лакей, можно допустить, польщённый таким вниманием, и принимал письменные кляузы, и выслушивал жалобы монахов в глубокомысленном молчании, ничего из сказанного не понимая. Нет

сомнения, что русофобу Бомпару эта картина доставляла немало удовольствия.

Отец Иероним и в самом деле показал себя строгим начальником и по-настоящему рачительным хозяином. Во всех местах, куда он регулярно заглядывал, царил образцовый порядок.

Самым суровым наказанием среди братии, по запискам Волкова, считалась высылка провинившегося на некоторый срок на Голгофу — небольшой остров, расположенный отдельно и славившийся особо свирепыми комарами, — на хлеб и воду. В один из дней путники посетили остров. Будучи предупреждёнными, они облачились в костюмы с защитной сеткой. Однако она если и помогала, то далеко не в должной степени: комары и в самом деле оказались свирепыми, да настолько, что прокусывали даже лайковые перчатки. Ну а женщинам приходилось ещё хуже, так как насекомые бесстыдно забирались к ним под юбки, заставляя дам, по словам Волкова, «канканировать».

Сам же настоятель спиртное не жаловал: во время трапезы, устроенной в честь именитых гостей, не притронулся даже к самому лёгкому вину и пил исключительно квас.

В данных записках речь идёт о Николае Николаевиче Волкове. И потому не стану подробно останавливаться на хозяйственных вопросах жизни Соловецкого монастыря. Отмечу только, что наш герой воочию увидел, как ловится и готовится треска — и от этого зрелища ему едва не стало плохо. Интересующиеся смогут прочитать это в прилагаемых записках самого чиновника.

Когда путешественники прибыли в монастырь, их приветили как должно именитых гостей, накрыв праздничный стол. Их принял и угощал сам настоятель; и кушанье оказалось очень вкусным.

Однако впоследствии иноземцам довелось питаться в общей трапезной с иеромонахами. И тут уже пища оказалась значительно худшей по качеству приготовления. При этом сам настоятель столовался вместе со всеми, так что упрекнуть его было не за что. Высокопоставленных путешественников коробило то, что приходилось хлебать из посуды, которая подавалась на четверых; таким образом получалось, что они зачерпывали ложками

из миски вместе с монахами, которые не особо следили за своей гигиеной.

Оценив перспективу своего дальнейшего пребывания на архипелаге, путешественники обратились к настоятелю с просьбой организовать для них приготовление пищи и вообще питание отдельно от братии. Неизвестно, как расценил просьбу о. Иероним в душе, но уважил: «благословил коровой и бараном». В результате питание гостей заметно улучшилось; однако, как с сарказмом писал Николай Николаевич, случился другой казус: монахи, которые непосредственно отвечали за пропитание гостей, объелись неподконтрольным мясом, и уже упоминавшегося монаху-врачевателю их пришлось лечить.

Посетили путники и ферму. Это посещение произвело на гостей гнетущее впечатление — коров содержали в ужасной грязи (из чего автор записок сделал вывод, что настоятель на ферму наезжает нечасто).

А вот дальше придётся описать несколько курьёзную ситуацию, которая тем не менее очень показательна.

По приглашению настоятеля путешественники присутствовали на воскресном богослужении в Троицком соборе. Богослужение длилось очень долго, и гостям-иноверцам разрешили во время службы сидеть.

В связи с этим вспоминается скандал, который спровоцировали поляки, прибывшие в Москву с Лжедмитрием — они также усаживались в соборах, правда, за неимением стульев, подстилая под седалище плащи и епанчи. Но поскольку тут всё происходило с разрешения настоятеля, вопросов по этому поводу не возникло. Закавыка заключалась в другом.

Мсьё Бомпар, зарекомендовав себя человеком любознательным, постоянно обращался к Волкову за разъяснениями по ходу службы. Однако Николай Николаевич (воспитывавшийся матерью, которая и сама православия толком не знала, да ещё и отличалась вольнодумством) на многие вопросы ответить не мог — это ж только нынешние ревнители царских времён доказывают, что всё население дореволюционной России сплошь истово веровало и соблюдало каноны. Пришлось нашему герою обращаться к присутствовавшему здесь же исправнику (поли-

цейский чин). Однако и тот оказался человеком в православии не слишком искушённым, что, в общем-то, и понятно. Тогда Волков нашёл среди монахов человека, который смог разъяснить обрядовую сторону службы.

Заметивший всю эту суету дипломат заметил, что и сам не слишком глубоко разбирается в соответствующих вопросах католической веры. На мой взгляд, в очередной раз продемонстрировав воспитание и дипломатический такт.

* * *

В Архангельске Николаю Николаевичу пришлось распрощаться с французскими гостями. Они отправились прямым в Петербург, а Волков на некоторое время остался в городе на Двине. Он немного рассказал об истории этого поселения, о его достопримечательностях. О временах Ивана Грозного и сына его Фёдора Иоанновича, о домике Петра Великого... Однако чувствовалось, что с отъездом именитых иностранцев мировосприятие для него несколько потускнело.

Впрочем, данный фрагмент рукописи не имеет отношения к жизнеописанию нашего героя.

* * *

На этом можно бы и завершить рассказ о путешествии. Однако история эта имела продолжение.

Через некоторое время Николаю Волкову довелось побывать в Санкт-Петербурге, и он выполнил обещание посетить Бомпаров, которое дал при прощании в Архангельске. Вновь оговорюсь, что не стану пересказывать заслуживающий прочтения оригинальный рассказ Николая Николаевича.

Он уточнил, что особняк располагался на Французской набережной; интернет подсказал, что нынче это набережная Кутузова, а ранее носила имена князя Матвея Гагарина, Воскресенской, Жана Жореса. Само же здание в разные периоды времени принадлежало князьям Фёдору Голицыну и Василию Трубецкому, здесь проживали Алексей Оленин и Василий Пашков, в совет-

ские времена тут располагался Институт полупроводников, которым руководил Абрам Иоффе, а сейчас — Институт прикладной астрономии.

Но вернёмся к воспоминаниям Николая Волкова.

Когда я читал про роскошную обстановку особняка, в котором в описываемую пору располагалось посольство Франции в России, постоянно скатывался в приземлённое: а что стало с этими драгоценными гобеленами и креслами после 1917 года? Наверяд ли их вывезли накануне революций — до того ль дипломатам было? Если сохранились и стоят где-то, то и ладно. А вот если нашли свою кончину в пламени революции или в топках «буржук», было бы обидно.

Право, трудно удержаться от понимающей усмешки, когда читаешь воспоминания Волкова о том визите во французское посольство. Мсьё Бомпар принял Николая Николаевича в обход других посетителей — чиновников куда более высокого ранга и генералов, отрекомендовав его как своего друга.

Как уже говорилось, по итогам этого путешествия Николай Николаевич Волков был удостоен ордена Почётного легиона Французской Республики IV степени. Прошу обратить внимание на данный факт, к которому мы ещё вернёмся.

* * *

А вскоре после возвращения в Петрозаводск, в 1903 году Николай Николаевич женился. Его избранницей стала Галина Павловна Попова.

Девушке было 19 лет, она окончила петербургский принца Ольденбургского институт благородных девиц... Публикация об этом институте помещена в справочных материалах.

Родители новобрачной проживали под Петербургом, в Лигово.

В семье подрастал ещё один ребёнок, юноша Леонид, который учился в кадетском корпусе. То есть к началу Первой мировой войны, по всей видимости, он уже служил в войсках. Как сложилась его судьба, неведомо... Попытался найти его следы через Паутину, там отыскалась ссылка на единственного челове-

ка, который соответствует запросу. Прапорщик Леонид Павлович Попов погиб в августе 1916 года; награды — Анна IV степени с надписью «За храбрость», Станислав... Шурин нашего героя? Неведомо. Шанс есть, но не более того.

Венчались молодые в Петербурге. Почему-то уточняется: в театральной церкви. Что это означает? А что мы вообще знаем о венчании той поры?

После свадьбы Николай Волков в течение нескольких лет работал мировым судьёй в городке Повенец того же Олонецкого края. Именно в период судейской службы Николая Николаевича в семье родилось двое деток — Ольга и Юрий.

Через несколько лет, в 1908 году молодые перебираются в Петербург. Дело в том, что Николай Николаевич к тому времени выслужил минимальный срок государственной службы и получил право выйти на пенсию. Тесть помог ему устроиться чиновником в местное управление железной дороги, где работал и сам; служба позволяла служить с сохранением пенсии — немало важно для человека, у которого нет иных источников дохода.

Ну а в 1911 году семья переехала в Варшаву, столицу Привислинского края, до недавнего времени именовавшегося Царством Польским. Переводу посодействовал отец нашего героя, Николай Егорович.

Жена Николая Егоровича, к тому времени умерла — от заворота кишок, а это очень мучительная кончина.

Причина перевода, по всей видимости, всё та же: климат. Варшава всё же не Санкт-Петербург.

Можно предположить и иное. И Николаю Егоровичу хотелось, чтобы сын проживал поближе, да и самому Николаю Николаевичу, вполне вероятно, хотелось оказаться поближе к отцу, чем к теще.

ВАРШАВА

Николай Николаевич с супругой пережили многое: и жизнь в суровом Олонецком крае, и Первую мировую, и эвакуацию в Омск, и Революцию, и эвакуацию из Омска, и «белых», и «красных», и аресты и ссылки... И относительно «тучные» годы, и по-настоящему голодные, и вовсе уж нищету...

И окидывая мысленным взором их жизнь, возьму на себя смелость предположить, что именно три года варшавской жизни стали для Волкова и его супруги самыми счастливыми в семейной жизни. Только три годика из 35!..

Наверное, ни для кого не станет откровением утверждение, что счастье нечасто длится слишком долго. Так случилось и у Волковых. Потому что надвигалась Первая мировая война, которая напрочь смешала всё в жизни всего человечества, и четы Волковых в частности.

Итак, Волковы перебрались в Варшаву в 1911 году.

В описываемое время Варшава являлась крупным железнодорожным узлом, сформировавшимся на пересечении многих путей, имевших в том числе и международное значение. Не станет преувеличением сказать, что именно столица Привислинского края являлась железнодорожными воротами Российской империи. Незадолго до вступления в должность Николая Николаевича, приняли в эксплуатацию участок магистрали до Вены — железнодорожная сеть Европы развивалась высокими темпами.

Соответственно, работы у чиновников ведомства хватало. Немаловажную роль для нашего героя играло и то, что представители транспортного цеха всегда получали неплохой оклад...

Пытаюсь себе представить те события глазами Николая Николаевича и Галины Павловны...

Варшава в описываемую пору — современный европейский город с населением почти в 700 тыс. человек. Прекрасный климат, замечательная архитектура... Незадолго до их приезда в городе

началась электрификация городского рельсового транспорта — «конка», оставлявшая между рельсов ароматные лепёшки уже около полувека, уступала место трамваю. Театры, музеи, парки... Университет, основанный (на тот момент) век назад, Политехнический институт, Высшая школа экономики... Как молодые родители, Волковы не могли не думать о будущем своих детей; и как-то не сомневаюсь в том, что планы на дальнейшую жизнь они связывали именно со столицей самого западного региона империи.

Кто ж мог знать тогда, что её величество История уже замешивает огненно-кровавую краску для того, чтобы начертать на своих скрижалях роковое «Мене, текел, фарес»...

Впрочем, в одной книге я вычитал мысль, которая показалась мне очень мудрой: «Боги мостов не сжигают — для этого есть люди». На самом деле не История как таковая развязывает войны — она, напротив, своими хрониками, которые оставляют предки, старается образумить нас, неразумных потомков, от кровопролития. Всеми силами История силится оберечь нас от войны, всякий раз пытается человека образумить, предупредить, предотвратить безумие смертоубийства, которым любят забавляться сильные мира сего...

Да только без толку!.. История человечества есть история войн, революций, переворотов... Крови, крови, крови, потоков крови!

Парадокс!.. Простые люди хотят просто жить, а политики воевать; в результате политики просто живут, а простые люди воюют...

...Три года счастливой жизни... Много это или мало для человеческой судьбы?.. Если во временном контексте, то, конечно же, ничтожно мало — вспомним классика: человек по замыслу божью создан для счастья, которое должно бы длиться всю жизнь. А если в философском, то можно взглянуть и иначе: целых три года счастья — они ведь тоже далеко не каждому даются!..

И потом... Парадокс жизни состоит в том, что конкретный человек далеко не всегда не осознаёт, что вот именно этот период его судьбы станет самым счастливым — как правило, оцениваешь данный факт лишь со временем, когда, как говорится, поезд уже

ушёл. Так уж устроен человек: он всегда надеется на то, что самое счастье у него ещё впереди.

После этого отвлечения вернёмся к нашему герою.

Итак, Николай Николаевич трудился в Управлении местной железной дороги. Как уже сказано выше, Варшава служила одним из основных транспортных узлов России на западном направлении — предположу, что на тот момент крупнейшим в империи. Здесь сходилась несколько железнодорожных веток. Между прочим, веток с разной шириной колеи. Соответственно, здесь происходила перегрузка товаров и пересадка пассажиров из вагонов одних веток на другие.

Это сегодня ширина колеи нам представляется как некая неизблемая константа, предписанная едва ли не свыше. И единственное, по поводу чего мы нередко досадуем: не смогли-де некогда инженеры прийти к общему решению.

Между тем на момент, когда сама идея железнодорожного транспорта только начинала воплощаться в металл, никто понятия не имел, колея какой ширины зарекомендует себя оптимальной. В разных странах-территориях каждый первостроитель данный показатель определял сам. Унификация этого показателя происходила постепенно, по мере того, как приходилось стыковать между собой магистрали разных стран.

Россия, как водится, в развитии железнодорожного транспорта от промышленно развитых стран традиционно отставала. Хотя... Как известно, первой в мире страной, где появилась заводская железная дорога, стала именно Россия, а конкретно, упоминавшийся выше Александровский завод в Петрозаводске. Но это — только так, квасная реплика; речь в публикации идёт всё же о другом. Наши светлые головы много чего придумали-изобрели, да внедрили-то всё же иноземцы!.. Об этом великолепно написал замечательный русский патриот Владимир Дедлов, о судьбе и творчестве которого я неоднократно рассказывал.

Поначалу русская колея строилась ещё более широкая, чем сейчас. Потом её немного сузили... Ну а когда пришла пора стыковать отечественную «чугунку» с западной, стал вопрос об унификации.

Почему Россия пошла своим путём, не приняла западный стандарт, существует несколько версий. Лично мне наиболее убедительным видится вариант, что таким образом российское таможенное ведомство решало вопрос контроля за ввозимыми-вывозимыми грузами. Современных колёсных пар с регулируемой шириной ещё не изобрели, механизма замены колёсных тележек — тоже... Вот и приняли перемещение грузов из одного вагона в другой как оптимальный путь таможенного досмотра и борьбы с контрабандой.

Впоследствии русский стандарт колеи распространился на территорию ряда азиатских стран, развивавшихся при техническом содействии нашей империи. И в результате железнодорожная сеть восточной Евразии настолько разрослась, что переделка её самой и «заточенной» под неё техники — слишком дорогое получилось бы удовольствие.

Да, в мире есть некоторые участки железных дорог с шириной колеи, отличной от обеих мировых, — на сегодняшний день в мире насчитывается десятка полтора стандартов. Однако у нас речь идёт всё же о судьбе человека, а не колеи, как бы они ни оказались между собой связаны.

И вот ещё о каком выверте истории хотелось бы поговорить.

Дело в том, что в описываемый период в Варшавском губернском жандармском управлении заместителем начальника служил ротмистр Леонид Щучкин. В 1918 году он, будучи уже в чине полковника, возглавит контрразведывательный отдел «белой» Добровольческой армии. Именно он не сможет распознать «красного» разведчика Павла Макарова, который внедрится в штаб генерала Владимира Май-Маевского. И именно об этом противостоянии много лет спустя снимут великолепный фильм «Адьютант его превосходительства».

Писательское воображение дорисовывает картину... В принципе, они могли встречаться: ротмистр Леонид Щучкин и чиновник от железнодорожного ведомства Николай Волков. А можно допустить и иное: тот же Щучкин мог получить информацию об антиправительственных грехах молодости героя нашего повествования и взять его на карандаш. Или почему бы не предположить, что жандармское ведомство прикидывало, как можно

использовать завязавшийся контакт Волкова с отъявленным русофобом Бомпаром...

За что я люблю историю, за то, что если ею заниматься, непременно встречаешь знакомые лица, порой даже там, где и вовсе не ожидаешь...

...В 1914 году, с началом войны, которую поначалу называли Второй Отечественной, потом Великой, а затем Первой мировой или Империалистической, семья оказалась в эвакуации в Омске; пока обустроились-обосновались... А тут припожаловал и грозный 17-й год!

В общем, как ни ряди, а только именно с 1914-го обрушились на Волковых проблемы, беды, мытарства...

ОМСК

Таким образом, с началом Первой мировой войны Николай Николаевич с семьёй оказался в эвакуации, в Омске. По возрасту и состоянию здоровья призыву в армию он не подлежал, а вот на железной дороге его опыт оказался востребованным — здесь он служил в местном управлении участка Транссибирской магистрали.

На ту пору именно Омск являлся крупнейшим российским городом за Уралом; в Степном генерал-губернаторстве (именно так называлось административная единица империи со столицей в Омске) проживало более миллиона жителей. Городским головой в описываемый период служил статский советник Василий Морозов — человек энергичный и болеющий за дело. В период его правления в городе начали действовать водопровод, трамвай, освещение улиц, построены кирпичные заводы, что дало толчок к каменному строительству... Да и много других добрых начинаний сделано усилиями и энергией данного чиновника.

Что касается железной дороги, то она работала весьма напряжённо, перевозя значительные объёмы грузов. Через реку Омь к тому времени возвели только разводной железный мост — на стационарный средств пока не нашлось. При транспортном узле имелись вокзал, железнодорожные мастерские, депо, пакгаузы...

Что там говорить: Омск — не Варшава. Однако ж и не Петро-заводск, и уж тем более не Повенец. Семья Волковых обустроилась и здесь, пока на съёмной квартире. Человек ведь существо, которое умеет приспособиться к перемене мест.

Сведений о том, как они жили в военную пору, не сохранилось. Судя по всему, поначалу и вихри революции пронеслись, не затронув наших героев.

Проблемы начались во второй половине 1919 года, когда Николая Николаевича Волкова мобилизовали в ряды администрации адмирала Колчака. Он оказался словно как полувоенным: с одной стороны, вроде как мобилизованным, обязанным

подчиняться начальству согласно законам военного времени, но с другой — подчинялся Обществу Красного Креста, организации сугубо мирной и милосердной, охраняемой многочисленными международными договорённостями; канцелярским языком говоря, оставался нонкомбатантом. Ему поручалось формировать «санитарные поезда» — под этим понятием подразумевались не только собственно железнодорожные эшелоны, но и гужевые обозы для эвакуации раненых и больных военнослужащих из района боевых действий.

Как я уже обещал, по окончании публикации данного повествования я помещу подлинные записи Николая Николаевича — очень интересные и познавательные записки. Но сейчас всё же приведу небольшой фрагмент из них, чтобы стало понятно, о чём дальше пойдёт речь. При этом я беру на себя смелость чуточку текстуально подкорректировать фрагмент, привести его к привычному для нашего времени написанию.

* * *

«Приступая к изложению виденного и пережитого мною зимою 1919 г. я имею в виду не описание в целом этой прискорбной эвакуации, т. к. едва ли это может сделать самостоятельно один из её очевидцев, а только к описанию отдельного эпизода из него, в котором я непосредственно принимал участие. Но по нему можно заключить, что ни о какой планомерности там не могло быть и речи, что это было беспорядочное постыдное бегство, а не регулярное отступление войск, которых, при известных условиях, было бы вполне достаточно, чтобы не только задержать наступление красных войск, но и чтоб опрокинуть их. О Колчаковском правительстве и о нём самом многое уже написано, и я коснусь их постольку, поскольку они будут иметь отношение к моему рассказу. Не хочу напрасно тревожить праха этого несчастного адмирала, который по какому-то недоразумению очутился в роли бутафорского “правителя”. Я только намерен, как выразился В. В. Шульгин в предисловии к «Дням», записать те дни из моей жизни, которые, полагаю, могут представлять интерес не только для меня одного, но и для других. Может быть, и будущий

правдивый историк почерпнёт из этого очерка что-нибудь для себя полезное и посмотрит и оценит происшедшие тогда факты, не с узкой точки зрения заинтересованных в них генералов-мемуаристов, а с беспристрастной — очевидца, не заинтересованного в искажении фактов и в оправдании и обелении своей деятельности, как этим позорно бежавшим “героям”, стремящимся теперь реабилитировать себя в глазах эмиграции и иностранцев. Нам, очевидцам их «доблести и патриотизма» они очков не вотрут, и, сваливая вину друг на друга, они только больше разоблачают всю ту грязь и пошлость, в которой завязли. Но подрастающему поколению не мешает знать правду, чтобы не увлекаться подобными “героями” и не верить им. В этот очерк мне пришлось поместить некоторые подробности, имеющие чисто семейный характер, но избежать которых я, к сожалению, не мог, т. к. без них рассказ был бы не совсем ясен и общая картина царившей тогда разрухи не полна».

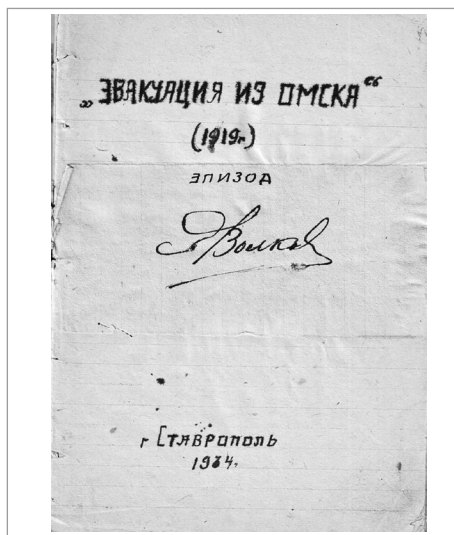
* * *

После этой преамбулы я и вернусь к пересказу-изложению жизнеописания своего героя. Обращаю внимание читателей на самое главное: тональность и факты взяты из первоисточника, который прилагается в конце моего текста. Я ничего не придумываю и только излагаю прочитанное, оставляя за собой право исключительно на реплики и уточнения по событиям и фактам.

Итак, в июле 1919 года Николая Николаевича Волкова призвали в состав чиновничьего аппарата Верховного Правительства адмирала Александра Васильевича Колчака. К тому времени коренной перелом в войне уже произошёл, Красная армия в Европейской части России перешла в наступление, в Сибири активизировались «красные» партизанские отряды. Конечно, исход войны для рядовых участников «белого» движения ещё мог вызывать сомнения, но в общем-то его уже можно было считать предпрешённым.

Призыв на службу Николая Волкова, который никак для военного дела не подходил, можно считать показательным.

Не скрою: до этого момента Николай Николаевич представлялся мне совершенно в ином свете, чем на фоне данного фрагмента истории Отечества. Добрый и наивный, близорукий и благодушный... А тут он словно преобразился: получив конкретный объём работы, направленной на оказание реальной помощи людям, пострадавшим в результате войны, он всерьёз взялся за дело, проявив при этом распорядительность и сметку, а в какие-то моменты даже находчивость и решительность.

Рукопись воспоминаний Н. Волкова.

Из семейного архива

По всей видимости, сказался опыт, накопленный в бытность чиновника по особым поручениям при губернаторе довольно обширного Олонецкого края. Ну а с другой стороны: сколько история знает примеров, когда человек, на протяжении предыдущего периода жизни остававшийся на вторых ролях, осознав свою значимость, словно преображался; в нём вдруг просыпались качества, до сей поры дремавшие по единственной причине: они оставались невостребованными.

Получив чётко обозначенный круг обязанностей, Николай Николаевич первым делом ознакомился с доставшимся ему хозяйством. Картину он увидел удручающую. Раненых и больных лечить оказалось негде, нечем, некому. Думаю, фраза понятна, но на всякий случай немного расшифрую её: для оказания мало-мальски квалифицированной помощи страждущим у медицинского ведомства не хватало всего — госпиталей и лазаретов, эвакуационных пунктов и транспорта, медикаментов и инструментария, хирургов и вообще медицинских работников всех специальностей, продуктов, белья постельного и нательного, одеял, расходных материалов... Николай Николаевич в своих записках ссылался на дневники барона Будберга; мне доводилось их читать, равно как и воспоминания других участников «белого» движения о состоянии медицинского обеспечения военнослужащих (я не говорю, что у «красных» или «зелёных» дело обстояло лучше — просто в данном тексте речь идёт о трагедии армии Колчака).

Что же касается эвакуационных обозов, которые требовалось формировать Николаю Волкову, тут оказался ещё больший провал (хотя говорить о сравнительной шкале тут особо не приходится). С фронта требовалось вывозить раненых и больных, а вывозить их оказалось нечем и нечем. Не имелось не только вагонов, но и лошадей, повозок, даже сбруи.

Николай Николаевич с отчаянием писал о том, что сотни классных и прекрасно оборудованных вагонов стоят на тупиковых и запасных путях, в то время как раненых перевозят в грязных «теплушках», изначально предназначенных для перевозки скота. Ну а хорошие, «классные», приспособлены для размещения штабов, всевозможных канцелярий и проживания старших тыловых чинов армии.

Волков пытался обратиться с этим вопросом к самому Колчаку, однако пробиться к «Верховному» не сумел — свита не допустила. При этом автор отмечал, что тыловые организации оказались невероятно раздуты по штатам, что здесь процветали пьянство, разнузданный разврат, казнокрадство, что слишком многие офицеры использовали все возможности, только бы уклониться от фронта.

Пользуясь возможностью поживиться, купечество сговори-лось придержать товары, чтобы впоследствии реализовать подо-роже, чем провоцировало ещё большее разворовывание казённо-го имущества с военных и интендантских складов с последующей его распродажей.

Впрочем, всё это — только для того, чтобы показать на-строение Волкова в момент вступления в должность.

Ну и в качестве реплики... Конфликт мировоззрений «окоп-ников» и «тыловикиков» — тема извечная. Всё, о чём говорится и о чём пойдёт речь дальше — это точка зрения Николая Ни-колаевича, абсолютно истинная, потому что он ситуацию видел именно так. А кому-то она виделась иначе... Единой и всеобщей правды для всех и вся никогда не было, нет и не будет — истина остаётся несокрушимой: правда у каждого своя. Правда — это персональный субъективный взгляд конкретного человека на объективно свершившийся факт.

Как уже сказано, Николай Николаевич за дело взялся ак-тивно. Благо, в Управлении местного отделения Красного Кре-ста пошли ему навстречу и даже средства отпускали если и не слишком щедро, то во всяком случае, в относительном достатке. Поскольку нередко приходилось действовать через посредников и барышников, отпускались деньги и на их «маржу» (признаться, такая непривычная щедрость чиновничества провоцирует вопро-сы, ну да только не о том речь).

О том, чтобы чётко и планомерно вывозить раненых и боль-ных из прифронтовой полосы и доставлять их в госпитали же-лезнодорожным транспортом, не могло идти и речи — «чугунка» не справлялась с военными перевозками, и санитарные поезда пропускали во вторую (а то и с большей нумерацией) очередь. Ставку приходилось делать на гужевой транспорт.

Следует признать, что Николай Николаевич к своей новой должности подошёл системно.

Первым делом Волков озаботился проблемой лошадей. В ближайшей округе на нужды фронта уже отобрали всех коняг, способных хоть на что-то. Николай Николаевич сумел организо-вать закупку и доставку в Омск лошадей из-под Семипалатинска, Бийска и Барнаула; чтобы оценить ситуацию, взгляните на карту

и прикиньте плечо доставки! Соответственно, дело долгое и хлопотное, да и лошади, которых доставляли, зачастую оказывались неприученные к тяглу, полудикие. Но в результате вопрос хоть как-то начал решаться.

Параллельно решался вопрос о заготовке собственно повозок и упряжи. Почувяв выгоду, оборотистые мужики в Омске начали срочное производство всего необходимого для гужевого транспорта — задействованы плотники, скорняки, шорники. Николай Николаевич организовал даже кузнечную мастерскую — лошадей требовалось подковать, наладить производство ободов для колёс и, в преддверии надвигавшейся зимы, полозьев для саней.

Параллельно Николай Николаевич организовал пошив и поставку белья для постелей раненых. Для этого он сумел даже разжиться швейными машинками. Они и сами по себе стоили немалых денег, а иголки для них вообще являлись невероятным дефицитом — шли едва не на уровне валюты.

...В трёх предыдущих абзацах общими мазками обрисован невероятный объём работы, проделанный Волковым. Но он добился главного: санитарные обозы начали формироваться, и они начали выполнять свою функцию: эвакуацию раненых и больных из прифронтовой полосы в тыл.

В середине сентября 1919 года стало ясно, что «белая» армия адмирала Колчака фронт не удержит, и предстоит глобальное отступление. При правительстве «Верховного» пришлось формировать специальную Комиссию по эвакуации. Дело вроде как полезное и важное, только реальными полномочиями мертворождённая структура не обладала никакими, а те, которые ей вменялись, оставались пустыми декларациями, абсолютно никакими реальными средствами не подкреплёнными.

Во всяком случае, так картина виделась нашему герою — человеку сугубо штатскому и, соответственно, к военным, особенно к генералитету, относившемуся с привычным пренебрежением русского интеллигента.

Председателем Комиссии стал Леонид Устругов (Волков его называет министром путей сообщений Омского правительства, но по официальным данным Леонид Александрович являлся за-

местителем министра, начальником военных сообщений «белой» армии). В состав Комиссии вошёл и наш герой — Николай Николаевич Волков, ещё недавно скромный чиновник при Управлении железной дороги, а теперь полномочный представитель местного отделения Красного Креста.

В своих воспоминаниях Николай Николаевич с досадой и унынием писал о том, какая неразбериха царила в Комиссии. Слишком многие заботились только об одном: как бы эвакуироваться самому, да чтобы при этом урвать что-то для проживания на чужбине. За обладание вагонами и особенно паровозами шла отчаянная борьба, и побеждал в ней тот, кто сильнее, а не тот, кто имел больше формальных прав. О том, что творится на фронте, особо не думали и не заботились...

Достаточно сказать, что сам адмирал Колчак заседание Комиссии не посетил ни разу.

Один из немногих членов Комиссии, о ком автор воспоминал писал добрые слова, стал уже названный Леонид Устругов, её председатель. Он проявлял большую активность и расторопность, а главное — искренне болел за дело. Только вот реально сделать он мог не так много. Впоследствии Устругов работал в команде генерала-путейца Дмитрия Хорвата, воспоминания которого я рекомендую почитать всем, кто интересуется историей Гражданской войны на Дальнем Востоке. Справки об этих деятелях, к каждому из которых я отношусь с симпатией, помещу в конце текста.

Для полноты картины следует написать ещё несколько слов вот по какому поводу. Полугодом ранее Устругов от имени и по поручению правительства Колчака подписал соглашение с соответствующим подразделением администрации союзников о совместном управлении Транссибирской магистралью. Как это привычно для России: хотели как лучше, а получилось — сами знаете как... Следствием того соглашения о двоевластии стала полная неразбериха в управлении железнодорожным движением, что ещё больше усугубилось в условиях массовой эвакуации — по мере того, как падал авторитет самого Колчака, а его армия откатывалась на восток, администрация союзников стремилась обеспечить транспортом в первую очередь соотечественников (что, по большому счёту, вполне объяснимо).

Данное решение опосредованно повлияло на судьбу нашего героя. Об этом в дальнейшем ещё пойдёт речь.

Изначально Николай Николаевич Волков намеревался с семьёй остаться в Омске — как человек невоенный и не воевавший, как чиновник железнодорожного ведомства, а также сотрудник Общества Красного Креста, он вполне резонно рассчитывал на лояльность со стороны Советской власти.

Однако судьба распорядилась иначе.

* * *

В начале данных записок я отмечал, что постараюсь пересказать содержание дневника Николай Волкова предельно кратко, поместив оригиналы в конце данной книги. Однако приходится иной раз делать исключения — как мне представляется, для пользы дела.

Как вот в данном случае.

Посудите сами: ну как пересказать своими словами вот эту картину, которую описывает автор!

«Управ. Омской ж. д., являющейся, по существу, законным и прямым распорядителем всего подвижного состава, с большим трудом отвоевала себе десяток старых вагонов III класса, чуть не отнятых у неё в последнюю минуту нашими “освободителями” чехами. В конце Октября начали отбывать на восток, один за другим, поезда с беженцами. В первую очередь отправлялись поезда с “сильными мира сего”. Великолепные вагоны I класса международного общества спальных вагонов (М.О.С.П.), освещённые электричеством, комфортабельно обставленные, с вагон-ресторанами ожидали на подъездных путях ст. Омск своих “именитых гостей», как они называли себя, “высоких комиссаров” “дружественных держав”: Эллиот, Моррис, Моцусима, генералов Нокс и Жанен, Гreve, Гаррис, Такаянаги, Сыровой и tutti quanti. Пять литерных поездов были приготовлены под личный штаб Правителя. У каждого Ком. Армией и крупного командира было по отдельному составу, и это в то время, когда нужно было вывезти из Омска массу служащих с их семьями, принуждённых в последнюю минуту плестись чуть не пешком.

Вот что пишет генерал Гоппер (“Начало и конец Колчака”): “То, что происходило в эти последние дни надвигающейся катастрофы в политических и правительственных кругах Омска, имеет громадное историческое значение. Колчак совершенно потерял голову. В ставке образовались враждебные партии, которые боролись между собою, причём то та, то другая перетягивала на свою сторону Колчака. Поэтому было много случаев, когда Колчак неоднократно менял свои распоряжения по одному и тому же вопросу”».

* * *

Таким образом, Николай Николаевич, человек довольно аполитичный и совершенно далёкий от военной службы, оказался поневоле вовлечён в чиновничий аппарат Колчака. Да-да, конечно, формально местное отделение Организации Красного Креста являлась структурой вроде как невоенной и независимой. Да только в условиях военного времени далеко не всегда на такие частности обращают внимание: приказ отдаётся и его приходится выполнять. Как в известном анекдоте: бьют не по паспорту, а по морде. И потом: какими мандатами ни обладай, а если ты не можешь подкрепить документ реальным содержанием, то грош ему цена.

Как уже сказано, Волкова включили в Комиссию по эвакуации. Он уже зарекомендовал себя как ответственный и деятельный чиновник...

И в первых числах ноября ему поручили новое дело: эвакуировать на восток хранившийся на складах Красного Креста и военного ведомства медицинский инструментарий. Николай Николаевич попытался отказаться от поручения, ссылаясь на то, что никогда и нигде ничем подобным ранее не занимался, однако получил чёткий и недвусмысленный ответ: это не просьба, а приказ, и за невыполнение отправишься под суд по обвинению в дезертирстве...

Кто знает, вполне вероятно, у него всё же имелась какая-то возможность уклониться, где-то укрыться, пересидеть лихую годину, переждать, пока вихри враждебные промчатся мимо...

Никто не знает, как и что случилось бы в этом случае. Но наш герой уклоняться не решился, и как за любое порученное ему дело, взялся за новое с полной ответственностью.

Исполнение новой должности началось с потрясения для него.

Занимаясь формированием санитарных обозов, Николай Волков прекрасно знал, какие нужды испытывает военно-медицинское ведомство правительства Колчака. Но первое же посещение складов его ошарашило.

На протяжении всего времени, пока мировые антибольшевистские силы поддерживали Колчака, в его распоряжение поступала грандиозная военная и гуманитарная помощь. Что-то отправлялось на фронт, что-то использовалось по назначению, что-то разворовывалось... Ну а что-то оседало на складах, где и дожидалось своего часа.

И вот теперь некоторую часть поставок требовалось везти в обратном направлении — на восток.

Но — что!..

Повторю: оказавшись на складах, Волков испытал сильнейший шок. То, чего остро не хватало в госпиталях и полевых лазаретах, лежало бесполезным грузом на складе: новенькое медицинское оборудование, полные комплекты современных хирургических инструментов, другое имущество... Всё — иностранного производства, всё дорогое (по всей видимости, потому и пылившееся на складе, а не отправленное в войска, чтобы не разворовали, или не оказалось в руках красных партизан). Это-то имущество и требовалось вывезти.

* * *

Так сформировался обоз.

Сорок повозок с эвакуируемым имуществом. Провиант на команду интенданты выделили в достаточном количестве. Николай Николаевич сумел даже раздобыть полевую кухню.

Для охраны ценного груза в распоряжение Волкова определили команду солдат-добровольцев в количестве двух десятков человек, во главе с поручиком и хорунжим-татарином.

С обозом следовала семья Николая Волкова — жена и двое детей; оставаться в городе они не рискнули. Кроме того, при обозе состояли ещё несколько человек — фельдшер, четверо санитаров, ещё несколько попутчиков...

По фамилии Волков назвал только одного из своих спутников — некоего Семизорова, с которым у Волкова впоследствии разгорелся нешуточный конфликт. Ни разбирать его, ни пересказывать не стану — кому интересно, прочитает потом в подлиннике. И в самом конце повествования автор назвал фамилию ещё одного спутника — санитаря Конева, который оказал ему большую помощь. Имена остальных остались неизвестными по причинам вполне понятным: Волков написал свою брошюру в середине 1930-х и не желал навлекать беду на тех, кто остался в живых, и на близких тех, кто сгинул...

Хочется особо подчеркнуть, что тут Волков проявил высокую распорядительность. Я бы даже сказал, довольно неожиданную, если учитывать его предыдущий жизненный путь.

Напомню: стояла середина осени. Но это если по европейскому календарю; в Сибири октябрь — уже предвестник зимы. Так что Николай Николаевич с тревогой отдавал себе отчёт, что настоящие холода ещё впереди. А его команда — в шинельках, да в американских ботинках с обмотками, в лёгком нательном бельишке; экипировка явно не по местному климату. На складах медицинского ведомства более подходящей экипировки для подразделения не нашлось.

Волков к тому времени уже разобрался в ситуации, вызнал, на каких интендантских складах имеется столь необходимое ему имущество. И отправился к коменданту Омска — как его описал Волков — старичку-генералу, которого колчаковское командование, по сути, бросило на произвол судьбы. Тем не менее тот проявил принципиальность — вполне возможно, не осознавая трагизма происходящего. Генерал потребовал письменное распоряжение от вышестоящего руководства на выдачу имущества. Казалось бы: какое распоряжение, когда канонада уже слышна и надвигается на Омск, а высшее командование отдаляется со скоростью курьерского поезда!.. Однако исполнительный комендант не сдавался, готовый выполнять свою комендантскую миссию до конца.

Не добившись своего, наш герой решил действовать решительнее — в соответствии, так сказать, с условиями времени.

Во главе своих подчинённых он направился непосредственно к складам. Охрана в схватку вступать не решилась — добровольцы пользовались репутацией отчаянных ребят, не особо считавшихся с формальностями... По команде офицера складской чиновник открыл замки... Подчинённые Волкова злоупотреблять ситуацией не стали: взяли на складе в достаточном количестве исключительно необходимое для команды — тёплое бельё, шубы и полушубки, валенки...

Тут-то и произошёл интересный с точки зрения историка и столь сложный с юридической точки зрения инцидент.

Опять цитирую Волкова:

«В это время мимо склада стали проходить отступающие воинские части. Эти злополучные “герои” и “орлы”, как их восторженно называли генералы, были в очень плачевном виде, обуты были они, кто в старые сапоги, кто в американские башмаки с обмотками, и в летних шинелях. Они буквально дрожали от стужи. Сердце не выдержало, и я предложил им взять из склада полушубки и валенки. Если бы вы видели, с какой радостью они бросились в склад и стали напяливать на себя то и другое! За ними стали проделывать то же и следующие отряды, и скоро склад опустел, и в нем остались только никому не нужные большие хомуты для артиллерийских запряжек».

Затем аналогичную «экспроприацию» провели на складе, на котором хранился запас питьевого спирта. Только к коменданту за разрешением изначально обращаться не стали...

В период безвременья, когда происходит смена политической власти, когда бумажные деньги стремительно обесцениваются, превращаясь в никому не нужные фантики, именно «аква-вита» на протяжении веков являлась самой надёжной и беспроеигрышной валютой. Опять же, для сибирских морозов — это универсальное согревательное средство...

Здесь также обошлись без ордеров. Более того, местный чиновник охотно выдал Волкову спирта, сколько тот затребовал, по всей видимости, исходя из того, что, если придётся отчитывать-

ся, недостатку нетрудно списать на оборотистого представителя Красного Креста.

Таким образом, запасшись всем необходимым, в ночь на 14 ноября 1919 года обоз двинулся в сторону Иркутска. Сзади доносились взрывы — специально выделенные подразделения отступавшей Белой армии уничтожали всё, что может пригодиться неприятелю, и в первую очередь склады с оружием, боеприпасами и военным имуществом.

А 15-го в Омск вошли части Красной армии.

В ПУТИ

Дальше дневник описывает бесконечное отступление. На некоторых эпизодах я остановлюсь особо. Но для начала обрисую общий фон, на котором происходили все описанные дальше события.

Что и говорить: нам, людям, проживающим здесь и сейчас, трудно представить себе условия, в которых происходил тот кошмарный марш на восток, подальше от пугающе нараставшего сзади гула канонады. Попытаемся просто представить себе тот безысходный ужас, который окутывал толпы бредущего «встречь солнцу», сорванного с насиженных мест народа.

...Усиливавшийся день ото дня мороз (и как тут удержаться от уточнения-напоминания «сибирский»). Вдобавок периодически на отступавших обрушивались лютые метели.

...Мы привыкли к современным дорогам. Для нас представляется само собой разумеющимся, что зимой их расчищают от снега — особенно федеральные магистрали. Даже самая раздолбанная современная трасса между позабытыми деревнями всё же остаётся именно какой-никакой дорогой... Она и проложена с соблюдением соответствующих требований, и инфраструктура вдоль неё никакая-никакая имеется, и снегоуборочная техника...

В начале XX столетия транссибирская магистраль более или менее соответствовала стандартам дорожного строительства той поры, пусть и с поправкой на местные климатические условия. Однако в условиях затянувшейся военной поры поддержанием её в рабочем состоянии никто особо не занимался — ни средств, ни рабочих рук, ни возможностей.

Вот и в пору, когда обоз, которым командовал наш герой, выехал на ведущую на восток трассу, стараясь оторваться от наседавшей Красной армии, дорогу элементарно некому было расчищать от снега; её попросту протапывали тысячи, тысячи и тысячи ног — людских и лошадиных, полозья саней, ну и изредка, «лысые» протекторы раздолбанных автомобилей...

И ни гостиниц-мотелей по пути, ни кафе-ресторанов, ни рынков-супермаркетов, ни пунктов обогрева, ни элементарных дорожных фонарей... И никакой информации о том, что происходит впереди и сзади, в непроходимой тайге обочь дороги — одни только слухи, чаще панические.

Вот в таких условиях по Иркутскому тракту, по тянувшимся вдоль него дорожкам и просёлкам, если таковые имелись, брели на восток толпы людей — подразделениями, группами, семьями, поодиночке... Мужчины, женщины, дети всех возрастов... С оружием и без, с мешками и без, с котомками и без... Одетые кто во что придётся — кто более или менее тепло, а кто в безнадёжно истрёпанной рванине; кто в добротной обуви, а кто в опорках... Кто-то на повозке, которую тянула иной раз заиндевевшая, но всё же (изредка) бодрая коняка, или же (значительно чаще) измождённая кляча; ну а в абсолютном большинстве случаев — на своих двоих, как говорится, «одиннадцатым номером»... Кто-то, надеясь, что впереди их ожидает спасение, а кто-то просто брёл в отупении, изначально включившись в общую массу, не отдавая себе отчёт, куда и зачем бежит, не отдавая себе отчёт, что рассчитывать ему на этом пути к бесконечно далёкому Тихому океану не на что...

Вдоль дороги валялись пушки, повозки, брошенное имущество... Иной раз виднелись неопрятно обгоревшие деревянные каркасы неведь чего — люди старались торопливо обогреться, и поспешать дальше — вперёд, вперёд, навстречу восходу тускло-го зимнего солнца.

Там и сям из снега торчали конечности замёрзших трупов — лошадей и людей... Нередко обгрызенные волками и собаками... От конских трупов кое-где вырезаны куски плоти — ещё живым людям нужно что-то есть.

Описанное — не страшилка для антуража. Это фон, на котором происходило отступление; среди этого ужаса продвигался крохотный обоз, ведомый чиновником Николаем Волковым.

Сзади натиск наступавшей Красной армии как-то сдерживали отступавшие «белые» части; но здесь, на дороге, хоть какой-то организованной силы уже не оставалось — шли именно толпы...

Встречавшиеся на пути сёла по вполне понятным причинам оказались не в силах обеспечить ночлегом всех нуждавшихся в приюте. Колчаковский «сибирский рубль» (именно так официально именовалась денежная единица, введённая «Верховным правителем») никого не привлекал — местные жители требовали что-то более существенное. (Как же теперь пригодились захваченные Волковым запасы спирта!) Стычки за ночлег случались постоянно.

Сориентировавшись в ситуации, Волков со своими помощниками в предвидении ночлега начали заблаговременно отправлять вперёд «квартирьеров», которые, торгуявшись с хозяевами, занимали избу и охраняли её от конкурентов до подхода основного обоза.

Как-то группа отступавших офицеров (Волков уточняет: «пьяных») попыталась изгнать его команду из избы. Однако в дело вмешался вахмистр-татарин, который настолько яростно обругал наглецов, мешая русскую и родную речь, что те сочли за благо ретироваться. С той поры в команде татарина стали называть Секим-башка, на что он не обижался.

Об этом колоритном вахмистре автор дневников вообще отзывается очень хорошо, вспоминая его по-доброму. И с чувством вины — заболевшего тифом татарина-казака впоследствии пришлось оставить в каком-то селе.

Отступавших белогвардейцев и беженцев местные жители обирали, как только могли. Организованные подразделения, наподобие того, о котором идёт речь, ещё могли за себя постоять, с ними местным приходилось считаться. А из остальных высасывали всё, что у них осталось ценного.

Волков описывает такой эпизод.

Как-то ночью рядом с селом, в котором они остановились на ночлег, вдруг вспыхнула густая перестрелка, да с пулемётными очередями. Среди отступавших поднялась паника — «партизаны наступают»... Полуодетые люди выбегали из изб на улицу, бросались наутёк — кто пеше, ну а у кого остались лошади, конно... А потом оказалось, что стрельбу подняли как раз местные жители, чтобы поживиться брошенным имуществом. Конечно же,

возвращаться, чтобы покарать мародёров, никто не стал — все спешили на восток, на восток...

Следует учесть такое обстоятельство. Николай Волков лично себя и нескольких следовавших с ним медицинских работников считал в относительной безопасности — он полагал, что «красные» их, как представителей международного медицинского ведомства, не тронут. Однако воинское подразделение, сопровождавшее обоз, состояло из добровольцев — людей, которые по убеждению, не по мобилизации служили в армии Колчака. Попади они в руки «красных», что регулярных войск, что партизан, шансов на спасение у них оказалось бы немного.

Да и официальных представителей Общества Красного Креста в этой кутерьме могли бы, не разбираясь в нюансах международного права, поставить к стенке заодно с остальными; и кто бы впоследствии стал разбираться и искать виновных!.. В период народной смуты слишком у многих среди прочих приоритетов на первое место прорывается стремление к поживе.

Но об этом думать не хотелось — уповали на международный статус нонкомбатантов.

Вот эта команда, спаянная своего рода круговой порукой, и стремилась упорно на восток, в сторону Иркутска.

* * *

Обращаю внимание на самое главное в описании данного отрезка воспоминаний автора дневников.

Следовал официальный обоз Организации Красного Креста. Его сопровождала воинская команда. Подразделение было обеспечено всем необходимым на период следования: документами, деньгами, продовольствием, даже спиртом и медикаментами... Соответственно, в период всеобщего неорганизованного отступления (не станем употреблять слово «бегство») команда соблюдала порядок, и случаев дезертирства не зафиксировано ни единого. Не то что бежать — отстать от своих боялись; выпадешь из обоймы, пропадёшь!..

Люди в обозе держались друг дружки — в этом все видели хоть какой-то шанс на спасение.

* * *

Сейчас я вновь отступлю от избранного варианта изложения текста и приведу буквальный авторский текст, присвоив себе право самую малость подкорректировать его в соответствии с принятыми сегодня текстуальными нормами. Право, приведённый текст и сам достаточно красноречив, чтобы его ещё дополнительно комментировать или пересказывать с целью усиления эффекта.

* * *

«Не помню, на какие сутки, после отъезда из Омска, мы прибыли в Каинск. Здесь мы решили устроить небольшую передышку и дать отдохнуть нашим измученным лошадкам и всем нам, и команде выспаться, и выпариться в бане, чтобы избавиться, по возможности, от пожиравших нас миллиардов паразитов, которыми щедро поделились с нами гостеприимные хозяева наших ночлежек.

На следующее утро я узнал, что около станции Курган, расположенной в 1 ½ верстах от гор. Каинска, стоит военно-санитарный поезд и, т. к. у нас двое из команды заболели сыпняком, то я хотел их поместить в этот поезд.

Приехав на ст. Курган, я увидел на путях несколько составов поездов, из которых один состоял из пульманских вагонов, I и II классов, принадлежавших, как я узнал, одному из Командующих Армиями (не помню, Войцеховскому или Сахарову). Главврач санитарного поезда не посоветовал мне помещать моих больных к нему в поезд, т. к. он находился в ужасном состоянии: вагоны-теплушки почти не отапливались, больные и раненые голодали, и их больше умирало от лишений, чем от эпидемий и ран. Медикаментов у них было тоже очень мало, и врач просил меня снабдить ими их аптеку, что я охотно сделал.

Во время нашей беседы в вагон вошёл молодой, важный на вид офицер с аксельбантами, — адъютант Главкома и передал приказ последнего, чтобы я явился к нему. Уже одно слово “приказ»” произвело на меня неприятное впечатление и не пред-

вещало ничего хорошего. Но я решил не уклоняться от этого “любезного приглашения”, больше всего из любопытства увидеть одного из этих пресловутых Главкомов в теперешнем для них курьёзном положении.

В сопровождении адъютанта направился я к поезду Командующего армией. Застал я его сидящим в салон-вагоне за письменным столом, покрытым целой грудой дел и бумаг. В другом конце вагона сидели две миловидные машинистки и трещали на ремингтонах.

“Вы уполномоченный Глав. Упр. Кр. Кр. В.?” — обратился он ко мне с вопросом, и на мой утвердительный ответ кратко и чётко отчеканил: “Потрудитесь находящийся в вашем распоряжении транспорт из 40 подвод, — освободить и к завтрашнему утру, к 9 ч., доставить сюда и сдать полковнику N”. Я ответил ему, что обозы подчинятся только законным распоряжениям своего прямого начальства и не имею права бросить на произвол судьбы ценного имущества Кр. Кр. Генерал вспыхнул, и, повысив голос, грозно заявил: “Без рассуждений, — извольте немедленно исполнить моё распоряжение — иначе я употреблю силу!”. Я понял, что с таким зазнавшимся самодуром бесполезно спорить, и что я, к тому же, не гарантирован получить пулю в лоб за неисполнение его “боевого приказа”.

Мы очутились в крайне затруднительном положении. В Каинске некому и некуда было сдать имущество Красного Креста на хранение. Сопротивляться мы не были в состоянии. Приходилось подыскивать какой-нибудь другой выход из создавшегося положения.

Мы его нашли. Вернувшись со станции, я сейчас же собрал всех своих сотрудников, и мы сообща решили прибегнуть к хитрости: не ожидая завтрашнего утра, с наступлением ночи, собраться в путь и, воспользовавшись темнотою, выбраться из города незамеченными кордоном часовых, расставленных Ком. армией, — и не допуская выезда из города без особого разрешения.

По счастливой для нас случайности с вечера началась снежная пурга и в 2-х шагах нельзя было различить, что делается.

Наш транспорт потянулся, имея во главе верхами поручика и вахмистра. На каждых санях сидело по одному вооружённому

добровольцу, а в конце ехал я. Когда мы поравнялись с заставой, транспорт был остановлен окриком часового. Дежурного вахтенного офицера поблизости не оказалось, он, очевидно, спрятался где-нибудь от пурги. Наш поручик объяснил часовому, что едет обоз воинской части, и что пропуск находится у начальника обоза В., едущего в последних санях. Часовой пропустил транспорт и, когда мои сани поравнялись с ним, попросил предъявить пропуск. Я вынул один из многочисленных, имеющихся у меня мандатов Кр. Кр. и, при свете фонаря, показал ему. Наверное, часовой был малограмотный, а большая печать на мандате импонировала, и он, не разобрав подписи, молча пропустил нас. И так хитрость наша удалась.

Больных добровольцев пришлось везти с собою, т. к. они умоляли меня не оставлять их в Каинске.

На одном из следующих этапов страхась над нами новая беда. Проснувшись как-то рано утром, я заметил, что лежащий рядом со мною на полу фельдшер наш в сильном жару — бредит. Когда мы расстегнули его рубашку, чтобы поставить градусник, то увидели, что вся грудь его разрисована сыпняком. Оставлять его в глухой деревушке, без медицинской помощи, было невысказано, и мы повезли его дальше с собою, в отдельных санях, для чего пришлось пожертвовать частью съестных припасов, которые я тут же раздал крестьянам.

Не помню точно, которого, но в последних числах ноября без особых дальнейших приключений мы добрались, наконец, до Ново-Николаевска».

* * *

Показательный эпизод, не правда ли?..

Но вот думается... Как ни ряди, а только в жизни нет единой универсальной оценки на любой случай бытия. Мы принимаем за правомерный вариант, который предлагает автор записок. Но если попытаться взглянуть на случившееся с другой колокольни...

Взглянем на ситуацию глазами того неведомого командующего армией! У него масса проблем и жуткая нехватка транс-

портных средств. У него не хватает абсолютно всего!.. У него голова идёт кругом от бессилия и от осознания бессилия как-то изменить обстановку.

А тут невесть откуда появляется обоз, полностью обеспеченный всем необходимым, и везёт некое имущество, которое требуется на фронте, в лазаретах, в госпиталях, но его по неподдающейся логическому обоснованию причине тащат в тыл... И при этом обоз можно считать бесхозным, потому что нет поблизости официальной силы, которая могла бы за него вступить.

Право, я понимаю этого генерала, который попытался реквизировать санный поезд. К генералу Войцеховскому я отношусь с большей симпатией, к Сахарову с меньшей, но в данный момент это не имеет принципиального значения. О ком бы из них ни шла речь в приведённом отрывке, тот генерал пытался действовать в конкретной ситуации в интересах своей армии...

Волков, конечно же, поступил в соответствии со своими представлениями о чести и долге. Выше уже шла речь о том, что он вообще зарекомендовал себя человеком ответственным. Он поступил так, как следовало поступить порядочному человеку и столбовому дворянину.

Но лично меня ещё с момента первого прочтения дневника не оставляет мысль — могу признать, что не совсем красивая... Да подчинился бы Николай Николаевич приказу нахрапистого генерала, сдал бы ему вверенное имущество, снял с себя бремя командования, вытребовал бы бумагу, подтверждавшую насильственную реквизицию имущества, которую, опять же, нет сомнения, тот генерал без колебаний подмахнул бы, — и со спокойной душой отправился бы восвояси!..

Нет же, он поступил в соответствии с кодексом чести, в соответствии с совестью, с представлением о том, как следует поступать дворянину и порядочному человеку.

НОВО-НИКОЛАЕВСК

И вот в конце концов обоз прибыл в Ново-Николаевск — Новосибирск по-нынешнему (город переименоуют в 1926 году).

Это сегодня Новосибирск — крупный мегаполис России, третий по численности населения в стране, важный железнодорожный узел, промышленный и научный центр общегосударственного значения, столица зауральской части страны... Это сегодня определённые силы в России лоббируют идею перенесения именно сюда столицы государства...

А в описываемую в предлагаемых записках пору населённому пункту насчитывалось всего-то четверть века, а как городу — и того меньше, полтора десятилетия. Посёлок родился у строившегося через Обь моста для Транссибирской магистрали, ну и потом начал разрастаться. Хотя, конечно, проживали тут люди и раньше, ещё с XVII столетия...

Ну да не об истории Новосибирска речь идёт.

А вот о том, что происходило в регионе непосредственно перед прибытием в город нашего героя, следует рассказать, хотя бы коротко.

События рубежа 1917–1918 годов во времена моей молодости называли триумфальным шествием Советской власти по всей стране. Много позже и постепенно мы узнавали, что шествие оказалось не столь уж триумфальным, а затем вообще контрреволюция оправилась и сама перешла в наступление. Своего рода идеологическая ремиссия.

Так вот, в Ново-Николаевске большевики поначалу и в самом деле взяли власть легко и просто — местный Совет возглавлял «пламенный революционер» Александр Петухов. Однако антибольшевистские силы скоро консолидировались, и в мае 1918 года Петухова и его единомышленников арестовали, а вскоре и расстреляли. В городе установилась власть относительно самостоятельная, но ориентированная на автономное Временное Сибирское правительство, которое возглавил российский поли-

тический деятель Пётр Вологодский, опиравшийся на силы восставшего Чехословацкого корпуса. Вскоре местное временное правительство перебралось в Омск, в результате Ново-Николаевск утратил статус столичного города. Автономной Сибирь оставалась недолго и вскоре ей пришлось подчиниться Верховному правителю адмиралу Колчаку; Пётр Вологодский возглавил при нём Совет министров.

И вот мы подошли к событиям, которые описывал в своих записках Николай Николаевич.

...Прибыв в Ново-Николаевск, Волков первым делом попытался отыскать местное Управление Красного Креста, которому формально подчинялся. Однако выяснилось, что эта организация уже успела эвакуироваться, оставив в городе своего представителя — князя Ивана Куракина.

О личности Ивана Анатольевича хотелось бы рассказать подробнее, да только в данном разделе заметок это представляется не к месту. Хотя биография у него заслуживает отдельного разговора.

Судя по запискам Николая Николаевича, им доводилось ранее встречаться в Омске. Куракин, бывший депутат Государственной думы III созыва, бывший министр финансов Северной области (столица — Архангельск) в период оккупации её англичанами, перебрался в Омск буквально за полгода до описываемого отступления. Напомню, что Николай Волков некогда проездом посещал Архангельск, а Иван Куракин некоторое время служил в Варшаве по линии народного просвещения...

Таким образом, в Ново-Николаевске встретились два уполномоченных Управления Красного Креста. Формально Куракин по административной лестнице стоял выше, однако... Впрочем, какое отношение это самое «однако» имеет к нашему разговору, речь пойдёт ниже.

Любой из нас хорошо знает, что в годину социальных катаклизмов практические вопросы успешнее решает человек, обладающий реальными рычагами воздействия или некими материальными ресурсами, в то время как некто другой, пусть и осенённый высокими званиями и снабжённый грозными мандатами, нередко проигрывает, уступает первому. Как там, у по-

эта: «Мандатам доверия нету», и далее: «Ваше слово, товарищ маузер»...

Князь быстро организовал решение самой главной для Николая Волкова на тот момент обузы: Николай Николаевич сдал драгоценный груз официальному медицинскому ведомству. Вздыхнув с облегчением, Волков собирался распустить свою команду, чтобы самому остаться в городе до прихода Красной армии — бежать неведомо куда и зачем он не собирался.

Но, как хорошо кто-то сказал, жизнь — это то, что происходит в реальности, пока ты строишь другие планы.

Город Ново-Николаевск оказался наводнён множеством беженцев. Если люди военные или даже штатские чиновники могли рассчитывать хоть на какую-то, пусть даже эфемерную вероятность эвакуироваться, то простые люди оказались попросту никому не нужными. Что имели, они уже продали, цены на продукты взлетели до неподъёмных величин, транспорта для дальнейшего движения — никакого, а эшелоны едва продвигались, битком забитые войсками... А тут — два десятка подвод, запас продуктов, да с охраной...

В этих условиях оборотистый Иван Куракин совершил поступок, который каждый волен расценивать по-своему; лично я, прочитав об этой рокировке, вспомнил бессмертное грибоедовское: «Ну, что по-вашему?.. По-нашему — умён!»...

Иван Анатольевич отдал приказ по своему ведомству, пусть и существовавшему скорее виртуально. В этом приказе он слагал с себя должность официального уполномоченного Красного Креста; а вместо себя назначил на этот пост нашего Николая Николаевича, которому и вверил оставшееся материальное имущество, а также назначил командиром воинской команды, подчинив те же самые два десятка саней с охраной. О чём официально объявил не только своему преемнику, но и всем окружающим. Более того, тем же приказом Куракин расширил полномочия Николая Николаевича, поручив его попечению аналогичные транспорты, прибывшие из других мест и формально подконтрольные ведомству — возьму на себя смелость предположить, что их начальники оказались не столь щепетильными и благоразумно ретировались, затерявшись в массе остальных беженцев.

Сам же сам себя разжаловавший князь присоединился к команде Волкова как рядовой гражданин. В результате в глазах обезумевших от ужаса и безнадёги толп беженцев — женщин, детей, стариков — именно Николай Николаевич превратился в единственную надежду на спасение.

Каждый в такой ситуации поступил бы по-своему. Подчеркну: в той конкретной ситуации.

Николай Николаевич Волков ситуации вновь покорился и приступил к формированию обоза для дальнейшего движения на восток. Транспорта для неисчислимых толп нуждавшихся остро не хватало, пришлось срочно закупать дополнительные сани, лошадей, сбрую... Работы оказалось много, количество нуждавшихся всё прибывало, Николай Николаевич выбивался из сил, стараясь поскорее отправиться в путь; однако это отправ-ление всё откладывалось.

И вот тут он допустил ошибку, в которой впоследствии сильно раскаивался. С другой стороны, как можно заранее определить, какое решение станет правильным, а какое приведёт к последствиям фатальным?.. И даже ещё сложнее: кто сможет безошибочно ответить на вопрос, что бы случилось, если бы некогда ты бы поступил бы не так, а вот эдак...

Я часто повторяю истину: матушка-История с частицей «бы» незнакома, биография пишется безальтернативно, один раз и сразу набело...

Так вот, оценив всю тяжесть бегства в неизвестность и понимая, что зима только началась, и что запасы провианта и спирта не бесконечны, Николай Николаевич решил отправить семью в Томск, чтобы жена с детьми пересидели тяжкую годину, а он, освободившись от своих обязанностей, со временем к ним вернулся бы. Однако тут вмешался случай в лице советчиков.

Каким-то образом Волков встретился с генералом Беловым.

В рукописи не уточняется, с которым из представителей этой фамилии (даже фамилий) свела в тот момент судьба нашего героя. Перелопатив биографии десятка Беловых из окружения Колчака, я решил, что больше всего на эту роль подходит генерал-майор Белов Георгий Андреевич. На самом деле этого человека звали Генрих Виттенкопф, который с началом Первой

мировой войны изменил фамилию на русскую — так поступили многие офицеры, русские по духу, однако сохранившие фамилии своих некогда приехавших из-за рубежа предков.

Не будучи уверенным в своей правоте, я обратился за консультацией к своему доброму товарищу, Александру Окороккову, который является знатоком персоналий «белой» эмиграции. Ознакомившись с первоисточником, Александр Васильевич подтвердил, что именно Георгий Андреевич больше всего подходит под описание в рукописи. Хотя абсолютной уверенности у нас так и не сложилось.

Так вот, генерал Белов, хорошо зная Волкова по Омску, где принимал у Николая Николаевича санитарные обозы, предложил разместить его семью в железнодорожной теплушке, в подчинённом ему эшелоне беженцев, который двигался по железной дороге. Поколебавшись, Волков принял предложение. Решающим фактором в его глазах стало то, что эшелон генерала Белова пользовался преимущественным правом проезда по обеим колеям пути. Да и то — все поезда антибольшевистской коалиции следовали теперь только на восток — с запада неумолимо надвигалась неудержимая сила «красных»; так что встречного движения попросту не существовало. Белов рассчитывал за несколько дней добраться до Иркутска...

Для нескольких семей беженцев генерал выделил теплушку.

Успокоившись за свою семью, Волков вплотную занялся формированием обоза, с которым рассчитывал продолжить путь.

Ни он, ни кто-нибудь другой не имели представления о том, что в той конкретной обстановке санный обоз в состоянии двигаться быстрее, чем поезд. Обе железнодорожные колеи на протяжении десятков, а то и сотен вёрст на восток оказались заблокированы множеством размороженных паровозов, брошенных вагонов, а то и целых эшелонов. Для локомотивов не хватало топлива, едва топка гасла, вода на лютom морозе тут же застывала, котёл разрывало образовавшимся льдом, и паровоз превращался в бесполезное стальное сооружение, наглухо блокировавшее продвижение. Способность к движению сохраняли локомотивы, в которых в котлы вместо воды заливали масло; однако этой «незамерзайки» на всех не хватало. Скорость дви-

жения по путям составляла 10–15 км в сутки (именно так: в сутки!). Сохранившие способность двигаться эшелоны подъезжали к препятствию, солдаты или другие пассажиры сбрасывали вагон или паровоз под откос или проталкивали в тупик, поезд после этого продвигался дальше, пока не достигал следующей препоны.

«Сбрасывали»... А ведь ни кранов, ни домкратов, никаких иных приспособлений!.. Только срубленные сосёнки-лаги, да приспособленные под ломы-рычаги металлические обломки.

И всё это — в лютые сибирские декабрьские морозы, да в круговерти колючих метелей.

Но и это ещё не всё.

Остановившиеся эшелоны подвергались нападениям и разграблению со стороны крестьян окрестных деревень. Мародёры разламывали сами вагоны, растаскивали всё, что могло пригодиться — особенно пользовались спросом мануфактура, продукты и спирт... Ну и оружие, конечно. Ну а то, что с точки зрения крестьян не представляло ценности, безжалостно уничтожалось — в грабителей как будто вселялся бес уничтожения и разрушения.

Кто сопротивлялся, убивали — убивали просто и обыденно. А вот о фактах изнасилования Волков не пишет — могу предположить, что в этом вопросе на страже женского целомудрия выступали как раз морозы и метель.

...И вновь не могу удержаться от того, чтобы не привести цитату из дневника Николая Николаевича. Она настолько чётко и ёмко свидетельствует о том, что происходило в Ново-Николаевске, что пересказывать её своими словами счёл бы делом неправильным.

Итак...

«Когда я последний раз был на станции Н. Ник., то застал там невероятный хаос. Наши “пресловутые освободители” от “большевистской власти” чехи, вели себя как обезумевшие от страха бандиты: они силой захватывали и отбирали паровозы и вагоны, высаживая из них всех пассажиров и нагружали их награбленным ими русским добром. Они спешили удрать и готовы были какой угодно ценой заплатить за спасение своих драгоценных шкур. В Иркутске потом они подло предали Колчака, что-

бы только получить беспрепятственный пропуск в Владивосток. Остальные наши “доброжелатели” в лице “высоких комиссаров” дружественных нам держав вели себя не так вызывающе, но не ударили пальцем о палец, чтобы помочь нам в эти критические минуты. Одни только поляки вели себя доблестно и до конца остались нам верными. Под предводительством своего храброго полковника Румша, они защищали тыл эвакуировавшихся наших и своих эшелонов. Министр Л. С. Л. А. Устругов оказался в затруднительном положении: у него тоже неверные чехи отобрали бы паровоз его поезда, если бы он не прибег к хитрости и не упрятал его заблаговременно в желдордепо под видом ремонта».

К сказанному хочется добавить ещё вот какой факт. Считается, что именно воинский контингент, известный в истории как «белочехи», причастен к исчезновению значительной части «колчаковского золота» — эшелона, который так и не найден вот уже больше века.

* * *

В конце концов обоз двинулся дальше. Разросшийся в разы, состоявший из саней, забитых людьми и скарбом, с хиленьким охранением, которому приходилось оберегать подопечных от наскоков мародёров... И всех этих оказавшихся под опекой Николая Николаевича людей приходилось размещать на ночлег, кормить, оказывать всевозможную помощь...

И при этом учётом ещё, что люди, доведённые до отчаяния, мягко говоря, не отличались добродушием и покладистым нравом... Все на нервах, многие срываются в истерику...

А сзади, с запада, отступавших неумолимо подгоняла непрерывная артиллерийская канонада...

...Истинным ударом для Николая Николаевича стала болезнь татарина-хорунжего, которого все привычно называли «Секим-башка». Своим решительным поведением, свирепым видом он нередко помогал решать начальникам самые разные вопросы. А тут вдруг слёг! «Сыпняк» свалил...

Везти дальше его не имело смысла... Татарина оставили у какого-то местного крестьянина, щедро заплатив тому за сохран-

ность оставляемого товарища. Однако ни у кого не оставалось сомнения, что их товарищ обречён — сам не умрёт, так «красные» церемониться не станут. Слабенькая надежда оставалась на то, что о «добровольческом» прошлом татарина никто не донесёт. А на что ещё оставалось надеяться?..

Последнее, о чём просил татарин, имени которого Николай Николаевич не запомнил (или не стал обнародовать), это оставить ему заряженный револьвер. Просьбу эту выполнили.

Больше о человеке, который сделал столько добра для беженцев, Волков ничего не слышал.

СТ. ТАЙГА

В данной главе, по всей видимости, автор дневников допустил географическую неточность, обратить внимание читателей на которую считаю необходимым.

Николай Николаевич Волков свои воспоминания о том крестном пути подготовил спустя полтора десятилетия после описанных событий. Вполне закономерно, что за прошедшее время что-то стёрлось из памяти, или же сместилось... Как ни говори, а память — не самый совершенный инструмент нашего сознания. Так что ошибка вполне допустима и объяснима, особенно если сделать поправку на то, сколько и каких событий свершилось впоследствии на глазах человека...

Как уже отмечалось, от Ново-Николаевска Николай Николаевич следовал по гужевой дороге с возглавляемым им обозом. А параллельно продвигался железнодорожный состав, в одном из вагонов которого размещалась его семья. Как водится, эти две трассы местами сближались, а где-то расходились на значительное расстояние. Нам, привыкшим к современным средствам коммуникации, непросто представить себе сам факт отсутствия информации о взаимном расположении двух транспортных единиц — даже на станциях никто не мог сказать, где находится тот или иной эшелон, не говоря уже о конном обозе...

На протяжении какого-то времени скорость движения саней и поезда примерно совпадала, и Волковы могли изредка встречаться. Да-да, именно так: подчеркну ещё раз, что эшелон продвигался по железной дороге с суточной скоростью гужевой повозки, а то и ещё медленнее. Но в конце концов транспорты потерялись друг относительно друга. Речь в тексте ведётся от лица Николая Николаевича, соответственно, отмечаем, что в какой-то момент он потерял представление о том, где может находиться эшелон с семьёй — вырвался ли он вперёд или же безнадежно отстал.

Понимая, что такое может случиться, супруги заблаговременно оговорили места встречи. В частности, очередную они

наметили на станции Литвиново. Однако так получилось, что санная повозка, в которой следовал Николай Николаевич, миновала Литвиново и оказалась на станции Тайга.

Вот тут-то мы и подошли к ошибке, о которой упоминалось выше.

Чтобы оценить ситуацию той поры, я внимательно ознакомился с картой местности и обнаружил вот какую странность. Между станциями Литвиново и Тайга весьма значительное расстояние, особенно если следовать по забитой отступавшими войсками и толпами беженцев дороге на санях. Тут не разгонишься, тут тебе не тройка с бубенцами на ямском тракте... Кроме того, между названными населёнными пунктами расположен относительно крупный городок Яшкино, да и ещё несколько посёлков помельче. Так что фактор забывчивости, судя по всему, сыграл свою роль: в названии какого-то из названных населённых пунктов автор записок несомненно ошибся: он просто физически не смог бы доехать от Литвиново до Тайги, не заметив ошибки — слишком велико расстояние.

Однако я продолжу повествование по авторскому тексту, сделав всё же зарубочку о допущенной ошибке.

Итак, Николай Николаевич Волков продолжал выполнять возложенную на него миссию — вёл обоз с беженцами на восток, решал вопросы с размещением людей, с обеспечением их питанием... И при этом понимал, что где-то (именно где-то — в значении «неведомо где») в вагоне, который не то продвигается, не то вовсе стоит, брошенный, осталась его семья.

Поняв, что рискует потерять близких, автор записок оказался перед сложным моральным, нравственным выбором: продолжать выполнять обязанности старшего обоза, в котором следуют нуждавшиеся в нём, но всё же посторонние люди, или же отказаться от возложенной на него функции и заняться поиском и спасением собственных жены и детей.

Думаю, что абсолютное большинство мужчин поступили бы так же, как и наш герой: Николай Николаевич решил бросить навязанную ему миссию и искать и спасать семью — и лично я его прекрасно понимаю.

Обстоятельства сложились так, что данное решение он принял на станции Тайга, где и происходили дальнейшие события.

Первым делом Николай Николаевич озаботился тем, что нашёл жильё, чтобы было куда семью привезти, когда она отыщется. В местной школе он договорился снять угол, за который Волков и заплатил вперёд, с условием, что въедет позже, когда отыщет близких. А сам отправился на железнодорожный вокзал.

На протяжении веков ямские станции, придорожные постоялые дворы, вокзалы служили для проезжих местом встреч и центром притяжения. К тому же в описываемый период именно на вокзале имелся телеграф, это единственное средство связи и информации, из которого узнавали новости.

Не стану пересказывать пошагово, как Волков собирал информацию в ту пору, а что ему стало известно впоследствии. Скажу главное, объединив события нескольких дней до нескольких абзацев.

Под натиском наступавших частей Красной армии части колчаковской армии откатывались на восток. В составе отступавших имелось сколько-то формирований, состоявших из людей чести и долга, которые как-то сдерживали преследователей. Однако значительная часть сил «Верховного правителя», отчаявшись и не веря больше в успех, бросала всё, и бежала, бежала, бежала... Кому повезло, захватывали эшелоны с паровозами и двигались по железной дороге. Как тот же генерал Белов, приютивший в одном из вагонов семью Волкова и несколько других.

Между тем, как уже говорилось выше, оба железнодорожные пути оказались заблокированными размороженными и брошенными паровозами и эшелонами. В этих условиях Белов и его штаб пришли к выводу, что дальнейшее продвижение по железной дороге бесперспективно — слишком много времени уходит на расчистку путей. Отступавшие выгрузились из вагонов и отправились пешим ходом, бросив доверившихся им беженцев.

Узнавший об этом Волков негодовал, посылая проклятия в адрес генерала и его соратников...

Я же со своей стороны не представляю, а как следовало поступить генералу в этой ситуации — и неважно, какой лагерь он представляет. Что реально Белов мог сделать для оказавшихся под его опекой беженцев? Взять с собой? Каким образом?

Задача любого военачальника в боевой обстановке — заботиться о вверенных ему войсках и о выполнении поставленной задачи. Ну а о беженцах — по мере возможности и наличия средств эвакуации. Что имел Белов? Транспорт? Нет, конечно. И уж во всяком случае, не в должном количестве. Беженцы — обуза для любой отступающей армии. Бросать их нехорошо, тащить с собой — глупо.

Нет сомнения, что те из беженцев, кто желал и имел силы, отправились с военными; ну а кто остался, надо полагать, уповали только на чудо, да на милосердие «красных», надеясь, что женщин и детей они не тронут. Предположу также, что «красных» они боялись меньше, чем мародёров...

Короче говоря, узнав, на каком километре трассы находится брошенный эшелон, в котором, как он полагал, осталась его семья, Николай Николаевич сразу пошёл по путям на запад, несмотря на то, что время уже близилось к полуночи. По словам путейцев, состав застрял в десятке вёрст от станции. Идти пришлось по заваленной снегом насыпи, по сильному морозу и выюге. С Николаем Николаевичем отправился один из санитаров обоза по фамилии Конев — редкий случай, когда автор счёл возможным назвать кого-то из спутников.

В своих заметках Волков подробно описал этот тяжкий путь. Ночь, мороз, метель, снежные заносы... Через каждые сотню-другую метров на путях стояли брошенные паровозы или вагоны, а то и целые вагонные секции — мёртвые, пустые, выстуженные, с распахнутыми настежь дверями... Николай Николаевич обходил каждый, заглядывал в каждый вагон, звал жену и детей... Однако нигде их не находил; и вообще никто не отзывался. И следовал дальше.

При осмотре одного из эшелонов Волков и его спутник стали свидетелями того, как крестьяне близлежащего села грабят вагоны. Щепетильно честный в этом деле наш герой высказывался по этому поводу гневно, осуждающе...

Конечно, с точки зрения высокой морали, равно как и буквы Закона, присвоение чужой собственности нехорошо. Но вот чисто по-человечески, если взять данный конкретный случай... Идёт гражданская война, вот-вот произойдёт смена власти, и ни-

кому неведомо, что случится завтра с тобой самим или с твоими близкими... А тут рядом, на путях — стоят брошенные бесхозные вагоны, в которых можно чем-то поживиться. Они ведь, эти вагоны, в тот момент и в самом деле оказались не чьими-то, а именно ничейными, равно как и имущество в них. Ты сейчас не захватишь — «прихвятизирует» кто-то другой...

Повторю: любое присвоение чужого — это нехорошо. Но, право, и осуждать тех крестьян как-то язык не поворачивается... Они не грабили кого-то конкретного — они растаскивали то, что не принадлежало никому. То, что оказалось на ничейной территории, автоматически считается ничейным.

...Итак, тёмной декабрьской ночью Волков и его помощник пытались отыскать на занесённых снегом путях эшелон, в котором рассчитывали найти семью Николая Николаевича: жену и детишек 12 и 13 лет.

По его прикидкам десять вёрст давно уже миновали, а семью он отыскать всё никак не мог.

И вот наконец Николай Николаевич услышал в одной из «теплушек» голоса. Забравшись в вагон, он обнаружил там своих детей, а также некую Лену — спутницу его жены, и с ними тифозного офицера. Они сгрудились вокруг печурки — благо, дрова имелись. А вот жена отсутствовала — оказалось, что она на одной из станций отлучилась в поисках съестного и отстала от поезда.

Обнаружив детей, Николай Николаевич разрыдался — с этими слезами прорвалось всё напряжение предыдущих дней, пережитые страхи за жизнь близких, усталость и страх перед надвигающимся неведомым. Тем самым неведомым, которое громыхало орудийными раскатами на западе...

Волков понимал, что времени терять не следует. Да и вообще — чего ждать в брошенном вагоне?..

Он отправил своего спутника-санитара за саниями. Верный соратник не подвёл: через некоторое время к вагону добралась повозка. Николай Николаевич усадил в сани детей и их попутчиков, перетащил скудный скarb... Ему в память врезалось, что его сын хотел непременно захватить оказавшееся в вагоне кавалерийское седло; с трудом отговорили от этой затеи...

И они отправились в путь. Добравшись до городка Тайга, Волков разместил детей и попутчиков в арендованном помещении школы. А сам опять отправился на вокзал в надежде, что если жена и доберётся до города, то непременно объявится в помещении станции.

Так оно и оказалось. Жена Николая Николаевича приехала едва не с последним бронепоездом, отступавшим под натиском Красной армии. Бронепоезд оказался польским — и Волков навсегда сохранил благодарность к представителям этого воинского контингента, которые, по его записям, зарекомендовали себя наиболее стойкими воинами и реально спасли немало беженцев. Жена приехала в вагоне, в котором поляки везли запас артиллерийских снарядов для пушек бронепоезда; соответственно, подвергалась огромной опасности...

Таким образом, семья наконец-то воссоединилась.

ВЛАСТЬ МЕНЯЕТСЯ

Здание школы, в котором разместились Волковы и их спутники, располагалось на возвышенности. С одной стороны, это позволяло видеть окрестности, однако, с другой — с какой бы стороны ни начиналась стрельба, шальные пули сюда залетали в него неоднократно.

Через городок нескончаемым потоком отходили «белые» войска и несчастные беженцы. С запада подступали «красные». В самом здании скопились люди, принявшие решение положиться на судьбу и больше никуда не бежать. Среди них оказалось сколько-то беженцев, приехавшие с обозом Красного Креста, а теперь последовали примеру Николая Николаевича и покорились неизбежному.

В небольшой каморке, которую арендовал и приспособил для проживания Волков, обосновалось несколько человек. Всего в школе среди множества беженцев оказалось несколько больных разными хворями и разного возраста, в том числе и тот самый тифозный офицер, которого привезли с поезда.

Несколько суток прошло в тягучей неизвестности.

И вдруг как-то утром с улицы донеслась яростная стрельба: через город отходили бойцы арьергарда армии Колчака, за ними по пятам следовали наступавшие цепи «красных». Пулемётные и винтовочные пули разбивали стёкла, впивались в стены и в потолок...

Волков и все, кто находился в комнатёнке, залегли на пол возле печки — подальше от окон. Его дочке на шею упала срикошетившая от печной кладки горячая сплюснутая пуля...

Когда стрельба стихла, Николай Николаевич выглянул на улицу. Там никого не оказалось, линия фронта откатилась на восток.

В стрессовой ситуации люди ведут себя по-разному. И далеко не всегда можно понять и логически объяснить их поступки...

У Николая Николаевича ещё имелся какой-то запас спирта. Беженцы решили снять напряжение привычным русским способом.

Однако едва они успели рассестись за столом, как в комнату ввалились «партизаны» — автор дневника назвал их рабочими, по всей видимости, определил их статус по одежде.

— Мы за этих буржуев кровь проливаем, а они водку пьют! — взъярились ворвавшиеся. — К стенке их!..

...В разных фрагментах своих записок Николай Николаевич несколько раз весьма нелестно отзывался о выходцах из простого народа. Что тут скажешь?.. Всё, что ему довелось пережить за эти пару месяцев эвакуации, конечно же, не добавило ему тёплых чувств к пролетариату и крестьянству...

К счастью, ворвавшиеся не стали вершить самосуд в помещении, начали выгонять всех прикладами на улицу. Одеться никому не позволили, женщин и детей выгоняли на улицу в той одежде, в которой они находились в комнате — напомним, что там топилась печь, так что, несмотря на побитые пулями стёкла, какое-никакое тепло поддерживалось. Крики злобы, крики страха, крики боли; топот обуви, хруст устилавших пол и лестницу разбитого стекла, расщеплённого дерева и выщербленной штукатурки на дранке — всё смешалось в невообразимый шум.

Жизнь и смерть на войне нередко зависит от случайного стечения обстоятельств. Конечно, не только на войне, но именно в боевой обстановке это проявляется наиболее наглядно.

Выгнав всех, кого увидели, на улицу, партизаны выстроили их у стены, а сами стали цепью напротив, держа винтовки наизготовку. Не вызывало сомнения, что они готовы стрелять — для них это стало привычным делом, ждали только команду. Но её никто не отдавал — командир отряда замешкался в доме. В этот момент любой скомандуй — и грохнул бы залп.

Но команды не последовало, и люди остались живы.

Данные записки увидели свет только потому, что никто не выплюнул это короткое и беспощадное слово, после которого для кого-то наступает безвременье. Человеческая жизнь, жизнь последующих поколений зависит от пары миллиметров свободного хода спускового крючка.

...Воспользовавшись суматохой, Волков вернулся с лестницы в свою комнату и увидел командира, который что-то искал в разбросанных вещах — быть может, документы, а то попросту, чем бы поживиться; например, тот же спирт, початая бутылка которого осталась на столе...

Как я уже писал, Волков никогда не служил в армии — здоровье не позволяло, в первую очередь, слабое зрение. Но в минуты опасности каждый человек способен на многое...

Николай Николаевич увидел прислонённую в углу винтовку, схватил её и направил на мародёра.

— Стрелять буду! — закричал он. — Ни с места!..

Конечно же, кричать следовало что-то другое: про отмену казни, про возмездие, если казнь свершится... Однако железнодорожный чиновник, волею обстоятельств ставший чиновником Общества Красного креста, а теперь завладевший оружием, крикнул именно так: «Ни с места!»...

Хотя, это только в воспоминаниях; кто знает, что он кричал на самом деле там и тогда?..

Но ситуацию разрядил всё же не он.

Расстрел остановил проезжавший мимо красный командир — не партизан, а армейский чин. К нему бросилась жена Николая Николаевича, привлекла внимание к происходящему.

Узнав, в чём дело, командир устроил выволочку партизанам, пристыдив:

— Красная армия с женщинами и детьми не воюет...

Ну а когда ему сказали, что в здании разместились в основном сотрудники Общества Красного Креста, распорядился даже выделить охрану, чтобы впредь не возникло никаких эксцессов. Впрочем, предварительно обыскав здание, проверив, нет ли тут припрятанного оружия...

Командир-спаситель оказался раненым, ему оказали помощь. К тому же Волков подарил ему своего коня — великолепного скакуна, неоднократно бравшего призы на соревнованиях, которого ему когда-то презентовал сам князь Голицын.

...Так завершилась служба Николая Николаевича Волкова при правительстве Колчака.

Через несколько дней он с семейством отправился в обратный путь, в Томск, где у них имелось какое-никакое жильё.

Наступил период безвременья. Какое-то время Волковы в пути держались на запасах, сделанных ранее. Однако вскоре их ограбили, и они стали такими же нищими, как и остальные.

Худо-бедно, но до Томска они добрались.

Начиналась новая жизнь...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Когда я читаю про период развития страны сразу после Гражданской войны, меня нередко ставит в тупик невероятное смешение несопоставимого.

Национализация целых отраслей промышленности, не говоря уже об отдельных предприятиях — и новая экономическая политика. Жёсткий диктат новой власти в области культуры — и какая-то немислимая мешанина стилей и направлений во всех сферах творчества; причём преобладает как раз «авангард». Какое-то непостижимое и необъяснимое переплетение в общественном сознании несопоставимого: новаторства, махрового мракобесия, возвышенных порывов, втаптывания идеалов в грязь, революционного романтизма, выползшего из самых низменных уголков общества нравственного уродства...

Развязываются репрессии против «бывших» — причём, зачастую, самых достойных и благожелательных представителей этого аморфного сословия. И в то же время читаю, что за самые жёсткие преступления — истинные или надуманные — трибунал нередко отправлял осуждённых в «трудовые дома»; это нечто вроде колоний-поселений с весьма умеренным режимом. Людей же вполне благонадёжных за самые незначительные прегрешения могли поставить к стенке...

И к любому из приведённых тезисов несложно подобрать примеры. Равно как столь же несложно и подобрать факты, опровергающие их...

Лично у меня не вызывает сомнения, что всё в ту пору зависело от того, в чьи руки попадёт «дело» — романтика от революции или же демона-мракобеса от её же, революции, корня.

...Но вернёмся к Николаю Николаевичу и его семье. Вот краткое изложение их биографии по возвращении из описанного выше полного мытарств вояжа по зимней сибирской тайге.

В Томске Волковым пришлось несладко. Имущество их оказалось разграбленным; а то, что они доверили знакомому, тот возвращать отказался. Некоторое время семья проживала у друзей по фамилии Еланцевы; в воспоминаниях сохранился адрес: ул. Миллионная, 32 (ныне — ул. Ленина). Любопытства ради заглянул в справочник — оказалось, что эта улица известна в городе тем, что на протяжении истории имела множество названий.

Осенью 1921 года Галину Павловну мобилизовали на т. н. «трудовой фронт» и направили в Кемерово. Дело в том, что в этом городе решили восстановить разрушенное в период Гражданской войны коксохимическое производство, для чего пригласили иностранных специалистов из США, Голландии, Бельгии. Вот на это предприятие и была направлена Галина Волкова в качестве бухгалтера. По всей видимости, сказался тот факт, что она владела несколькими европейскими языками. Она перебралась в Кемерово с детьми.

Что касается Николая Николаевича, его, с учётом опыта на довоенной работе, определили контролёром железнодорожных узлов; в его обязанности входило обследование станционного хозяйства на вверенном ему участке дороги. По окончании работы он остался в Кемерово, где возглавил местный драматический кружок, действовавший от местного Политпросвета.

Но эта идиллия для Николая Николаевича и его семьи (родители при пайке и зарплате) продолжалась недолго. Не то Волков — человек добродушный, мягкий и доверчивый — где-то что-то ляпнул, не то кто-то «настучал», что в системе Политпросвета работает представитель из «бывших», но только в 1924 году его на три года определили в исправительно-трудовой дом, расположенный в Томске, в котором он работал, опять же, режиссёром тюремного театра, а также ещё и юрисконсультom — каких только курьёзов ни случалось в те годы.

По окончании срока Николай Николаевич занимался тем, что сегодня называется репетиторством — преподавал на дому иностранные языки и математику. Следует отметить, что математику он очень любил, знал её и занимался ею с большим удовольствием. Как-то обмолвился сыну, что слишком поздно понял, что именно в математике — его истинное призвание.

В 1932 году семья перебралась в Ставрополь. Здесь Николай Николаевич продолжил заниматься частным преподаванием. Правда, у него начали прогрессировать глухота и слепота...

И именно тут на семью обрушилась неожиданная беда.

Шёл 1937 год — и после того, как я обозначил год, всё остальное становится уже очевидным. 26 июля к Волковым пришли с ордерами — и на обыск, и на арест. Естественно, искали что-то злобно-контрреволюционное, но не нашли. Зато обнаружили дворянские грамоты, выписанные его предкам, а также орден Почётного легиона, который некогда выхлопотал для него мсьё Бомпар.

Как тут удержаться... Осенью 1919 года, отступая с армией Колчака, Волков мог бы, по всей видимости, присоединиться к французскому воинскому контингенту — тому самому, который выдачей злосчастного адмирала Иркутскому Совету выкупил право на проезд на восток. Поступи Николай Николаевич именно так, оказался бы во Франции и получал бы какое-никакое пособие. Ведь его спутник, князь Иван Куракин, о котором шла речь выше, добрался-таки до Парижа и прожил долгую жизнь, пусть и на чужбине... Волков остался — и уготовил себе жизнь, о которой и идёт рассказ.

Найденных дворянских грамот для сотрудников НКВД оказалось достаточно, чтобы арестовать Николая Николаевича. Следствие и суд прошли скоротечно. Приговор привели в исполнение 18 августа.

Уж какую угрозу для общества с точки зрения «тройки» представлял старый, больной, слепой и глухой, добродушный и добросердечный преподаватель математики, можно только догадываться.

В справочных материалах к данным запискам приведено письмо, которое получили родственники Николая Николаевича в пору, когда шло массовое рассекречивание документов жестокого 37-го года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так завершилась жизнь человека по имени Николай Николаевич Волков.

Когда работаешь над биографической публикацией кого-то из людей давнего прошлого, как-то изначально невольно настраиваешься на волну своего героя. И это авторское отношение постоянно присутствует, довлеет над процессом написания работы. Особенно если знаешь, что героя, этого честного, добродушного и добросовестного человека, который не сделал ничего контрреволюционного, ожидает кошмарная расстрельная камера.

Некогда в молодости я увлекался фантастикой — в ту пору это увлечение было всеобщим. Впоследствии и сам пытался писать какие-то произведения в этом жанре. Да только потом понял, что не потяну и отказался от него.

Так вот, задумал я как-то произведение, идея которого мне и по сей день представляется привлекательной. Как будто в далёком-предалёком будущем в Институте Времени, когда станет возможным путешествие в прошлое, существует Служба последнего контакта. Функцией сотрудников Службы является, по моему замыслу, посещать хороших людей далёкого прошлого буквально за несколько мгновений до их кончины. И сообщить умирающему: не зря ты прожил жизнь свою, твои деяния принесут вот такую-то пользу, твои произведения станут достоянием человечества, твои потомки добьются вот таких-то выдающихся результатов!.. Потому-де, у многих людей перед кончиной светлеют лица — к ним пришёл «утешитель» из той Службы и принёс им благие вести о будущем.

Вот и теперь, поставив точку в жизнеописании Николая Николаевича, я подумал: а что бы ему сказал тот фантастический «утешитель» за мгновение до того, как раздался роковой выстрел палача?..

Что со временем его реабилитируют, и что на имени его не останется позорного пятна.

Что детям его и родственникам уготована долгая жизнь — пересказывать не стану, можно посмотреть в справочных материалах.

Что в конце концов увидит свет вот эта книга, благодаря которой люди смогут узнать о том, как он жил и работал, какие заслуги имел перед страной и народом, как умел любить и бороться за своих близких.

Что не зря он появился на свет и жизнь прожил, пусть не гладкую, но и не зряшную. Что оставил на земле он добрый след.

Н. ВОЛКОВ

ПО СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ
В 1903 г.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

г. Ставрополь
1934 г.

I

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО ПЕТРОЗАВОДСКА

В мае месяце 1903 г., по распоряжению М.В.Д., я был командирован для организации поездки («*tournée*») по северной области (б.б. Олонецкой и Архангельской губ.) французского посла при русском высоч[айшем] дворе, г-на “*Maurice Bompard*”. Он совершенно не знал русского языка, а потому это поручение необходимо было возложить на хорошо владевшего французским языком и при этом знакомого с краем. Я как раз совмещал эти оба условия, а потому выбор и пал на меня. Для поездки от г. Петербург до г. Повенец в распоряжение посла был предоставлен небольшой казенный пароход «Петрозаводск», на котором я прибыл в Петербург.

Поездка *Bompard* носила частный характер туризма. В этом *tournée*, кроме самого посла и его жены, приняли участие морской атташе при посольстве граф Кавелье де Кювервиль (*vicomte Cavalier de Cuverville*) с женой и жена атташе при датском посольстве *madame de Kastenskyola*. При них находились только: лакей-егерь (*chasseur*), поляк, немного знавший французский язык, и посольский повар. Я встретил и приветствовал посла на пристани при посадке его на пароход. Французы оказались очень милыми и симпатичными людьми: ни тени заносчивости или гордости. Что касается их дам, то они были милы, любезны и очаровательны, как умеют быть только одни француженки. С первых же дней нашей поездки между нами установились самые простые отношения, и получилось впечатление, что я давно их знаю, что это хорошие мои знакомые, а не высокопоставленные светские дамы. Их веселость, жизнерадостность были так заразительны, что даже капитан парохода, шкиперы и матросы, ни слова не понимавшие по-французски, невольно восхищались ими и подпадали под их влияние. После смерти моей матери (парижанки) прошло уже более 2-х лет, и мне в течение этого времени мало приходилось говорить по-французски. Первый день я немного стеснялся, но, поощряемый их лаской и простотой, скоро забыл про светские этикеты, и мы по целым дням весело болтали. Я еще тогда не успел отвыкнуть от чисто парижского способа говорить “*grassement*” и дамы сразу догадались, что я наполовину парижанин. Отношения наши с каждым

днем становились все дружественнее, и таковыми остались и после поездки, когда я бывал в гостях у Бомпаров в Петербурге. Невольно приходилось вспоминать отношения некоторых высокопоставленных немецких вельмож, где чувствовались чванство и высокомерность этих «шовинистов» к русским, в особенности к стоящим на низших ступенях иерархической лестницы. Никто из французов не знал ни одного слова по-русски, и мне приходилось постоянно быть их переводчиком, а т. к. при этом они все были очень любопытны и просили разъяснить им всё, это приходилось наблюдать во время всего путешествия, их было пять человек, а я один, то к вечеру я уже хрипел. Тем не менее я охотно исполнял эти утомительные обязанности переводчика и гида одновременно. Случались иногда курьезы. Будучи малознаком с всевозможными видами флоры и фауны северной природы и не имея под руками необходимых книг и достаточно компетентных помощников, мне приходилось изощряться и прибегать к хитрости, чтобы выйти из затруднительного положения, и когда я попадал «впросак», то вызывал всеобщее веселье. Но их смех был искренний, безобидный и не смущал меня. Повар у Бомпаров был великолепный, а провизия и вина, взятые из Питера, первоклассные. Я и капитан парохода были постоянными их затрапезниками, и любезность посла простиралась до того, что нас с капитаном угощали после обеда великолепными сигарами, хотя никто из их компании не курил.

Как особенность вкуса наших милых дам, укажу на их привычку пить за обедом пиво, разбавленное водой из реки Сены, которая специально доставлялась им из Франции.

По выходе из устьев Невы, нам пришлось пройти мимо знаменитой, построенной еще при Грозном крепости «Орешек», перестроенной и переименованной впоследствии при Петре в «Шлиссельбургскую государеву тюрьму». Тогда еще не было записок шлиссельбургских узников, появившихся на страницах русской печати только после революции, но я из заграничных изданий уже кое-что знал о жизни этих несчастных. Все, что мне было известно, я рассказал своим спутникам. Бомпар очень заинтересовался моими рассказами и, между прочим, заявил, что попытается получить разрешение на посещение этого царского застенка. Очевидно, ему не удалось добиться желаемого, т. к. ни в одном из мемуаров шлиссельбургцев не упоминается его имя среди высокопоставленных посетителей этой тюрьмы.

Наш путь лежал вдоль Ладожского озера. Это большое озеро, расположенное в котловине, местами очень глубокое (до 59 саженей), и по нему свободно могли бы курсировать большие морские пароходы, но, так как пароходы, совершавшие рейсы из Питера в Петрозаводск (губ. город Олонецкой губернии), должны были проходить мелководную и местами порожистую реку Свирь, то все они были плоскодонные. Когда разыгрывалась буря на Ладожском озере, и вода в нем бурлила как в котле, то эти пароходики бросались как щепки, и качки на них были невероятные: и боковые, и килевые одновременно. При впадении (у истоков) в реку Свирь — недалеко была «Волчья губа», самое опасное место для пароходов — в ней во время бурь погибло много баржей и рыбацких лодок. Река Свирь, вытекающая из Онежского озера и впадающая в Ладожское, имеет в длину до 200 верст, ширина ее от 120 до 180 саженей. Как я упомянул, она очень мелководна и на ней много порогов гряд и луд. Самый опасный участок пути — между с. Порожым и с. Мятусовым — очень живописный. На нем для подъема судов было учреждено туерное пароходство. Буксирные пароходы здесь обыкновенно вели только по одному судну. Курсирующие между Петрозаводском и Петербургом два парохода частной компании — «Кивач» и «Олонец» — летом шли по Свири только днем, и ими управляли специальные лоцмана, которые менялись по участкам, т. к. даже самые опытные капитаны не были в состоянии хорошо изучить фарватер этой капризной реки. На левом берегу Свири в 60 вер. от уездного города Олонца расположен был Александро-Свирский монастырь, о котором я упоминал в своем очерке «Авантюрист в». В верховьях реки Свири в нее вливается Онежское озеро; близ пристани Вознесенья есть место, незамерзающее даже в самые сильные морозы, т. к. в этом месте со дна бьют горячие ключи.

Онежское озеро по величине второе после Ладожского во всей северной области — оно имеет в длину 195 в. и 123 вер. в ширину. На возвышенном берегу Петрозаводской губы Онежского озера, у истоков двух маленьких речек — Лососинки и Неглинки — расположен г. Петрозаводск, губер. город бывшей Олонецкой губернии. Описывать его я не стану, т. к. сделал это в вышеупомянутом очерке подробно, к тому же он ничем особенным не отличался.

Здесь во времена Екатерины II градоправителем был знаменитый поэт Державин, и на главной Марининской ул. сохранился дом, в кото-

ром он жил, о чем гласит прибитая к нему доска с соответствующей надписью...

В Петрозаводске посол пробыл только 3 дня. Он посетил имевшийся в нем тогда Александровский снарядно-литейный завод (основанный еще Петром Великим) и кафедральный собор — последний, как он мне потом сознался, исключительно, чтобы убедиться, действительно ли в нем вывешена вместо иконы картина крушения царского поезда в Борках. На второй день был раут у губернатора. Он сделал только несколько визитов: Губернатору, Вице-Губернатору и Архиепископу, и, что никто не ожидал, капитану парохода, семья которого жила здесь, и посетил мою скромную холостую квартиру. Я упомянул о последнем факте, чтобы указать, какою изысканной любезностью отличался Бомпар. Из Петрозаводска мы должны были поехать на водопад «Кивач».

II «НА КИВАЧЕ»

«Алмазов¹ сыплется гора».

Державин

Для поездки наших туристов на «Кивач» была предоставлена большая коляска (6-местная — «дормёз»), специально сделанная для поездки в[еликого] к[нязя] Владимира Александровича. В коляску эту впрягалась четверка (рядом) лошадей. Вокруг Петрозаводска раньше были большие сосновые леса, но в описываемое мною время они очень поредели: их выкорчевали частью и превратили в пашни.

Кивач находится в 65 верстах от гор. Петрозаводска (на С. В.) на реке Суне. Сжатый в диоритовых скалах, он падает почти отвесно с высоты 5 саж. Ширина его 5,7 саженой. Он второй в мире водопад после «Ниагары» (в Америке). Это величественная, но жуткая картина. Уже за 2 версты, не доезжая до него, становится слышным шум от падения воды, который все увеличивается и, под конец, перерастая в такой

¹ В стихотворении «Водопад» Г. Р. Державина: «Алмазна сыплется гора» (Прим. ред.).

оглушительный, что приходится буквально кричать, чтобы разговаривать со своим соседом. Посещавшие его туристы не могли привыкнуть к нему и по ночам не были в состоянии заснуть. Над самым водопадом, на высокой диоритовой скале (в три сажени) построена была беседка, и брызги от падающей воды долетали до нее, обдавая все мелкою водной пылью. Смотреть вниз было жутко, и без привычки кружилась голова. Ниже водопада, саженях в 50, через Суну был сооружен деревянный мост. На правом берегу, немного выше главного падения воды, был выстроен дом для посетителей. К сожалению, при нем не было ресторана и туристам приходилось запасаться собственной провизией. У самого падения воды образовался круговорот, в котором вода бурлила как в котле. Глубина его, очевидно, была очень большая, т. к. попадающие в него шестисаженные сосновые и еловые бревна пропадали в нем бесследно и только далеко в 30—40 саженях всплывали часто одни их щепки. По реке Суне подъезжать к Кивачу ближе, чем 2-3 версты сверху не рекомендовалось, т. к. течение становилось настолько сильным, что справиться с ним не было возможности и вас неминуемо повлекло [бы] в бездну водоворота. По вычислениям тогдашних инженеров, силами Кивача можно было осветить электричеством не только Петербург, но и всю Северную область. Многие иностранные компании пытались взять здесь концессии, но местное начальство отказывало им, все надеялись, что русское правительство возьмется, наконец, за ум и использует эту даровую могучую силу. Увы: надеждам этим не суждено было осуществиться, даже ближайший к нему гор. Петрозаводск оставался без электрического освещения.

При въезде на водопад посла чуть не произошло большого несчастья. Крестьяне соседних деревень, проведая о приезде высокопоставленных туристов, собрались толпой на мосту, через который должна была проехать коляска, чтобы «поглазеть» на такое редкое явление. Дорога к мосту спускалась с довольно крутой горы, и кучер не мог сдержать разгоряченных быстрою ездой лошадей, которые понеслись вскачь. Толпа расступилась, но одна женщина растерялась, споткнулась и упала под коляску. В толпе раздались отчаянные крики. Мы замерли от ужаса. Но каково было всеобщее удивление, когда увидели, что женщина эта встала живой и невредимой. По счастливой случайности четверка лошадей перескочила через нее, не задев ее копытами, и она очутилась между широко расставленными колесами

коляски, которая пронеслась над нею, не тронув ее. Испуганные туристы наши сейчас подбежали к ней и Бомпар, чтобы вознаградить ее за невольно причиненный ей испуг, дал ей сто рублей. Толпа заголосила, пораженная щедростью посла. Один мужичок не выдержал, и, почухав затылок, заявил глубокомысленно: «За этикие деньги каженный охотно ляжет под повозку!» Если бы вместо Бомпара сидел Иоанн Кронштадтский, то, наверное, сейчас же распространился бы слух о новом его чуде.

Приехали мы на «Кивач» в 12 ч. дня и пробыли там день. Для туристов продемонстрировали спуск партии бревен через водопад и пустили сверху по течению лодку с человеческим чучелом. От лодки всплыли у моста одни только щепки, и много бревен было расколото на части.

Вечером водопад осветили бенгальскими огнями, и был пущен фейерверк. Зрелище получилось феерическое: огромные волны падающей воды, покрытые пеной, и трехсаженный столб мелкой водяной пыли, образованной от брызг над самым водопадом, засветились всеми цветами радуги, заискрились как алмазы, и действительно получалась полная иллюзия горы разноцветных камней. Бомпар, бывший на «Ниагаре», заявил, что «Кивач» произвел на него более величественное впечатление, чем американский водопад.

На той же реке Суне есть еще два водопада: «Гирвас-порог» (шириною в 5–7 саж.) и «Пор-Порог» (в 7–9 с.). Но это не одно отвесное падение воды, а целый ряд каскадов, каждый на протяжении 100–200 саж. По виду своему они напоминают финляндскую «Иматру».

III

ОТ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО СУМЫ

Приехав обратно в Петрозаводск, мы сразу водворились на тот же казенный пароход, с которым должны были следовать до г. Повенца на С. В. по тому же Онежскому озеру. Во время всего нашего путешествия мне часто приходилось беседовать с послом, и он мне много рассказал интересного про свои поездки и про придворную жизнь. Николая II он

охарактеризовал как добродушного, но слабохарактерного, недалекого и притом упрямого человека. Александру (Алису) как неглупую — но ханжу-истеричку (Распутина тогда еще не было на царском небосклоне).

Сам Бомпар был богатый фабрикант (кожевенные заводы) — буржуа — и принадлежал к какой-то социалистической партии. Во время своей предыдущей дипломатической службы он побывал в различных странах: Америке, Италии, Испании и в Алжире (Африке), где был генеральным консулом. Между прочим, чтобы добраться до Алжира, ему с молодой женой, у которой был грудной ребенок, пришлось проехать по «Сахаре» — в продолжение 40 дней — частью на верблюдах, частью на носилках, которые тащили на себе арабы, под палящими лучами экваториального солнца.

Мне почему-то не хотелось верить, что Бомпар предпринял эту, в сущности, утомительную и не такую уж интересную поездку, исключительно с целью туризма. Я подозревал в этом какую-то другую, скрытую дипломатическую миссию. Я несколько раз старался повести разговор на интересующую меня тему. Но наивные попытки мои так и не увенчались ни разу успехом. Он обыкновенно отмалчивался и переводил разговор на другие темы. Однажды, в минуту откровенности, он сказал мне, улыбаясь: «Г-н Волков, никогда не задавайте таких вопросов дипломату! Он никогда не скажет вам правды». Затем он стал рассказывать мне, как тяжело служить в дипломатическом корпусе, в особенности, когда являешься представителем крупного государства. Приходится здорово следить не только за малейшими своими поступками, но и за каждым словом, которое сейчас же вкривь и вкось начинают толковать, придавая ему всевозможные смыслы, тогда как оно было сказано без всякого умысла. Находиться постоянно в такой нервно-напряженной атмосфере очень утомительно, и он отправился в поездку специально, чтобы отдохнуть и побыть подольше вдали от придворных и дипломатических интриг. «Я давно не был так доволен, как сейчас», — продолжал Бомпар, — что могу хоть на время сбросить с себя дипломатическую маску — и стать самим собою!»

Олонецкая губерния — в некоторых отношениях — отличалась от других губерний центральной Европейской России. Здесь не было ни местного дворянства, ни помещиков. Леса, болота, луга и изредка пашни в большинстве принадлежали министерству Гос. имуществ — и отчасти бывшим государственным крестьянам, не испытывавшим

крепостного ига, а потому и более независимым и нераболенным, как наши крестьяне из центральных губерний. Как на курьез, можно указать на небольшую деревушку в 20–30 дворов, населенную исключительно единственными олонецкими потомственными дворянами, носящими одну и ту же фамилию «Нееловых». При Екатерине II из центральной России для заселения Северной области было переселено несколько десятков мелкопоместных дворян, которым отвели большие угодья близ гор. «Ладейного-Поля» (Олонец. губ.). Большинство этих помещиков постепенно разорялись и вымирали, и при мне сохранилась одна деревушка их — «Нееловка». Эти жалкие остатки дворянства вели чисто крестьянский образ жизни и самое первобытное хозяйство. Большинство из них, в особенности старики, были неграмотны. Но, будучи дворянами, они были освобождены от налогов и натуральных повинностей, согласно дарованной им Екатериной II охранной грамотой. Получилось неизвестный нигде особенный тип — крестьян-дворян.

Олонецкая губерния, а в особенности самый северный ее уезд Повенецкий, — это царство леса, гранита и воды. Кроме вышеупомянутых озер, есть еще несколько озер средней величины: Сегозеро, Ругозеро, Водлозеро и целая масса мелких озер и рек.

В одном месте, в Повенецком уезде, если прорыть канал через перешеек, разделяющий (200 с. — 300 с.) озера «Телекино» и «Водлозеро», то получился бы водный путь, соединяющий Беломоре (Онежскую губу) с Онежским озером, а следовательно, и с Балтийским морем. Население б. Олонецкой губ. состояло в большинстве из крестьян-переселенцев из центральной России и местных жителей «Карелов»² (племя, родственное финнам). На берегу «Сегозера», где расположено село «Паданы» (быв. Богоявленской волости), была столица бывшего карельского царства; так, по крайней мере, гласит местное предание.

В Повенецком уезде, как я уже упоминал, мало пахотной земли и местное население — крестьяне — занимались, главным образом, охотой и рыболовством, работая на отхожих промыслах по лесорубкам и сплаву лесов. Как особенность можно отметить, что небольшие пашни, засеваемые яровыми хлебами, обрабатывались исключительно крестьянскими женами, мужья которых целыми деревнями с ранней весны и до поздней осени были заняты на лесозаготовках.

² Карелов (Прим. ред.).

Жены эти исполняли за них и все натуральные повинности. Пашен, как я уже говорил, было мало, и для посевов приходилось раскорчевывать специально отведенные им для этого подсечно-земельные наделы. При раскрепощении крестьянам было разрешено сколько им захочется десятин этого подсечно-земельного надела, и некоторые из деревень захватили большие площади в несколько тысяч десятин. Из этих подсеч.-зем. наделов сначала им разрешалось продавать только валежник и сухостой, но в начале этого столетия разрешена была продажа сырораствующего леса по выборочной системе (начиная от 6 вер. в диам.), и много сел и деревень, в особенности Повенецкого и Пудожского уездов, обогатились значительными капиталами (в несколько тысяч), которые хранились в государст. Крестьянском банке. Расходовать эти деньги могли по приговору сельским и волостным (землевладение было общинное). Некоторые небольшие деревушки в 10–20 дворов имели такие значительные капиталы, что одни %% с них покрывали с излишком земские, государственные налоги и выкупные платежи. Так как собственного хлеба им хватало на прокормление месяца на три, то на остальное время им приходилось покупать привозную муку и семена. Для этой цели земствами ежегодно закупались большие партии муки и зерна, которые хранились во всех земских складах при каждом волостном правлении. Из этих земских запасов при неурожае выдавались крестьянам продовольственные и семенные ссуды. Эти ссуды редко когда платились самими крестьянами. В большинстве случаев они слагались с них каким-нибудь очередным манифестом. В общем, крестьянам Олонецкой губер. и, главным образом, Повенецкого и Пудожского уездов жилось очень хорошо. Земства, состоящие исключительно из крестьян, были деятели <...> все отрасли (медицина, народ. образ., продовольств. и т. п.). Так, в 1905 году Повенецкое земство на конкурсе по нар. обр. получило золотую медаль: в уезде было 96 % грамотных мальчиков и 68 % грамотных девочек. При большинстве земских школ были общежития, где содержались на земские средства дети крестьян отдаленных деревень, где еще не было выстроено школ.

Я привел все эти данные, чтобы показать, что не всем уездным русским крестьянам жилось так плохо до революции, как это думают теперь люди, мало осведомленные с прежними порядками.

Путь от Петрозаводска до Повенца местами был очень живописен. Пароход проходил между группами небольших островов, скали-

стых и покрытых сосновыми и еловыми лесами, и напоминал отчасти финляндские шхеры. В мое время северная часть Повенецкого уезда была еще покрыта девственными непроходимыми лесами и болотами. Грандиозные 10–15-саженные сосны и ели (мачтовый лес) вплотную стояли друг возле друга и верхушками своими закрывали все небо, так что днем в таком лесу было темно. Солнечные лучи туда проникали с трудом и были нередко места, где снег не таял круглый год. Рыбы в реках и озерах было в изобилии: лососи, палии, форели, сига, щуки, окуни и т. д. ловились на «дорожки» и удочки — где угодно. Диких зверей тоже было очень много: глухари, тетерева, рябчики, выдра, куницы, белки, утки, гуси, лебеди то и дело пролетали над вами, неустрашимо сидели на верхушках и ветвях деревьев. Зайцы и лисицы все время перебежали вам дорогу; и часто слышали треск от ломающихся сучьев и перед вами появлялся сам «Михаил Иванович Топтыгин» и доносился вой волков. При мне еще бродили по лесам целые табуны лосей и оленей, охота на которых была строго воспрещена. Эта величественная природа северных девственных лесов производит сильное впечатление, но, к сожалению, она мертвая: вы не услышите здесь пения птиц — изредка только простучит дятел, прокричит филин или прокаркает ворон. На болотах растет много красивых цветов, но они запаха не имеют, зато там много ягод: морошки, куманики, черники, бузины и земляники.

На берегу реки Сегежи, впадающей с севера в Сегозеро, жил лесной объездчик, которого прозвали «Иуда сегежский». Я застал его уже стариком лет 70. В его ведении находился участок в 10 тысяч десятин. Он безвыездно прожил там 50 лет — приезжал только раза два в год в село Поданы за мукой и солью и др. предметами первой необходимости. Построенная им самим довольно обширная изба находилась в самой гуще девственных лесов: за 300 верст в окружности от него не было ни одного поселка или хутора. Он питался рыбой и дичью, которую убивал, не выходя из своей избы, через окно. Стены одной из его комнат были унизаны косточками от глухарей, убитых им в продолжение долгих лет его пребывания в этой глуши.

Описывать города Повенец я не стану, ничего в нем интересного в мое время не было. Скажу только, что это маленький захолустный городок с 1500–2000 жителей. Местные жители метко охарактеризовали его четырьмя словами: «Повенец всему свету конец». Недалеко от него находятся открытые еще при Петре Великом мраморные каменоломни,

в мое время уже запущенные. Из этого мрамора (32 образца) был сооружен Исаакиевский собор в Петербурге.

От Повенца путь наш лежал до Сумского посада (Сумы) на берегу Онежской губы Белого моря, по прозванной «петровским трактом» дороге, по которой Петр Великий в 1693 г. первый раз отправился в Архангельск.

Непреходною чащею с четырьмя тысячами войск шел он от Повенца к студеному Поморью. На переправе через реку Выг ему донесли: «Вверху по реке верст за сорок живут староверцы». «Пускай живут», — смирно ответил Петр и махнул рукой. Взмах руки решил участь общины и целого края. Спустя год раскольники получили свободу богослужения по старопечатным книгам, а еще через два — самоуправление, и с них был сложен двойной подушный налог. Центром раскола была Выговская пустынь. Во главе ее стояли братья Семен и Андрей Денисовы из рода князей Мышецких, люди далекой немецкой крови. Они оплели край сетью мастерских и школ для детей и взрослых, готовя иконописцев для своих часовен, искусных певцов и переплетчиков книг.

Выговцы прокладывали дороги, ставили постоянные дворы, строили мосты. Они плавали до Новой Земли, на Грумант, до Америки. Захватили в свои руки всё рыбное и хлебное дело, беломорские солеварни и верфи, и горные заводы на Повенце.

Выгоредкая пустынь стала рассадником и главным центром беспоповщины всей России. Река Выг впадает в Онежскую губу Белого моря и протекает через оз. Выгозеро, которое разделяет его на 2 части: верхний или южный Выг (150 в.) и нижний или северный Выг (105 в.). На нем порог «Золотец» имеет вид величественного водопада. Второе по величине озеро в Сев. области, Сегозеро, имеет около 40 в. длины и ширины (1094 кв. в.). Из него вытекает река Сегежа, впадающая в Выгозеро. К югу от Сегозера проходит Масельский кряж, служащий водоразделом между Белым морем и Онежским озером. На С.-В. берегу Сегозера, как я уже упоминал, расположен был Паданский погост (Падан), 6. Богоявленской волости. О нем упоминается еще в XVII столетии, в числе семи Лопских погостов, подчиненных Олонецкому воеводе. При Екатерине II, в 1777 г. Паданский погост был сделан уездным городом, но уже в 1782 упразднен, а вместо него возведен в уездн. город Повенец. Карелы — одно из коренных финских племен. В Олонецкой губер. их насчитывалось до 40 тысяч. Они занимают все С. и С. З.

части Повенецк. уезда, большую часть Олонецкого и С. ч. Петрозаводского у[езда]. Они сохранили свой язык, обычаи, массу преданий и сказок. Письменности у них не было. Называли себя сев. карелы «ливгийяйне», что означает быстро-говорящие, в отличие от родственных с ними «финдлийне», говорящ. протяжно. По характеру своему карелы резко отличаются от русских: они скрытны, мстительны и в семейн. своих отношен. деспотичны. Это препятствовало слиянию их с русскими.

Нам предстоял переезд верст в 300 на лошадях. Коляска прибыла вместе с нами на пароходе. При туристах остался один только лакей (chasseur), а повар был отправлен обратно в Питер. Путь этот мы проехали очень быстро в 3-ое суток с двумя ночевками. Бомпар платил по 10–15 руб. на чай ямщикам и те мчались как угорелые. Я ехал за ними вместе с повенецким исправником и наш тарантас, запряженный тройкой хороших лошадей, еле поспевал за коляской, хотя лошади неслись вскачь и мы все время принуждены были крепко держаться за поручни, чтобы при ухабах не вылететь из тарантаса. Разговаривать было невозможно. При попытках мы несколько раз прикусывали себе языки, и невольно пришлось дать обет молчания. На остановках перед ночлегами дамы наши сами приготавливали обеды на свежем воздухе на разведенных кострах. Я вспомнил свое детство, проведенное в Париже, и с большим удовольствием ел любимый французами луковый суп, который готовится только из лука, картофеля и сливочного масла. По пути мы нигде не останавливались, т. к. достопримечательностей не было, и благополучно прибыли в Сумский посад. На границе Олонецкой и Архангельской губерний у пограничного столба мы снялись группой: Бомпар носил с собою кодак.

IV

В СОЛОВЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ

В Сумском посаде туристов встретили: командированный Архангельским губернатором чиновник особых поручений барон фон Адеркас и местный исправник. Очень забавно было видеть на груди его мундира единственный знак отличия: темnobронзовую медаль, выданную

его предку Адеркасу за ополчение в 1812 году против Наполеона, которую он, почему-то, не догадался снять для встречи с представителем теперь уже дружественной нам нации. В Сумском посаде нас ожидали уже два специально приготовленных баркаса для перевозки на морской пассажирский пароход, который не заходил в Онежскую губу. На одном баркасе гребцами были шесть матросов, а на другом шесть дебелых красавиц — архангельских крестьянок. На первом разместились туристы, а на втором остальные сопровождавшие его. В последнюю минуту Бомпар пересел в наш баркас. Красавицы, как оказалось потом, все девицы, дружно с пением взялись за весла. Адеркас заявил нам, что здесь женщины лучше гребут, чем мужчины, и нам пришла в голову мысль устроить соревнование между баркасами. Бомпар обещал дать нашим девицам сто рублей, если они перегонят баркас с матросами. В свою очередь туристы посулили дать матросам вдвое больше, если они не допустят перегнать себя. Произошло настоящее спортивное состязание на скорость. С самого начала можно было заметить, что победа достанется нашим красавицам. Такой сильной, дружной и красивой гребли мне никогда не приходилось больше наблюдать, хотя мне самому приходилось раньше принимать участие в лодочных гонках. Не прошло и 20 минут, и наш баркас не только поравнялся с первым, но легко перегнал его, несмотря на все усилия матросов, которые буквально лезли вон из кожи. Победа была встречена дружными аплодисментами, а Бомпар дал нашим девицам вместо обещанных ста руб. — двести руб. Между прочим, укажу на одну бытовую особенность здешних крестьян. Местная крестьянская молодежь охотнее женилась на девицах, имевших уже ребенка, и чем активнее они проявили себя в этом отношении, тем больше у них являлось претендентов в мужья.

До парохода нужно было проплыть верст 60 на баркасах. Пароход стоял под всеми парами и ожидал прибытия высокопоставленных туристов. Как только он принял на свой борт посла, сейчас же на вымпеле поднялся французский флаг, и все встречные пароходы салютовали его поднятием и опусканием своих флагов. Погода была чудная, тихая — и зеркальная поверхность моря была спокойна. Изредка только то там, то здесь появлялись на ее поверхности головы акул, тюленей, моржей или нерп, но сейчас же, при приближении парохода, они исчезали. Пароход шел из Мурмана в Архангельск, с заходом в Соловки. Он был переполнен богомольцами различных рангов и состояний, но большин-

ство состояло из крестьян и рабочего люда, давших обет проработать в монастыре год бесплатно. Их набралось там от 800–1000 человек и назывались они «трудниками».

Соловецкий ставропигиальный (подчиненный только Синоду) монастырь был расположен на юго-запад. берегу самого большого из Соловецких островов при глубоко врезавшейся и прикрытой от всех ветров бухте и гавани «Благополучия», на перешейке между этой бухтой и «Святым озером». Монастырь был окружен стеной, которую начали класть в 1584 году, и над которою трудились монахи и крестьяне 12 лет. Стена сложена из громадных камней дикого булыжника и гранитных глыб в виде неправильного 5-угольника. Окружность ее 510 саж. (периметр), высота 5–6 саж., ширина в 3 саж. На стене 8 громадных башен. В амбразурах некоторых башен стояли старинные пушки. В стене 7 ворот, из них главные «Святые», выходящие на набережную бухты, над ними была церковь «Благовещения». Всех церквей внутри стен было 9. Из них главным был «Троицкий собор», где находились в серебряных раках мощи основателей монастыря преподобных «Зосима» и «Савватия». Под церковью «Николая чудотворца» была монастырская ризница, в которой было много драгоценностей и хранились палаш Михаила Скопина и сабля князя Пожарского. Главная колокольная имела 28 саж. высоты с 35-ю колоколами, из которых в одном было 1100 пуд. весу. Под другой колокольной, «Царской», была сложена пирамида из бомб и ядер, которыми англичане в 1854 г. обстреливали монастырь. Всех построек было 17, и в их числе тюрьма, в которой некогда содержались сосланные в монастырь лица. На юг от м[онасты]ря имелся док для починки и сушки судов. При монастыре были заводы: салотопенный, свечной, гончарный, кирпичный, лесопильный и кожевенный. В последнем очень искусно выделывались кожи тюленей и, в особенности, нерп.

Была мукомольная мельница и мастерские: серебряных дел, малярная, столярная, слесарная, переплетная, корзинная, санная, экипажная, сапожная, портняжная и обширная кузница, литейное и механическое заведения. Прекрасно было устроено водоснабжение, начало которого было положено еще в 1561 году, и соединявшее «Святое озеро» посредством каналов с 70 маленьких озер. Монашествующих было 230 человек, в том числе 45 иеромонахов, и 60 дьяконов. При монастыре была больница — 1 врач и 4 фельдшера. Монастырь имел несколько

собственных судов и баржей и 4 парохода. На ферме было 200 коров «холмогорок», 100 лошадей и до 200 овец. Ежегодно посещали монастырь от 10 до 12 тысяч богомольцев, которых монахи, как говорится, «обирали дочиста». Нужно заметить, что Соловецкий монастырь давно уже служил местом ссылки всех провинившихся в чем-либо монахов и попов, из них, главным образом, сюда посылались алкоголики «для исправления». Настоятель выбирался монахами из своей среды — пожизненно — и был наделен правами епископа. В наш приезд настоятелем его был архимандрит «Иероним» — простой, малообразованный, но замечательно умный, энергичный и деятельный монах, обладавший при этом огромной силой воли. Он держал все это «полчище» далеко не дисциплинированных попов и монахов в «ежовых рукавицах». Его недолюбливала «братия», но очень боялась. За неповиновение и, в особенности, за пьянство он налагал строгие взыскания, вплоть до высылки на соседний маленький остров, где был выстроен небольшой скит на горе «Голгофа», — на хлеб и на воду. Но самое ужасное наказание заключалось в том, что на этом острове были миллионы каких-то особенно больших комаров, которые жалили немилосердно, особенно свежеприбывших туда людей.

Нам отвели каждому отдельную келью в монастырской гостинице, недавно выстроенной на берегу бухты, недалеко от главных ворот. В день приезда мы были все приглашены на трапезу в покои настоятеля. Кстати, здесь только в июне и июле месяцах происходит массовая ловля трески (из печени которой готовится известный всем «рыбий жир»). Это настолько нежная рыба, что если пролежит летом без воды 2–3 часа, то уже начинает портиться. Ее погружали в большие баржи уже не в первой свежести, и тут же ходившие по ней босиком рабочие посыпали ее солью. По приспособленным к баржам желобам стекала с них коричневая жижица, отвратительный запах которой отравлял далеко окрестности. Проходя мимо, нужно было затыкать нос, чтобы не стошнило.

На трапезе кроме нас присутствовал только один иеромонах, отец ключарь «Василий», почтенный старец лет 60. На столе стоял графин водки и несколько бутылок портвейна и мადеры, не первоклассной, но, в общем, недурной. Отец ключарь, очевидно, был не совсем равнодушен к спиртным напиткам и старался как можно чаще прикладываться к рюмочке, и переходил от одного сорта вина к другому только после

грозного окрика настоятеля: «Отец Василий, довольно!» Сам настоятель пил только квас.

Обед был постный, но довольно обильный и недурно приготовленный. После жирной, вкусной ухи нам подали жареную треску. Я сначала не решался пробовать ее, боясь, что не буду в состоянии проглотить взятый в рот кусок и опасаясь нежелательных последствий в присутствии столь почтенной публики. Но сидевший рядом со мною Бомпар, заметив мое колебание, убедил меня решиться на этот рискованный шаг. Оказалось, что свежепойманная треска эта содержалась, вплоть до самого обеда, в особом садке и была очень вкусна. Бомпар сообщил мне, что треска (Mogue) ловится и у них на юге Франции в Средиземном море. В свежем виде ее можно иметь только в местах ее ловли, т. к. она не переносит перевозки даже в вагонах-ледниках.

Последующие обеды мы должны были «вкусать» в общей монашеской трапезной, где ели все иеромонахи во главе с своим настоятелем. В обширной комнате стоял большой стол в виде «покая» (буквы П). В центре стола под иконами стояло кресло настоятеля. Напротив него отвели нам места... Иеромонахи пропели хором передтрапезные молитвы, архимандрит благословил всех нас и позвонил [в] небольшой медный колокол, висевший у стены за его спиной. Моментально растворились противоположные двери и в трапезную, буквально, вбежало 20 послушников попарно, неся больше миски со «снедью». Каждая миска предназначалась на 4-х человек и для туристов, в этом отношении, исключение не сделали. Разумеется, есть из одной миски с сидевшими против нас далеко не опрятными монахами было незаманчиво, и наша компания показывала только вид, что ест, чтобы не обидеть настоятеля. По звонку послушники также быстро уносили порожнюю посуду и приносили, в том же порядке, следующие блюда. Обед оказался необильным и очень неважно приготовленным. После обеда иеромонахи пропели хором послетрапезные молитвы, и, напутствованные благословением архимандрита, но, увы, голодные, мы возвратились в гостиницу. Перспектива ежедневно проделывать эти желудочные эксперименты нам не улыбалась. Провизии своей у нас собою не было, и купить таковую нигде нельзя было. Оставалось попросить настоятеля снабдить нас провизией и, в виде исключения, мясной, из которой мы сами будем готовить себе кушанье. Делегированный с этой миссией Адеркас, возвратившись, торжественно объявил нам, «что его Высокопреподобие благословляет нас

«коровой и бараном». Разумеется, большая часть этой лакомой «снеди» попала в желудки иеромонахов, которых потом монастырский доктор лечил усиленными дозами «*Oleum ricini*». По приглашению настоятеля мы все отправились в воскресный день на богослужение в «Троицкий собор». Службы в монастырях, как известно, продолжаются очень долго, особенно архиерейские, а здешний настоятель служил на правах епископа. Для того чтобы «почетные» богомольцы не очень утомились, для них поставили в соборе стулья. Я стоял около Бомпара и предупреждал его, когда по ходу богослужения следовало вставать. Как я уже упоминал, французы были очень любознательные, и каждую минуту обращались ко мне за разъяснением деталей богослужения. К сожалению, я многое забыл из того, что, впрочем, не особенно усердно изучал в гимназии — в этой отрасли. Рядом со мною стоял Адеркас, но он, как лютеранин, знал еще меньше, чем я. Иногда нас выручал стоящий за Адеркасом исправник, но в затруднительных случаях приходилось прибегать к помощи прикомандированного к нам иеромонаха. Тогда нужные сведения передавались от одного к другому по «живому телефону». Получалась довольно курьезная сценка, которую, разумеется, заметили наши туристы. Но Бомпар утешал меня откровенным признанием, что он сам очень плохо разбирается в ихних католических богослужениях.

Последующие дни мы посвятили осмотру всех достопримечательностей монастыря — его заводов, мастерских и т. д. Между прочим, нас возили на остров, где был скит «Голгофа». Несмотря на то, что все мы были «забронированы» головными густыми сетками, нас комары жалили немилосердно даже сквозь лайковые перчатки. По выражению Хлестакова, «они кусались, как собаки». Дамы наши все время «канканировали», т. к. комары забирались к ним под юбки. Мы недолго любовались красотами этого живописного острова и поспешили удалиться, пока еще живы и были в состоянии двигаться. Другой раз нас возили на остров, где помещалась молочная ферма. Не скажу, что она содержалась хорошо. Рослые, чуждые холмогорские коровы стояли в грязных стойлах. Ясно было, что настоятель редко посещал ферму, т. к. в других заведениях царили образцовые чистота и порядок. Но самое замечательное была — это дамба, соединяющая главный остров с ним. Протяженностью более 300 сажень и шириною сажень в 5, она была сооружена из громадных камней дикого булыжника и гранитных глыб (как и стена), и над ней несколько лет трудились тысячи «трудников». Это поистине

титаническое сооружение не имело себе подобных в целом мире, т. к. глубина Белого моря в этом месте достигала 6 сажений.

Не могу не упомянуть об одном еще курьезе: наши туристы были одеты в штатское платье и один только «chasseur» был облачен в красивую посольскую ливрею. Все монахи принимали его за посла или, по крайней мере, за губернатора и осаждали просьбами и кляузными жалобами на строгого настоятеля. Все его уверения, что он только лакей, не приводили ни к чему. Бомпара очень забавляли эти сценки, и он просил нас поддерживать уверенность монахов, что их жалобы попали в надежные руки.

Нам приходилось также принимать участие в пробной поездке новопостроенного монастырского парохода. На нем я познакомился с монастырским врачом, носившим, по монастырским правилам, монашескую рясу. Он, между прочим, рассказал мне, что здешние монахи и попы больше всего болеют от пьянства и обжорства, и что самыми радикальными средствами от этих недугов были: *Oleum ricini* и скит «Голгофа». Пьянство принимало огромные размеры во время приходов частных пароходов, закупавших в монастыре различные его изделия. За бутылку водки монахи тайком тащили на пароход всё что могли из монастыря, в особенности, великолепно выделанные кожи тюленей и нерп.

В Соловках мы пробыли ровно неделю, и на прощание настоятель подарил туристам различные изделия из нерповых кож. Нас он одарил: иконами чудотворцев и книгами с тиснением Соловецкого монастыря. Кроме того, он, по просьбе Бомпара, дал ему на память свою фотографическую карточку, которую я впоследствии видал на письменном столе в кабинете у Бомпара в посольстве. Этот, бесспорно, выдающийся монах произвел сильное впечатление на наших туристов, и они на прощание все, даже дамы, поцеловали у него руку. Бомпар сознался, что это случилось с ним в первый раз в жизни, и что он, вопреки церемониалу, даже у Папы Римского не прикладывался к его туфле (где были защиты частички мощей).

Из Соловецкого монастыря мы на пассажирском пароходе проследовали в гор. Архангельск. Совершенно упустил из виду рассказать еще об одной особенности Соловецкого монастыря. Внутри ограды на крышах зданий и во дворе летают и скачут по земле тысячи чаек. Они почти ручные и не боятся людей. Их кормят монахи и богомольцы.

Настоятель Соловецкого монастыря был блестящим администратором и хозяйственником, но в остальных отношениях монастырь его мало чем отличался от всех наших русских обителей. Он не мог или не хотел понять, что эксплуатация невежественных и некультурных «трудников» и обдирание несчастных богомольцев — дело нехристианское и недостойно высокого звания пастырей церкви. Ничего здесь не далось даром: за каждую панихиду или молебен взималась довольно крупная мзда, так, когда я захотел отслужить панихиду по умершей своей матери, то мне заявили, что панихиды стоят от 1 р. до 5 руб. Эта торговля панихидами возмутила меня, и я заявил монаху: «Отслужите панихиду на 1 руб., а я помолюсь на 5 руб.».

V

В АРХАНГЕЛЬСКЕ

В описываемое мною время на Белом море курсировало более 300 русских купеческих судов, совершавших дальнейшее плавание. По историческим данным, постройка судов на Белом море идет от начала плавания на этом море соловецких монахов — с 1440 г. В 1540 г. монахи имели уже свои верфи.

Архангельск расположен у мыса «Пур-Наволок» на правом берегу близ устья Северной Двины. Жителей в нем тогда было около 18 тысяч. Основан он был царем Федором Иоанновичем в 1584 г. Сначала на пустынном берегу С. Двины был только один монастырь. А монахи были умерщвлены норвежцами и сожженный монастырь с трудом снова воздвигли. В 1559 г. англичане, разыскивая путь в Китай через Ледовитый океан, послали 3 корабля в Мурман, один из которых был занесен к устью С. Двины. Можно сказать с уверенностью, что во время прибытия англичан уже существовал поселок при этом монастыре. С этого времени и началась торговля с странами Западной Европы.

Когда наш пароход с французским флагом на вымпеле подходил к гавани, то все стоящие тут русские и иностранные суда и пароходы салютовали его. Посол остановился у французского консула, а я у барона Адеркаса. Туристы пробыли в Архангельске только несколько дней,

во время которых был раут у губернатора и у французского и английского консулов. Из Архангельска Бомпар прямо поехал в Петербург, нигде не останавливаясь, и я распростился с этими любезными и милыми французами, как со старыми, хорошими знакомыми. Бомпары взяли с меня слово, что при посещениях моих Петербурга, я обязательно должен заходить к ним в Посольство. Я остался еще на несколько дней, чтобы поближе познакомиться с Архангельском.

В Архангельской губ., так же, как и в Олонецкой, не было местного дворянства, и все земли и леса принадлежали М. З. и Г. И., уделам и крестьянам. Местное население, в большинстве, было русское: потомки новгородцев — люди деятельные и предприимчивые, и отчасти состояло из инородцев — «заводская чужь» — финского племени, жившего здесь еще до прихода русских и, постепенно, смешавшегося с русским населением. Хлебопашество здесь, в особенности в северных уездах, было развито очень слабо. Рыбные и звериные промыслы играли здесь видную роль.

Из зданий в Архангельске заслуживают внимания старинное, бывшее при Федоре Иоанновиче монетным двором, а потом превращенное в таможню, Соломантский(?) собор и кафедральный, один из самых светлых и красивых тогда соборов в России.

Недалеко от собора находился домик Петра Великого, перевезенный сюда из Ново-Двинской крепости. Город разделялся на русскую и немецкую стороны. Торговля, главным образом, находилась в руках немцев.

VI ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путевые заметки свои я закончил, но мне хочется еще рассказать кое-что о любезности и гостеприимстве посла Бомпар. Согласно данному мною обещанию, я в первую же мою поездку в Питер отправился навестить их. Французское посольство находилось на Французской набережной «Невы». Снаружи это было довольно красивое, стильное здание, но внутри было отделано с чисто царскою роскошью. Бомпар

занимал бель-этаж, и в его квартире было несколько гостиных и большой зал, где проходили балы и рауты. Каждая комната была меблирована в каком-нибудь, строго выдержанном стиле: Ренессанс, Помпадур, Людовика XIV, Модерн и т. д. Полы всех комнат (кроме зала) были сплошь засланы дорогими восточными коврами, в которых тонула нога. А на стенах висели картины (подлинники) известных французских мастеров того века, в стиле которого была убрана комната. В двух комнатах висели по стенам огромные гобелены (6×5 мет.). Каждый из них оценивался в 200 тысяч фр. В гостиной, убранной в стиле Людовика XIV, стояли кресла того времени, привезенные из парижского «Версаля» (дворца Бурбонов). Каждое из таких кресел представляло антикварную редкость и оценивалось в несколько тысяч рублей. В одной из гостиных, на століке, была статуя, изображающая Екатерину II на троне в мантии, короне и со скипетром и державою в руках. Она была из слоновой кости и принадлежала резцу известного французского скульптора XVIII века. Стоила она тогда баснословных денег.

Когда я вошел в вестибюль посольства, меня встретил знакомый *chasseur* и предложил пройти в приемную. Там ждало уже несколько человек; в том числе: один из товарищей министра, два каких-то генерала и ксендз прелат в белой рясе.

Рассчитывая, что мне придется довольно долго ждать своей очереди, я занялся рассматриванием французских иллюстрированных журналов, но не прошло и 10 минут, как дверь из кабинета открылась, и появился мой знакомый *chasseur* и громогласно заявил, что г-н посол просит меня пожаловать к нему в кабинет. Нужно было видеть изумленные и недовольные лица присутствовавших «вельмож», когда я, по правде сказать, немного смущенный такой неожиданностью, но с сохранением собственного достоинства, прошел в кабинет посла. Он встретил меня радостным возгласом и мы, как старые друзья, даже расцеловались: он объявил, что оставляет меня у себя завтракать, и провел в апартаменты Madame Бомпар. Милая и очаровательная хозяйка приняла меня крайне радушно, и мы стали вспоминать с нею нашу поездку со всеми ее приключениями. Ровно в 12 часов пришел посол и привел с собою тов. министра, одного из генералов и прелата. Он познакомил нас и отрекомендовал меня как своего хорошего знакомого и милого спутника по поездке, о которой он всегда вспоминает с огромным удовольствием. Когда появился «мажордом» и объявил, что завтрак подан,

Бомпар, ко всеобщему изумлению, обратился ко мне: «Offrez m-sieur votre bras a Madame!» Привилегия вести хозяйку под руку к обеду или завтраку по придворному и аристократическому этикетам принадлежала всегда самому почетному гостю. На больших дворцовых балах, когда присутствовали представители всех дипломатических корпусов с их женами, М-ме Бомпар была всегда самой почетной дамой и ее вел к столу сам царь. И вдруг мне, маленькому чиновнику, выпала такая честь. Но я привык уже к разного рода неожиданностям и, ничуть не смутившись, приступил к исполнению роли, наверное, одной из любимых, — Николая II.

Однако я сразу понял, что тут нужна известная сноровка, и что мои спортивные способности едва ли меня выручат в этом деле. Предстоял переход через небольшой зал, сильно выложенный воском. Я надел только что купленные балльные лакированные ботинки и чувствовал, что почва у меня ускользает из-под ног. Боясь поскользнуться и при падении увлечь за собою и свою даму, я напрягал все свои усилия, чтобы сохранить равновесие, и с большим трудом довел свою милую спутницу. Мне и за завтраком было предоставлено самое почетное место: по правую руку г-жи Бомпар. За стулом каждого гостя стояло по лакею и, если вы, случайно, клали на свою тарелку нож и вилку, то она моментально исчезала. Соседка моя вела со мною во время завтрака оживленную беседу, и, чтобы отвечать ей, мне приходилось приостанавливать еду, и я машинально клал ножик и вилку на тарелку, благодаря чему лишался самых лакомых кусков, очень вкусно приготовленных блюд. Потом я сообразил, как избегать этих неприятностей, и клал на тарелку один только нож и вилку. После завтрака Бомпар пригласил мужчин к себе в кабинет, где было подано черное кофе, ликеры и сигары. В кабинете его я увидел великолепную шкуру белого медведя, купленную им в Архангельске, и упомянутую фотографию настоятеля Соловков. После этого я несколько раз завтракал и обедал у Бомпара, и в последний раз, уже будучи женатым, с женою своею. Недолго спустя Бомпар был переведен послом в Константинополь, а граф Кавелье де Кювервиль погиб в Порт-Артуре при взятии его японцами в 1904 г.

Н. ВОЛКОВ

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ОМСКА
(1919 год)

ЭПИЗОД

г. Ставрополь

1934 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В российской исторической науке одним из «традиционно актуальных» направлений для изучения является Гражданская война. При этом, наряду с публикацией аналитических работ, начиная еще с 1920-х гг. усилиями исследователей определенный массив источников постоянно вводится в научный оборот путем научной публикации. Одновременно с этим произошедший антропологический поворот в исторической науке поставил во главу угла личность человека, его судьбу, деятельность, взгляды. Именно с междисциплинарных военно-антропологических позиций современные исследователи все чаще рассматривают процессы наиболее сложного и неоднозначного для отечественной истории военно-революционного периода 1917–1922 гг. (Алексеева, Журавлев, Сушко; Анфертьев; Бажуков; Гладышев; Сеньявская). Как следствие, в рамках набирающей обороты «археографической тенденции» историками в наши дни публикуется большое число различных эго-документов. При этом все чаще история первой четверти XX в. предстает сквозь видение «маленького человека» — рядового участника событий. Отметим, что подобные публикации важны в деле разоблачения исторических мифов о Гражданской войне, имеющих место сегодня в массовом сознании.

Предваряя публикацию источника, стоит хотя бы обзорно остановиться на личности мемуариста, чей жизненный путь, по нашему мнению, бесспорно достоин отдельного освещения. Николай Николаевич Волков родился 21 июня 1872 г. в Киеве. Был третьим ребенком в семье присяжного поверенного. Начальное образование получил в Киеве во 2-й мужской и 4-й Печерской гимназиях. Не окончив обучения, стал вольнослушателем юридического факультета Киевского университета. В 1896 г., будучи на 3-м курсе, активно участвовал в студенческих забастовках, после чего вынужденно прервал обучение. В 1899 г. поступил на государственную службу в Петрозаводске, став чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. В 1903 г. Николай Николаевич женился на Галине Павловне Поповой, приехавшей в Петрозаводск по окончании в Петербурге Института благородных девиц. В этот же год чиновник Волков получил должность мирового судьи в городе Повенец, где и родились его дети: дочь Ольга и сын Юрий. До 1908 г.

занимал пост земского начальника в Повенецком уезде. Имел чин титулярного советника.

В 1903 г. Н. Н. Волков сопровождал в качестве переводчика французского посла М. Бомпара в период его путешествия по Карелии, Белому морю и на Соловки. Усердие российского чиновника было отмечено французским орденом Почетного Легиона 4-й степени.

В 1908–1911 гг. Николай Николаевич живет в Санкт-Петербурге, работая на железной дороге в службе сборов. Затем Волковы переезжают в Варшаву, где глава семьи продолжал свою деятельность контролером-ревизором поездов. В 1913 г. Николай Николаевич получил назначение делопроизводителем на новую, только что открывшуюся Омскую железную дорогу. Впоследствии получил там должность начальника отделения расчета акцептации с дорогами.

В июле 1919 г. по мобилизации был переведен служащим в Главное Управление Красного Креста на должность заведующего отделом формирований (госпиталей и санитарных отрядов). Отступив из Омска до Тайги, с 1921 г. Николай Николаевич стал советским служащим, занимая скромные должности в Томске и Щегловске-Кемерово; параллельно глава семьи на дому преподавал языки и математику. В 1932 г. семья Волковых переехала в Ворошиловск (ныне Ставрополь), где наш герой до конца своих дней в частном порядке продолжал преподавать.

В последние пять лет жизни наш герой имел проблемы со здоровьем, но именно в этот период он много писал. В частности, в 1934 г. он подготовил публикуемую рукопись. Ее важной особенностью является то, что выдержанная с годами рефлексия мемуариста имеет неоднократную отсылку к уже тиражированным на тот момент в СССР воспоминаниям военных деятелей антибольшевистского движения — А. П. Будберга, Г. К. Гинса, К. И. Гоппера, К. В. Сахарова. По нашему предположению, Н. Н. Волков цитировал вышедшее в 1927 г. издание «Гражданская война в Сибири и в Северной области», где опубликованы записки упомянутых белоэмигрантов. Однако свидетельства Н. Н. Волкова, несмотря на его весьма скромную относительно белого движения должность, выглядят не менее колоритными по части отдельных приводимых описаний и характеристик.

Советской властью Н. Н. Волков трижды подвергался политическому преследованию. В Омске в апреле 1918 г. он был под

следствием, но дело в итоге прекратили (ГИАОО. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 10). В Томске в 1924 г. за неосторожные высказывания Николай Николаевич провел 3 года в исправительно-трудовом доме. 28 июля 1937 г. Н. Н. Волков после обыска в своем доме был арестован сотрудниками Ворошиловского районного отдела НКВД. Причиной ареста (по доносу) стали высказывания задержанного об уничтожении лучших людей общества в ходе репрессий. Обвинения не признал. Тройкой НКВД по Орджоникидзевскому краю 12 августа 1937 г. Волков Николай Николаевич был приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 22 августа 1937 г. в Ворошиловске. Посмертно реабилитирован.

Отметим важную биографическую деталь. Сын Н. Н. Волкова Юрий был женат на Наталье Николаевне Артамоновой — дочери генерал-майора Николая Николаевича Артамонова (1872–1937), впоследствии военспеца РККА и советского служащего, ставшего, как и Н. Н. Волков, жертвой массовых политических репрессий.

Публикуемая нами рукопись была создана в 1934 г. (через 15 лет после событий, описываемых мемуаристом). Текст носит откровенный характер, предполагающий по тону и стилистике обнародование в далеком будущем.

Документ приводится по оригиналу (чернильная рукопись). Компьютерный набор осуществлен правнучкой мемуариста Н. Е. Колчановой, в чьем личном архиве хранится подлинник. Текст источника дан в соответствии с современными правилами литературного русского языка с условием сохранения стилистических особенностей мемуарной рукописи. Очевидные орфографические и пунктуационные ошибки автографа, не несущие явной смысловой нагрузки, по умолчанию исправлены при подготовке текста к публикации. Название работе было дано ее публикатором.

Дмитрий Петин

Автор выражает большую благодарность правнучке мемуариста Наталье Евгеньевне Колчановой за посильную помощь при подготовке данной работы.

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ОМСКА. ЭПИЗОД

«В жизни каждого человека есть дни, которые следовало бы записать. Это такие “дни”, которые могут представлять интерес не для него одного, а и для других».

В. Шульгин («Дни»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к изложению виденного и пережитого мною зимою 1919 г., я имею в виду не описание в целом этой прискорбной эвакуации, т. к. едва ли это может сделать самостоятельно один из ее очевидцев, а только к описанию отдельного эпизода из него, в котором я непосредственно принимал участие. Но по нему можно заключить, что ни о какой планомерности там не могло быть и речи, что это было беспорядочное постыдное бегство, а не регулярное отступление войск, которых, при известных условиях, было бы вполне достаточно, чтобы не только задержать наступление красных войск, но и чтоб опрокинуть их. О колчаковском правительстве и о нем самом многое уже написано, и я коснусь их постольку, поскольку они будут иметь отношение к моему рассказу. Не хочу напрасно тревожить праха этого несчастного адмирала, который, по какому-то недоразумению, очутился в роли бутафорского «правителя». Я только намерен, как выразился В. В. Шульгин в предисловии к «Дням», записать те дни из моей жизни, которые, полагаю, могут представлять интерес не только для меня одного, но и для других. Может быть, и будущий правдивый историк почерпнет из этого очерка что-нибудь для себя полезное, посмотрит и оценит происшедшие тогда факты не с узкой точки зрения заинтересованных в них генералов-мемуаристов, а с беспристрастной — очевидца, не заинтересованного в искажении фактов и в оправдании и обелении своей деятельности, как [свойственно] этим позорно бежавшим «героям», стремящимся теперь реабилитировать себя в глазах эмиграции и ино-

странцев. Нам, очевидцам их «доблести и патриотизма», они очков не вотрут, и, сваливая вину друг на друга, они только больше разоблачают всю ту грязь и пошлость, в которой завязли. Но подрастающему поколению не мешает знать правду, чтобы не увлекаться подобными «героями» и не верить им. В этот очерк мне пришлось поместить некоторые подробности, имеющие чисто семейный характер, но избежать которых я, к сожалению, не мог, т. к. без них рассказ был бы не совсем ясен и общая картина царившей тогда разрухи не полна.

ДО ЭВАКУАЦИИ. ФОРМИРОВАНИЕ САНИТАР[НЫХ] ОБОЗОВ

В июле 1919 г. по распоряжению Верховного правителя Колчака я был мобилизован и переведен из Управления Омской жел[езной] дор[оги], где я занимал должность начальника отделения Службы сборов, в распоряжение врем[енного] Главного Управления Красного Креста. Здесь я был назначен зав[едующим] отделом формирований. С первых же шагов своей новой деятельности я увидел, что в этой области почти ничего не было еще предпринято: не было ни одного санитарного обоза, ни мало-мальски сносного санитарного поезда, что в больницах и госпиталях Кр[асного] Кр[еста], где находилась масса раненых и больных, ощущалась острая нужда в медикаментах и белье и т. п. Вот, что пишет барон Будберг (военный министр Колчаковского правительства) в своем дневнике от 20 августа 1919 г.: «Недалеко от штаба (третьей армии генерала Сахарова — примеч. Н. Н. Волкова) расположен полевой госпиталь, находящийся в самом ужасном состоянии: больные и раненые валяются в пакгаузах, стоящих среди луж зеленой жижи, которые все время пополняются производимыми тут же естественными надобностями больных, половина из которых — тифозные. Раненые валяются на грязных и колючих досках, без всякой подстилки. Единственный на весь госпиталь доктор и две сестры милосердия сбились с ног от непосильной работы. Вместо чаю дают какую-то жидкую грязь, хлеб черствый, зато рядом, в штабе, помещается санитар-инспектор с порядочным штатом докторов и фельдшеров, пишущих на машинках».

Нужно было немедленно браться за исправление этих недочетов. Но вот тут-то я и столкнулся впервые с почти непреодолимыми препятствиями. Для формирования санитарных обозов нужны были лошади, повозки, упряжь и т. д., а их ни на рынке, ни где в окрестных селениях не было, т. к. все это было уже давно реквизировано военными властями для нужд армии. Пришлось выписывать лошадей за много сотен верст из-под Барнаула и Бийска, что страшно тормозило дело. Больные и раненые с фронта перевозились в неочищенных от грязи товарных вагонах из-под скота, а получить классные вагоны для санитарных поездов не было никакой возможности. В распоряжении Управ[ления] Омской жел[езной] дор[оги] не было свободного подвижного состава, в то время как сотни вагонов были заняты под квартиры старших служащих с их семьями. На одних только подъездных путях городской ветки у самого здания Упр[авления] жел[езной] дороги, где помещалась и ставка Верховного правителя, стояло около сотни вагонов I и II классов, где помещались ком[андные] составы армий, состоящие из «героев тыла» и пристроившихся на теплых и безопасных местечках. Они наводняли министерства, штабы и разросшуюся до невероятных размеров Ставку. Главная их деятельность заключалась в оборудовании всевозможных темных делишек, спекуляции, пьянстве и разврате. На фронт попадали главным образом, младший ком[андный] состав (подпоручики и прапорщики) так называемых ускоренных выпусков и те из сред[него] ком[андного] состава (штаб-офицеры), которые не имели протекции. Французские офицеры, инструктора по артиллерийской стрельбе, обучавшие их обращению с новыми полученными из-за границы орудиями и пулеметами, жаловались на их невежество и неграмотность в военном искусстве. И таким командирам вверялась участь не только взводов, рот, батарей, но часто целых полков и дивизионов.

Как я потом неоднократно убеждался, вокруг несчастного [Верховного] правителя собралась целая банда авантюристов, эксплуатировавших и обманывавших этого безупречно честного и порядочного, но слишком доверчивого человека, не обладавшего, к тому же, нужными административными способностями и не умевшего подбирать себе достойных сотрудников. Я несколько раз пытался добиться освобождения хотя бы нескольких десятков этих занятых под квартиры вагонов для устройства санитарных поездов, но, увы, всегда безуспешно. Меня даже не допускали к Колчаку, а все мои протесты, рапорты и докладные за-

писки оставались «гласом вопиющего в пустыне». Вот что пишет барон Будберг в своем дневнике от 13 августа [1919 г.]: «Несчастный, слепой, безвольный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которым распоряжается вся эта компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился. В армии — развал; в ставке — безграмотность и безголовие, в правительстве — нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе — паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы-авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом?».

Госпиталя Кр[асного] Кр[еста] страшно нуждались в белье для больных и раненых, а нигде нельзя было приобрести его в достаточном количестве, т. к. едва появлялось в продаже где-нибудь значительная партия его, как ее реквизировали военные и санитарные ведомства, и оно, не достигая цели, моментально разбазаривалось спекулировавшими главами ведомств и их помощниками. Омское «именитое купечество», боясь за свою «мошну», старательно прятало имевшиеся у них в изобилии всевозможные товары, приберегая их до удобного случая, когда можно будет продать их по баснословным ценам. Эти жадные и подлые Плюшкины вполне заслужили те жестокие репрессивные меры, которые применены к ним советскою властью, чтобы заставить их отдать нажитые ими спекуляциями и мошенничеством миллионы. Совершенно правильно утверждают, что слова «родина», «патриотизм» и т. п. — пустой звук для русского человека. Не говоря уже о стомиллионном невежественном и некультурном крестьянстве, девиз которого: «моя хата с краю, ничего не знаю», но и среднебуржуазные классы и высшая аристократия и дворянство, все, за редкими исключениями, забыли и перестали давно заботиться «о любви к отечеству и народной гордости», о которых так торжественно ратовал Карамзин. Те порывы, быть может, искреннего энтузиазма, проявляемые русской толпой в часы тяжелых испытаний и переживаний, тот необузданный восторг, овладевавший ею в минуты торжества, ни в коем случае нельзя принимать за проявление его патриотизма.

Тут действовали другие факторы: главным образом, слепое подчинение своим вожакам, за которыми, как стадо овец за бараном, неслась толпа, не отдавая себе ясного отчета, куда и зачем ее ведут! Ее также легко можно заставить пойти по пути краж, грабежей и убийств, как на

подвиги доблести и героизма. Под влиянием того же стадного начала шли русские солдаты, совершая иногда чудеса храбрости и самопожертвования. Разве чувства патриотизма, а тем более, альтруизма (любви ко всему человечеству) руководило русскими солдатами и офицерами, когда они под предводительством Суворова шли спасать какую-то неведомую им Италию — разумеется, нет, — они шли за обожаемым ими полководцем, слепо повинаясь ему. И он мог повести их, куда и зачем угодно. А в Отечественную войну 1812 г., разве из чувства патриотизма горожане и крестьяне сжигали свое имущество и насиженные гнезда, убегая от наступающего грозного врага. Тут просыпалось в них чувство самосохранения, а часто их просто выгоняли отступающие русские войска, сами поджигая дома и запасы, чтобы ими не воспользовались «полчища Наполеона». А когда эти полчища стали в беспорядке отступать, полурядетые и голодные, не чувство ли мести и жажда наживы влекла крестьян совершать «геройские подвиги», нападая на почти безоружных и замерзших людей. Не то же самое ли чувство руководило войсками Деникина, Врангеля, Краснова и tutti quanti отрядами Шкуро, бандами Махно и другими партизанскими отрядами, когда они грабили мирных жителей, одни под флагом «единой и неделимой», другие под лозунгом «спасения свобод, независимости и революции»? Не спору, были отдельные личности, сознательно отдававшие жизнь свою за честь и родину, но ведь исключения только подтверждают правила. И иногда и эти истинные героические поступки были следствием не патриотизма, а проявлением необузданной широты русской натуры — удали. Оглянитесь немного назад и припомните, что происходило в годы мировой войны во Франции, Бельгии, Германии и т. д. Там весь народ, как один человек, стали на защиту своих родин. Были забыты все политические и классовые разногласия и вражда. Социалисты, буржуазия и аристократия слились в одном общем порыве любви к своему отечеству. Все способные хоть отчасти носить оружие стремились на фронт. Считалось позором, преступлением уклоняться от военной службы.

А у нас? Кто только мог, начиная от высшей аристократии и кончая серым мужичком и рабочим, все старались «окопаться в тылу», где-нибудь занять теплое, доходное, а главное, безопасное местечко. И это во время самых критических минут, когда решалась участь родины, и на карту были поставлены благополучие, честь и слава ее. После всех тех событий, которые мы наблюдали в мировую и гражданские войны, мож-

но ли сомневаться в отсутствии патриотизма у русских людей. Русский человек даже не интернационалист — он совершенно индифферентно относится ко всем народностям и ко всему, что не касается его лично и «его рубашки». Это материалист, собственник до мозга костей. На первый взгляд он кажется добродушным и отзывчивым, но достаточно, чтобы коснулись его личного благосостояния, как в нем просыпается зверь, готовый растерзать вас при первой попытке вашей коснуться его собственности. Разве можно говорить о «любви к отечеству и народной гордости» таких дикарей, когда в них нет даже примитивных понятий о личном достоинстве и чести. Из страха лишиться материальных благ они готовы на все: раболепство, унижение, обман, даже преступление. Недаром же с восторгом подхватили брошенный им преступный лозунг «грабь награбленное». Мне, как русскому человеку, было страшно обидно и больно прийти к такому грустному заключению. Я всю жизнь любил Россию и русских людей, верил в них, гордился ими, идеализировал их, приписывая им массу достоинств, и вдруг революция, гражданские войны открыли обратную сторону медали, и все то, гаденькое и подленькое, что скрывалось в глубине их души, сразу выплыло наружу.

Русский человек не за 30 серебряников, а за пятиалтынный продал все: честь, родину и даже собственную совесть. Не знаю также, почему русского крестьянина считали глубоко верующим. О религии своей, в большинстве, он имел самое смутное представление. Достаточно указать на тот факт, что некоторые из крестьян считали Троицу, состоящую из Христа, Матери Божьей и Николая Чудотворца. На самом деле они только автоматически исполняли религиозные обряды: ходили в церковь, крестились, клали земные поклоны, целовали иконы, ставили свечи и т. д. Но нравственных законов Христианской веры они не знали и ими не интересовались. Если они исповедовались, причащались, крестили своих детей и т. д., то под неусыпным влиянием и давлением духовенства, пугавших их адом и страшным судом. А от преступлений они часто воздерживались не потому, что считали их безнравственными, а из страха перед уголовными законами. Но как только началась революция, и с них снята была полицейско-поповская опека, они сразу сорвали с себя маску благочестия и ханжества и предстали перед всеми во всей своей неприглядной наготе. Они оказались атеистами, нет, хуже них, т. е. у последних бывают нравственные устои, а у этих дикарей не было сдерживающих центров, и они принялись красть, грабить, убивать, жечь

всех и все, что попадалось им под руку, лишь бы отомстить и, главное, нажиться. Не пощадили они и своих бывших святых церквей и монастырей, грабили и глумились над ними. Вот в этой-то области русский мужик и показал изнанку своей подленькой душонки. О верхних слоях общества: русской аристократии, буржуазии, купечестве и духовенстве и говорить нечего. Большинство из них всегда были неверующими — лицемерами и ханжами, но у них были сдерживающие центры, благодаря которым они сохраняли, хоть наружно, известную долю приличий. Свой разврат и грязные делишки они прикрывали гражданской добродетелью. Революция и гражданские войны разорвали эту гнилую старую тогу и из-под ее лохмотьев выглянула такая же гаденькая душонка русского интеллигента.

Не знаю и не берусь судить, татарское ли иго, двухвековое ли рабство, или какие-либо еще другие причины способствовали этому. Или русские унаследовали это от своих предков — славян, варяг[ов] и хазар, постоянно занимавшихся междоусобицами, набегами и грабежами друг друга, и главной целью которых была нажива. Так или иначе, но в этом отношении русский человек достиг совершенства, побил все мировые рекорды. Однако я уклонился от основной темы, увлекся отвлеченными рассуждениями, хотя и имеющими некоторую связь с ней, а потому перейду к описанию дальнейших событий.

Итак, приступая к формированию санитарных обозов, мне, прежде всего, нужно было озаботиться приобретением лошадей, повозок, упряжи и т. п., а для этого нужны были люди, хорошо знакомые с этим делом и с местными рынками. Я скоро отыскал таких специалистов: это были бывшие уполномоченные и агенты старых солидных фирм, но они требовали приличного вознаграждения, не довольствуясь ограниченными казенными ставками. С этой стороны я встретил сочувствие и полное одобрение со стороны бывшего тогда председателя Упр[авления] Кр[асного] Кр[естья] К. Мне была дана «carte blanche», и я завербовал нужных сотрудников. Началась лихорадочная деятельность: из барнаульских и семипалатинских степей пригоняли табуны молодых лошадей, почти совершенно диких; в городе я устроил кузницу, столярную мастерскую, а также швейную мастерскую для пошива белья. Необходимые материалы, как-то лес, железо, полотно и даже швейные машинки, добыли мне упомянутые сотрудники по знакомству у толстосумов, конечно, по дорогой цене, но торговаться нельзя было, да и колчаковские

ден[ежные] знаки, в сущности, не представляли постоянной реальной ценности. Работа закипела, и приблизительно через месяц я стал выпускать один за другим санитарные обозы, сейчас же отправляемые на фронт. К сожалению, Упр[авление] Кр[асного] Кр[естья], как и все тогдашние организации, слишком поздно взялись за ум. При том значительном количестве раненых и больных помощь эта оказалась далеко не достаточной. В сентябре [1919 г.] дела Белой армии становились с каждым днем все хуже и хуже; она постепенно отступала, и в городе стали поговаривать уже об эвакуации. В половине сентября вопрос этот уже настолько назрел, что правительство решило учредить комиссию по эвакуации из представителей различных ведомств под председательством министра путей сообщений Л. А. Устругова. Я был назначен Упр[авлением] Кр[асного] Кр[естья] в эту комиссию как ее представитель. Вот тогда-то я вполне познакомился со всеми безобразиями, царившими в этом жалком правительстве, совершенно правильно оцененным бароном Будбергом в его дневнике. Единственным, по моему мнению, исключением из этой своры авантюристов, окружавшей несчастного [Верховного] Правителя непроницаемой стеной, был Устругов, энергично работавший и старавшийся внести хоть какой-нибудь порядок на жел[езной] дор[оге]. Но один в поле не воин, и к тому же это был заурядный труженик, никаким влиянием не пользовавшийся. На первом же заседании комиссии он сообщил нам весьма прискорбные данные о состоянии жел[езно]дорож[ного] транспорта, и о тех затруднениях, которые встретятся на первых же порах при составлении плана эвакуации. Но в то время комиссия рассчитывала справиться с возможными затруднениями, уповая главным образом на «благие порывы» Верховного правителя. Но скоро обнаружилось, как гласит русская пословица, что «до Бога высоко, а до царя далеко». Сам Колчак, занятый исключительно фронтом, не посетил ни разу заседаний комиссии и, очевидно, совершенно ею не интересовался, или, по крайней мере, очень мало, т. к., несмотря на множество письменных и устных докладов Устругова, он отделялся обещаниями, и ни одно из проектируемых комиссией мероприятий не было приведено в исполнение.

С каждым днем все становилось очевиднее, что провести эвакуацию планомерно не представится возможности, и различные ведомства стали отдельно предпринимать шаги для обеспечения своих служащих вагонами. Разумеется, при такой бессистемности началась форменная

борьба между ними, и кто был сильнее и имел заручку у [Верховного] правителя, тот захватывал в свое распоряжение целые составы с лучшими вагонами I и II класса и самые исправные паровозы. Не брезговали никакими средствами, чтобы вырвать друг у друга лакомый кусочек. В комиссию все время поступали жалобы на незаконные действия и произвол некоторых ведомств и отдельных «сановников», захвативших международные вагоны первого класса, выселив предварительно оттуда их «квартирантов». То, чего не могло добиться Упр[авление] Кр[асного] Кр[еста] для санитарных поездов, того достигли эти авантюристы. Рассказывать подробности не стоит, слишком они гнусны. Укажу только на один факт: Управ[ление] Омской ж[елезной] д[ороги], являющееся, по существу, законным и прямым распорядителем всего подвижного состава, с большим трудом отвоевало себе десяток старых вагонов III класса, чуть не отнятых у нее в последнюю минуту нашими «освободителями» чехами. В конце октября [1919 г.] начали отбывать на восток, один за другим, поезда с беженцами. В первую очередь отправлялись поезда с «сильными мира сего». Великолепные вагоны I класса международного общества спальных вагонов (М.О.С.П.), освещенные электричеством, комфортабельно обставленные, с вагон[ами]-ресторанами ожидали на подъездных путях ст[анции] Омск своих «именитых гостей», как они называли себя, «высоких комиссаров» «дружественных держав»: Эллиот, Моррис, Моцусима, генералов Нокс и Жанен, Гревс, Гаррис, Такаянаги, Сыровой и tutti quanti. Пять литерных поездов были приготовлены под личный штаб [Верховного] правителя. У каждого ком[андующего] армией и крупного командира было по отдельному составу, и это в то время, когда нужно было вывезти из Омска массу служащих с их семьями, принужденных в последнюю минуту плестись чуть не пешком. Вот что пишет генерал Гоппер («Начало и конец Колчака»): «То, что происходило в эти последние дни надвигающейся катастрофы в политических и правительственных кругах Омска имеет громадное историческое значение. Колчак совершенно потерял голову. В ставке образовались враждебные партии, которые боролись между собою, причем то та, то другая перетягивала на свою сторону Колчака. Поэтому было много случаев, когда Колчак неоднократно менял свои распоряжения по одному и тому же вопросу».

В Омске было несколько складов Кр[асного] Кр[еста], обильно снабженных дорогами лекарствами, теплым бельем, полушубками и ту-

лупами. Белье и полущубки были, разумеется, заблаговременно разобраны для «нужд» эвакуировавшихся ведомств, но оставались очень ценные медикаменты, в том числе масса патентованных средств и несколько десятков полных наборов дорогих хирургических инструментов, полученных из Америки и Японии. В первых числа ноября [1919 г.] Упр[авление] Кр[асного] Кр[еста] вдруг спохватилось и предложило мне организовать транспорт, чтобы вывезти самое ценное имущество из этих складов на станцию Иннокентьевскую (около Иркутска). Это распоряжение поставило меня в очень затруднительное положение. Во-первых, исполнить это нужно было в самый короткий срок, т. к. красные уже были недалеко от Омска, и притом в такое сумбурное время, когда нигде нельзя было закупать лошадей, саней и даже упряжи. Во-вторых, я уже было совершенно решился остаться в Омске (вопреки указа Управ[ления Красного Креста]), ясно видя, что из этой эвакуации ничего путного выйти не может. Но меня вызвали в Управу и уговорили, обещав солидно и надежно обставить транспорт. Действительно, для охраны его в мое распоряжение был откомандирован небольшой отряд (в 22 чел.) добровольцев во главе с Георгиевским кавалером поручиком Н. и бравым вахмистром из татар. Все они были хорошо вооруженыграничными винтовками и одеты в американские френчи. В случае же моего отказа Управ[ление Красного Креста] угрожало мне репрессивными мерами, вплоть до объявления меня дезертиром и арестом. Пришлось, волей-неволей, подчиниться, и я, скрепя сердце, приступил к формированию транспорта. Мне помогли бывшие сотрудники — представители фирм — и я, с грехом пополам, наладил обоз из 40 саней, в которые погружено было самое ценное имущество Кр[асного] Кр[еста]. Тогда же назрел и другой вопрос: что мне делать с своей семьей, состоящей из жены и двух детей, 12 и 13 лет?

Сначала было, я хотел их оставить в Омске, не желая подвергать их лишениям и опасностям, сопряженным с эвакуацией. Но «приятели» мои стали усиленно убеждать отправить их на ст[анцию] Иннокентьевскую, где Упр[авление] Кр[асного] Кр[еста], якобы, приспособило хорошие помещения и запасло продовольствие для эвакуированных своих служащих. Эти непрошенные советники напугали семью мою рассказами о «большевистских зверствах», о конфискациях всего имущества «комитетами бедноты», оставшегося после эвакуированных служащих. Наступала суровая сибирская зима, и перспектива остаться

без дров, продовольствия и без средств была ужасна. Пришлось из двух зол выбирать, по-видимому, меньшее, и я снарядил двое саней, запряженных тройками: одни для жены и детей, а другие под вещи. С семьей поехал наш хороший знакомый Л. 12 ноября [1919 г.] я отправил их в путь. Транспорт мой не был еще окончательно налажен, и мне пришлось задержаться еще в Омске на 2 дня. Кроме упомянутого отряда, к транспорту были прикомандированы фельдшер и четыре санитары. С нами поехали еще бывший завхоз моего отдела Ш. и делопроизводитель Семизоров. Фамилию этого негодяя я прописываю полностью, так как хочу, чтобы ее знали, и скажу почему. Этого субъекта я дважды выручил из беды: в первый раз, в 1914 г., когда принял на службу в свой отдел и устроил взятие его на учет жел[езно]дор[ожным] комендантом, чем избавил его от мобилизации. И второй раз, когда он был уже мобилизован Колчаком, я вытребовал его из воинской части и устроил в качестве санитаря при обозе. Перед отъездом семьи моей он уговорил меня, для секретности, перевезти остающиеся в Омске имущество наше к нему на квартиру, где оставалась его семья, свояченица, жена и ребенок (между прочим, мой крестник). Я перевез к нему самые ценные вещи, в том числе и собранную мною годами библиотеку. Снабдил его запасом дров и овощей, заготовленных нами еще в осени. Он ручался и клялся, что имущество наше будет целым и невредимым. Когда же в 1921 г. (я был уже тогда коммерческим ревизором Томской железной дороги) жена моя, с полученным нарядом на вагон, приехала в Омск за вещами, то застала их в ужасном виде: все белье и одежда были вынуты им сундуков и исчезли, мебель была поломана и свалена в грязном сарае, где мокла под дождем и снегом. Но главное, большинство книг моей библиотеки исчезло, а оставшиеся разрозненные тома были свалены в том же сарае. Словом, не только обокрал нас, но, по своей хамской натуре, бессмысленно напакостил нам. В довершение ко всему этому он не только не раскаялся в совершенном им гнусном поступке, но грубо обращался с моей женой, издеваясь над нею, он нахально спросил ее: «Неужели вы приехали за своим хламом?». Тогда я, разумеется, не мог предвидеть этого и, по недостатку времени и излишней доверчивости, не принял нужных мер предосторожности, а негодяй всем этим воспользовался. Однако довольно распространяться об этом отвратительном субъекте. Такие типы, к сожалению, встречаются нередко, но они скрываются под

маской простоты и добродушия, и их надо раскусить и заблаговременно разоблачать.

Вернемся теперь к моему рассказу. 14 [ноября 1919 г.] утром транспорт был уже совершенно налажен, но у команды и санитаров не было полушубков и валенок (их снабдили только шинелями и американскими башмаками), а отправляться без них в дальний путь при сильных сибирских морозах было рискованно. В складах Кр[асного] Кр[естья], как я уже упомянул, не было шуб и валенок, но я случайно узнал, что их можно достать в интендантских складах. Я сейчас же отправился к коменданту гор[ода] Омска, старичку генералу, оставшемуся там, так как, очевидно, по своей дряхлости, он не был в состоянии куда-либо двинуться. Этой развалине было поручено удравшим правительством наблюдение за безопасностью жителей города. На мою просьбу выдать ордер на получение тридцати комплектов теплой одежды и валенок он ответил категорическим отказом, требуя письменного распоряжения Колчака или ком[андующего] армией. Это был бессмысленный формализм, никто из упомянутых лиц тогда не заботился и не интересовался покинутым казенным имуществом, да и где мне было разыскивать их? Убедившись, что я ничего не добьюсь от этого рамолика, я решил действовать самостоятельно. Я отправился к одному из интендантских складов, вызвав предварительно туда по телефону свою команду. Молодцы мои явились в полном вооружении с боевыми патронами и по приказу поручика оцепили склад. Интендантский чиновник не соглашался выдать требуемого без ордера коменданта, но видя, что я, не колеблясь, приму решительные меры и прикажу сломать замки у склада, сам открыл их. Там оказалось большое количество теплого белья, шуб, полушубков и валенок. Я приказал отобрать нужные нам тридцать комплектов. В это время мимо склада стали проходить отступающие воинские части. Эти злополучные «герои» и «орлы», как их восторженно называли генералы, были в очень плачевном виде, обуты были они, кто в старые сапоги, кто в американские башмаки с обмотками, и в летних шинелях. Они буквально дрожали от стужи. Сердце не выдержало, и я предложил им взять из склада полушубки и валенки. Если бы вы видели, с какой радостью они бросились в склад и стали напяливать на себя то и другое! За ними стали проделывать то же и следующие отряды, и скоро склад опустел, и в нем остались только никому не нужные большие хомуты для артиллерийских запряжек. Следующей неотложной задачей было

приобретение где-нибудь водки или спирта. Не думайте, что он нужен был нам для пьянства, нет, здесь преследовалась более серьезная цель. Дело в том, что при переходах мы принуждены были останавливаться для ночевки в деревнях. Дороги были заняты сплошной вереницей отступающих в беспорядке воинских частей и беженцев, и очень трудно было доставать убежище на ночь. Брали помещения приступом, чуть не силой, и победителями оказывались те, кто обладал большими для этого данными. Колчаковские ден[ежные] знаки с каждым днем обесценивались все больше и больше, и некоторые крестьяне даже отказывались их принимать, требуя более реальных ценностей. Вот в таких случаях спирт и мог служить нам «золотым ключом», который открывает все двери. Расчет этот оказался впоследствии вполне правильным.

Итак, задумано — сделано. Прямо из вещевого склада мы все отправились к винному, так как винные лавки, по случаю продолжающейся все последнее время мобилизации, были закрыты. К коменданту-развалине мы уже больше не заходили, т. к. это было бесполезно. На винном складе разыгралась та же сценка, как и на вещевом, с той разницей только, что акцизный чиновник оказался глупее и упрямее интенданта, и нам пришлось самим сломать замки склада. Он, как верный цербер, охранял «казенное добро», которое, конечно, пригодилось ему потом для собственных, далеко не идеальных целей. Теперь у нас было все необходимое: запасами продовольствия и фуража нас снабдило Управление [Красного Креста], а я раздобыл походную солдатскую кухню. В 4 часа дня 14 ноября [1919 г.] транспорт наш двинулся из Омска и потянулся длинной лентой на восток по Иркутскому тракту, а 15 [ноября 1919 г.] утром в Омск вошли красные части.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ

В этот день 14 ноября [1919 г.] мы успели проехать 10–12 верст и ввиду наступившей ночи остановились на ночлег в одной из окрестных деревушек. Ночь прошла благополучно. Наш сон только изредка нарушали оглушительные взрывы со стороны Омска. Это взрывали многочисленные запасы снарядов, патронов и пороха. Оказалось, что была даже попытка взорвать один из пролетов жел[езно]дор[ожного] моста

через Иртыш, но неудачная. На следующий день, рано утром, мы двинулись дальше в путь и, чем дальше мы продвигались, тем безотраднее становилась открывавшаяся нашим взорам картина. Все чаще и больше попадались целые воинские обозы и разрозненные воинские части. Люди шли в одиночку и небольшими группами, ни строя, ни порядка не было никакого. О дисциплине и говорить нечего. Предводительствуемая своими «доблестными офицерами», вся эта ватага плохо одетых, полуголодных «героев» шла куда-то вперед, движимая инстинктом самосохранения, стараясь скорее попасть в свои родные села и деревни. По обеим сторонам дороги стали попадаться брошенные в снег пушки, лафеты, винтовки и пулеметы с патронами. Вперемежку с солдатами плелись сотни саней, нагруженных скарбом беженцев, а рядом с ними брели их злополучные владельцы: мужчины, женщины и дети. Вся эта панически настроенная толпа шла, не отдавая себе отчета: куда она идет и зачем? Не знаю, где это были те армии, о которых пишет в своих воспоминаниях генерал Сахаров, и задача которых сводилась к прикрытию эвакуации. Мы вышли из Омска одними из последних, и нигде не было видно ни одной регулярной воинской части, отступающей в порядке. Все те, которые мы обгоняли по пути, и которые нас обгоняли, были в таком плачевном виде, что об оказании ими какого-либо сопротивления наступающим отрядам красных не могло быть и речи. Об этом могли только мечтать многочисленные ком[андующие] армиями, удиравшие от красных в своих люкс-поездах.

По словам генер[ала] Сахарова, даже в последние минуты правления Колчака, когда уже Омск и Новониколаевск были во власти красных, у Каинска все еще продолжались интриги и борьба вокруг Колчака. Дитерихс, Пепеляев и Сахаров [были] за назначение одного из них Глав[но]ком[андующим] армиями. Где же была та замечательная дисциплина, которая, по словам Сахарова, еще существовала, будто бы среди отступающих войск, когда он же сам рассказывает о том, «как ком[андующий] 2-ой армией генер[ал] Войцеховский принужден был лично застрелить из револьвера командира корпуса генер[ала] Гривина, который наотрез отказался подчиниться боевому приказу — задержать корпус и дать красным отпор, а заявил, что он поведет свой корпус прямо в Иркутск, и на предложение Войцеховского сдать командование корпусом ответил тоже отказом». А почему же назначенный на место Гривина генерал не исполнил этого «боевого» приказа Войцеховского,

или сам он не попытался сделать это? Да очень просто, потому что регулярно отступающего корпуса никакого не было, а была лишь панически удиравшая толпа солдат и офицеров.

А вот что пишет Г. К. Гинс (Крушение колчаковщины): «Армии уже не было. Все рассыпалось, перемешалось. Войска шли с огромными обозами. Транспорт был целиком захвачен чехами. Дети, женщины, больные, все ехали вместе с воинскими частями. Сыпно-тифозных привязывали к лошадям и саням, чтобы они только не выскочили». Какова же, в сущности, была армия Колчака до эвакуации? Вот что пишет об этом барон Будберг в своем дневнике от 14 августа [1919 г.]: «Дитерихс «главком» добился, наконец, что армии доставили сведения о действительной их численности; оказалось, что у нас около пятидесяти тысяч строевых чинов, при 300 тысячах ртов; в армиях боевого элемента не больше 12–15 тысяч в каждой; т. е. приблизительно около дивизии хорошего состава. И над каждой из таких дивизий был назначен: ком[андующий] армией, корпусные командиры и т. д. И все они с бесчисленным количеством штабов: армий, групп, дивизий, бригад».

Однако и эти незначительные «армии» могли бы оказать сопротивление красным, если бы не были брошены своими генералами на произвол судьбы. Итак, рассчитывать на прикрытие этими армиями эвакуации нельзя было, и мы каждую минуту могли ожидать нападения на нас красных войск. Приходилось спешить, а как назло, выпал глубокий снег и сделал почти невозможными объезды тянувшихся по дороге обозов и толпы беженцев и солдат. С ночевками тоже с каждым днем все становилось затруднительнее. Я высылал вперед в качестве квартирьера нашего braveго вахмистра, татарина. Только благодаря его энергии и отчаянной удаче мы не оставались без крова на ночь. Огромную службу нам оказывал и наш «золотой ключ». Но бывали случаи, когда мы, расположившись уже на новом пристанище, готовились к отдыху, как внезапно к нам в избу врывается целая ватага офицеров, требующая немедленного очищения нами помещения и угрожавшая, в случае неповиновения, сделать это силой. В таких случаях наш braveый вахмистр, которого мы в шутку прозвали «секим-башка», выручал нас: он вскакивал и, обнажив шашку, свирепо кричал, наступая на них: «Уходи — зарежу, как собаку, секим-башка!», и непрошеные гости, храбрые только с безоружными, спешили ретироваться подобра-поздорову.

До вооруженного столкновения дело, слава Богу, ни разу не доходило. После такого инцидента наш храбрый защитник, обыкновенно, долго не ложился спать, охранял нашу безопасность и сон.

Не доезжая города Каинска, мы как-то расположились ночевать в одном большом селе. Поужинав приготовленными на походной кухне щами, мы уже мирно спали. Как вдруг, среди ночи, нас разбудил сильный шум, доносившийся со двора. Выйдя из избы, мы услышали сильный пулеметный треск. На улице было столпотворение вавилонское: из всех домов выскакивали на мороз полуодетые, а то и совсем раздетые люди: мужчины, женщины и дети. И все это кричало, визжало, плакало. Некоторые из них наскоро запрягали лошадей в сани и нагружали скарбом своим. Многие уже спешно проезжали и пробегали мимо нас. Прислушавшись к отдельным выкрикам, мы, наконец, поняли, что на село наступают красные, и что «спасайся, кому жизнь дорога»! Ничего не поделаешь, пришлось и нам собираться в путь, и хотя нам, как нейтральной организации (Кр[асный] Кр[ест]), нечего было опасаться неприятеля, но наша команда, состоящая из добровольцев, и, в особенности, наш поручик и вахмистр, «секим-башка», ни за что не соглашались попасть в плен к красным. Быстро свернувшись, наш транспорт выехал из села. Остановившиеся на ночлег в том же селе батарея, команда пулеметчиков и какая-то пехотная часть при первых же пулеметных выстрелах панически бежали, побросав пушки, пулеметы и даже ружья. Офицеры так же «храбро» удирали, как и солдаты. Разумеется, высшего командного состава с ними не было, но и они, наверное, если бы были, поступили бы так же «доблестно», как и вверенные им части, доведенные ими до такого ужасного состояния.

Потом оказалось, к стыду нашему, что никаких красных отрядов поблизости не было, и что все это проделали местные крестьяне, подняв стрельбу из пулеметов, очевидно, с целью поживиться брошенным в суматохе имуществом беженцев, которых они и без того обокрали *немилосердно*. Они ничем не рисковали, т. к. в любую минуту могли скрыться в тайге, будучи уверены к тому же, что им не окажут сопротивления. Убитых и раненых не было, т. к. крестьяне, как оказалось, боясь повредить свои избенки, стреляли по верхам, и пули, ударяясь о крыши, и произвели тот шум, напугавший наших «храбрых воинов».

ОТ КАИНСКА ДО НОВО-НИКОЛАЕВСКА

Не помню на какие сутки, после отъезда из Омска, мы прибыли в Каинск. Здесь мы решили устроить небольшую передышку и дать отдохнуть нашим измученным лошадкам и всем нам, и команде выспаться, и выпариться в бане, чтобы избавиться, по возможности, от пожиравших нас миллиардов паразитов, которыми щедро поделились с нами гостеприимные хозяева наших ночлежек. На следующее утро я узнал, что около станции Курган, расположенной в 1 1/2 верстах от гор[ода] Каинска, стоит военно-санитарный поезд и, т. к. у нас двое из команды заболели сыпняком, то я хотел их поместить в этот поезд. Приехав на ст[анцию] Курган, я увидел несколько составов поездов, из которых один состоял из пульманских вагонов, I и II классов, принадлежавших, как я узнал, одному из ком[андующих] армии (не помню, Войцеховскому или Сахарову). Глав[ный] врач санитарного поезда не посоветовал мне помещать моих больных к нему в поезд, т. к. он находился в ужасном состоянии: вагоны-теплушки почти не отапливались, больные и раненые голодали, и их больше умирало от лишений, чем от эпидемий и ран. Медикаментов у них было тоже очень мало, и врач просил меня снабдить ими их аптеку, что я охотно сделал. Во время нашей беседы в вагон вошел молодой, важный на вид офицер с аксельбантами, адъютант главкома, и передал «приказ» последнего, чтобы я явился к нему. Уже одно слово «приказ» произвело на меня неприятное впечатление и не предвещало ничего хорошего. Но я решился не уклоняться от этого «любезного приглашения», больше всего из любопытства увидеть одного из этих пресловутых главкомов в теперешнем для них курьезном положении. В сопровождении адъютанта направился я к поезду ком[андующего] армии. Застал я его сидящим в салон-вагоне за письменным столом, покрытым целой грудой дел и бумаг. В другом конце вагона сидели две миловидные машинистки и трещали на ремингтонах. «Вы уполномоченный Глав[ного] Упр[авления] Кр[асного] Кр[еста] В[олюков]?» обратился он ко мне с вопросом, и на мой утвердительный ответ кратко и четко отчеканил: «Потрудитесь находящийся в вашем распоряжении транспорт из 40 подвод освободить и к завтрашнему утру, к 9 ч., доставить сюда и сдать полковнику N.». Я ответил ему, что обозы подчинятся только законным распоряжениям своего прямого начальства и [я] не

имею права бросить на произвол судьбы ценного имущества Кр[асного] Кр[естья]. Генерал вспыхнул и, повысив голос, грозно заявил: «Без рассуждений, извольте немедленно исполнить мое распоряжение — иначе я употреблю силу!». Я понял, что с таким зазнавшимся самодуром бесполезно спорить, и что я, к тому же, не гарантирован получить пулю в лоб за неисполнение его «боевого приказа». Мы очутились в крайне затруднительном положении. В Каинске некому и некуда было сдать имущество Кр[асного] Кр[естья] на хранение. Сопrotивляться мы не были в состоянии. Приходилось подыскивать какой-нибудь другой выход из создавшегося положения. Мы его нашли.

Вернувшись со станции, я, сейчас же, собрал всех своих сотрудников, и мы сообща решили прибегнуть к хитрости: не ожидая завтрашнего утра, с наступлением ночи собраться в путь и, воспользовавшись темнотою, выбраться из города незамеченными кордоном часовых, расставленных ком[андующим] армией, и не допускавшим выезда из города без особого разрешения. По счастливой для нас случайности с вечера началась снежная пурга, и в 2-х шагах нельзя было различить, что делается. Наш транспорт потянулся, имея во главе верхами поручика и вахмистра. На каждых саниах сидело по одному вооруженному добровольцу, а в конце ехал я. Когда мы поравнялись с заставой, транспорт был остановлен окриком часового. Дежурного вахтенного офицера поблизости не было, он, очевидно, спрятался где-нибудь от пурги. Наш поручик объяснил часовому, что едет обоз воинской части, и что пропуск находится у начальника обоза В[олкова], едущего в последних саниах. Часовой пропустил транспорт и, когда мои сани поравнялись с ним, попросил предъявить пропуск. Я вынул один из многочисленных, имеющихся у меня мандатов Кр[асного] Кр[естья], и, при свете фонаря, показал ему. Наверное, часовой был малограмотный, а большая печать на мандате импонировала, и он, не разобрав подписи, молча пропустил нас. И так хитрость наша удалась. Больных добровольцев пришлось везти с собою, т. к. они умоляли меня не оставлять их в Каинске. На одном из следующих этапов стряслась над нами новая беда. Проснувшись как-то рано утром, я заметил, что лежащий рядом со мною на полу фельдшер наш в сильном жару — бредит. Когда мы расстегнули его рубашку, чтобы поставить градусник, то увидели, что вся грудь его разрисована сыпняком. Оставлять его в глухой деревушке, без медицинской помощи, было немыслимо, и мы повезли его дальше с собою, в отдельных саниах,

для чего пришлось пожертвовать частью съестных припасов, которые я тут же раздал крестьянам. Не помню точно которого, но в последних числах ноября [1919 г.] (по с[тарому] ст[иллю]) без особых дальнейших приключений мы добрались, наконец, до Ново-Николаевска.

В НОВО-НИКОЛАЕВСКЕ

Приехав в Н[ово-]Никол[аевск], я, прежде всего, разыскал Глав[ного] Упол[номоченного] тыла Кр[асного] Кр[есть] князя Куракина и попросил его указать мне кому и куда мне сдать имущество Кр[асного] Кр[есть], так как намерен был расформировать транспорт и дальше не эвакуировать, убедившись на деле, что это была бессмысленная затея, которая ни к чему путному не приведет, а лишь причиняет страдания, лишения тем, кто принужден был подчиниться, по меньшей мере, легкомысленному распоряжению правительства Колчака.

Как и следовало ожидать, Управ[ления] Кр[асного] Кр[есть] в Ново-Николаевске уже не было — оно все успело уже удрать в Иркутск, передав все права свои князю Куракину. Когда князь Куракин меня увидел, то страшно обрадовался. Бедняга решительно сбился с ног. Нужно было эвакуировать из Н[ово-]Ник[олаевска] значительные продовольственные запасы, и ему одному приходилось обо всем заботиться. Я с удовольствием помог ему, и мы занялись перевозкой и погрузкой запасов в вагоны, куда я погрузил и имущество Кр[асного] Кр[есть]. Но когда я объявил ему о своем намерении расформировать транспорт, он запротестовал и объявил, что он, к сожалению, не только не имеет права освободить меня, а, наоборот, принужден назначить начальником одного объединенного транспорта, который образуется из всех прибывших в Н[ово-]Ник[олаевск] транспортов из других городов округа и с фронта.

Вся эта неразбериха до того мне опротивела, что я решился не подчиняться больше этим кукольным властям. Расформировав транспорт и отпустив на волю всех своих сотрудников, я хотел с семьей своей, приехавшей в Н[ово-]Ник[олаевск] за несколько дней до меня, отправиться прямо в Томск и там ожидать прихода красных. Увы, мне не удалось исполнить этого и не потому, что не мог или боялся послушаться

распоряжения милого и симпатичного князя Куракина, а исключительно из сострадания к сотням беженцев, которыми переполнен был, тогда еще небольшой, Н[ово-]Николаевск. Они стали осаждать меня с утра до вечера, умоляя спасти их семьи от «красной опасности». Они были такие несчастные, вид у них был такой отчаянный, что и самое жесткое сердце, наверное, содрогнулось бы.

Освободившихся от имущества Кр[асного] Кр[еста] саней, конечно, недостаточно было, чтобы погрузить всех желающих с их скарбом, так что пришлось снова закупать лошадей, сани, упряжь, где только возможно. Формирование транспорта затянулось, т. к. с каждым днем появлялись все новые и новые претенденты, положение которых действительно было критическое. Я увидел, что мне не выбраться из этого омута человеческих страданий и что, если я лично обязан по долгу службы и из человеколюбия к этим несчастным продолжать далее эту трагикомедию, то не имею нравственного права подвергать больше семью мою всем этим лишениям и опасностям, которые, неминуемо, [она] испытает при дальнейшей эвакуации. И я решился отправить ее отсюда прямо в Томск. Но иногда приятели и друзья бывают хуже врагов. Начали сбивать нас с толку, предлагая всевозможные проекты эвакуации. В конце концов, добились того, что я согласился поместить семью свою в поезд начальника эвакуации генерала Белова (быв[шего] начальника добровольческих формирований). С этим поездом отправлялись хорошие знакомые наши К. с молодой женой и помнится, Л., приехавший с семьей моею в Н[ово-]Николаевск. Для них и еще нескольких лиц отвели товарный вагон — теплушку с нарами и железной печкой, внутри обитый кошмой. Я был знаком с генералом Беловым, т. к. устраивал санитарные обозы для его добровольческих частей. Он вполне одобрил мое решение и заявил, что имеет пропуск по обоим жел[езно]дорожным путям (правому и левому) и ручается, что доставит семью мою через 2–3 дня в Иркутск — живой и невредимой. Хотелось верить, тем более что, по-видимому, это был самый надежный способ выйти из данного затруднительного положения.

Водворив семью в вагон, и погрузив туда же привезенные с ними вещи, я немного успокоился, зная, что поезд должен, с часу на час, отправиться в путь. Но вот проходит день, другой, а он все еще стоит на месте. Оказалось, пресловутое право Белова фактически неосуществимо, т. к. оба пути давно уже были заняты целой лентой поездов.

Только спустя несколько дней поезд их медленно потянулся за другими, впереди него стоящими, и стал продвигаться [по] 10–15 верст в сутки. Снова мне пришлось убедиться, что все эти ком[андующие] армиями и другие генералы не имели понятия о том, что творилось за пределами их вагон-салонов. Неудивительно, что поезда эти все двигались как черепахи, т. к. по пути все время попадались отдельные поврежденные вагоны и целые составы, у которых были заморожены паровозы. Они были покинуты своими пассажирами вместе со всем их скарбом на произвол судьбы. Эти несчастные, обманутые правительством Колчака служащие, плелись дальше по полотну жел[езной] дор[оги] и прилегающим к нему дорогам, часто по пояс в снегу. Когда поезд вплотную подходил к такому «мертвому составу», то всем пассажирам приходилось вылезать из своих теплушек, чтобы общими усилиями сталкивать с пути и опрокидывать под откосы его мешавшие вагоны и замороженные паровозы. Эти операции требовали много времени и сопряжены были с огромными затруднениями, т. к. не было никаких приспособлений, и приходилось все это проделывать руками при наступивших, к тому же, свирепых сибирских морозах и снежной пурге, которая, в довершении ко всем этим прелестям, заносила пути и поезда глубоким снегом.

Рано или поздно, но участь всех этих поездов была одинакова: двигались вперед, пока хватало топлива (воду заменяли маслом), а когда оно иссякало, и замерзал паровоз, пассажирам приходилось следовать примеру их предшественников. Эти покинутые всеми поезда составляли лакомую добычу крестьян ближайших деревень. Они подъезжали к ним целыми партиями, ломали вагоны и грабили все что было, начиная от мануфактуры, продовольственных запасов и т. д., и кончая жалким скарбом служащих. Мне приходилось наблюдать, как целая банда этих разбойников разбивала один из вагонов, где как раз были погружены медикаменты Кр[асного] Кр[еста] Они выкидывали из вагона на полотно все лекарства, предварительно ломая их, очевидно, в поисках чего-нибудь спиртного.

Здесь я еще лишний раз имел случай убедиться в подлинной натуре русского мужика: «Не мне — так и не тебе — никому не достанется». Они отлично сознавали, что истребляют очень ценные и нужные вещи, но раз они им негодились, то пусть и никто ими не воспользуется. Напрасно стараются оправдать такие поступки их невежеством, они хорошо знают цену вещам и очень бережно относятся к собственному

хламу. Нет, здесь они ярко проявляли эту свою алчность и зависть, т. к. при дележе награбленного они между собою ссорились, дрались и калечили друг друга. Однако не будем больше тревожить «нашего много-страдального русского мужика», а то, пожалуй, меня сочтут за русофоба, а я никогда им не был и очень страдал, когда пришлось разочароваться в добродетелях русского народа.

Четвертого декабря [1919 г.] за № 1126 я получил официальное распоряжение от Главноуполномоч. Кр[асного] Кр[еста] князя Куракина следующего содержания: «Заведующему транспортом Вр[еменного] Упр[авления] Р[оссийского] О[бщества] К[расного] Кр[еста] Н[иколаю] Н[иколаевичу] В[олкову]. Предложив Вам вступить в исполнение обязанностей Начальника Транспорта Гл[авного] Уп[равления] Кр[асного] Кр[еста] и подчинив Вам заведующих транспортами Управления Главноуполномоченного Восточного фронта *Таматаева* и Ремпеля с их обозами и имуществом, прошу Вас озаботиться выделением из конского состава всех транспортов наиболее надежных лошадей, для составления одного обоза и *о последующем* мне донести для совместного с Вами разрешения этого вопроса. Начальником строевой части остается поручик Г.».

Это было последнее распоряжение князя Куракина, после чего он снял с себя полномочия и присоединился к моему транспорту в качестве простого беженца. К нему же примкнул и бывший Главуполн[омоченный] фронта князь Голицын с семьею своею, уже до этого развенчанный.

Когда я последний раз был на станции Н[ово-]Ник[олаевск], то застал там невероятный хаос. Наши «пресловутые освободители» от «большевистской власти» чехи вели себя как обезумевшие от страха бандиты: они силой захватывали и отбирали паровозы и вагоны, высаживая из них всех пассажиров, нагружали их награбленным ими русским добром. Они спешили удрать и готовы были какой угодно ценой заплатить за спасение своих драгоценных шкур. В Иркутске потом они подло предали Колчака, чтобы только получить беспрепятственный пропуск во Владивосток. Остальные наши «доброжелатели» в лице «высоких комиссаров» дружественных нам держав вели себя не так вызывающе, но не ударили пальцем о палец, чтобы помочь нам в эти критические минуты.

Одни только поляки вели себя доблестно и до конца остались нам верными. Под предводительством своего храброго полковника Румша

они защищали тыл эвакуировавшихся наших и своих эшелонов. Министр П[утей] С[ообщения] Л. А. Устругов оказался в затруднительном положении: у него тоже неверные чехи отобрали бы паровоз его поезда, если бы он не прибег к хитрости и не упрятал его заблаговременно в жел[езно]дор[ожном] депо под видом ремонта. Наконец, все мои приготовления были закончены и 14 декабря [1919 г.], под вечер, наш бесконечный обоз длинной лентой потянулся из Н[ово-]Ник[олаевска] по окольному жел[езно]дор[ожному] полотну пути, а 15 декабря [1919 г.] Н[ово-]Ник[олаевск] был занят красными.

СТАНЦИЯ ТАЙГА

Я предполагал, что поезд, с которым уехала моя семья, должен был далеко отъехать, но, увы, застал его на одной из ближайших станций. Мы стали подвигаться почти одновременно, и когда обоз близко подходил к станции, то навещал их. Переезды и ночевки продолжались с теми же затруднениями, как и до Н[ово-]Ник[олаевска], но было труднее размещать на ночь всю мою ораву беженцев. Это отнимало много времени, и мне приходилось ложиться спать поздно ночью, а с рассветом снова двигаться в путь. На одном из этих этапов наш храбрый «секим-башка» заболел сыпняком, и везти его дальше не было никакой возможности, и мы с грустью и сердечной болью расстались с ним, оставив его на попечение одного «сердолобивого» крестьянина, которого мы, разумеется, щедро вознаградили за его «доброту». Так мы и не узнали потом, какая постигла его судьба, но, расставаясь с ним, он просил оставить заряженный револьвер, т. к. ни за что не хотел отдаться в плен красным живым.

На ст[анции] Тута́льская я в последний раз по пути виделся с семьей. Мы должны были встретиться на следующей ст[анции] Литвиново, но произошло непредвиденное обстоятельство. Чтобы разместить беженцев своего транспорта на ночлег, пришлось немного уклониться от прямого пути и заехать в соседнюю деревню, т. к. все было занято. С большим трудом я разместил их и почти всю ночь не спал, а рано утром поехал сам вперед, чтобы подыскать ночлег на следующем этапе у ст[анции] Тайга. Дорогой усталый я заснул в кибитке, а кучер мой проехал прямо в Тайгу, не заезжая на ст[анцию] Литвиново. Подъезжая

к Тайге, я встретил кн[язя] Голицына, который выехал туда накануне. Он сообщил мне, что в Литвинове меня разыскивают, т. к. поезд, с которым ехала моя семья, дальше продвигаться не мог, и ген[ерал] Белов со всеми мужчинами, способными продолжать путь пешком, покинул поезд, оставив на произвол судьбы стариков, больных, женщин и детей. А среди них была и моя семья. Я хотел сейчас же возвратиться на ст[анцию] Литвиново, чтобы выручить ее из беды, но это оказалось невыполнимым, т. к. все дороги и жел[езно]дор[ожное] полотно были запружены обозами и толпами беженцев и солдат. А разъехаться с встречными или объезжать их по глубокому снегу было невозможным. Пробившись напрасно несколько часов, я принужден был отказаться от этого намерения. Оставалась последняя надежда, что обоз наш, проходя мимо Литвиново, захватит там мою семью.

Я отправился в поселок Тайга, чтобы найти необходимое помещение для ночлега. Все было переполнено, и я с большим трудом отыскал небольшую комнату в здании школы. К вечеру прибыл транспорт, но семьи моей он не привез, т. к. тоже не заезжал на ст[анцию] Литвиново, прямо проследовал сюда. Исчезла последняя надежда. Я был страшно удручен. Что делать? Как выручить ее? Ничего придумать не мог. Оставалось одно только: дальше не ехать и выжидать последующих событий на ст[анции] Тайга. Авось они как-нибудь сами доберутся сюда! Последнее терпение мое лопнуло. Я понял, что не имею права жертвовать самыми [дорогими] для меня людьми ради какого-то призрачного долга службы. Я передал свои полномочия одному из бывших начальников транспорта и отправился на ст. Тайгу. Там на вокзале я намерен был ждать их приезда с одним из польских эшелонов, проходившим еще с запада, или, по крайней мере, узнать что-нибудь о них. На ст[анции] Тайга остались только полки. Прогуливаясь уныло по перрону, я случайно заметил на одной из дверей записку, которыми были покрыты все стены вокзала. Эта записка гласила: «Уполномоченному Кр[асного] Кр[есть] Н[иколаю] Н[иколаевичу] В[олкову] — мы на разъезде в эшелоне № 24. — Лена, Ляля, Юра». Подписи были моих детей и молодой жены К. Подписи жены не было. Значит, ее с ними не было. Лена была еще очень молода и малоразвита, а детям моим было 12 и 13 лет. Жутко было подумать, что они остались одни!

Немного спустя, поляки узнали по телефону, что Литвиново занято красными. Проходили последние польские эшелоны, и с ними много

беженцев, которых поляки по пути подбирали к себе, но среди них детей моих и жены не было. Напрасно я обходил каждый поезд с головы до хвоста. Боясь пропустить один из этих эшелонов, которые следовали один за другим без всякого расписания, я в течение 2-х суток не спал и не ел, т. к. на вокзале не было буфета, а отлучиться в поселок было рискованно. Хотя, как утверждал комендант, у них эшелона за номером 24 не было. В это время мог пройти поезд с моими детьми и увезти их дальше. Вконец обескураженный и измученный бессонницей, я сидел в комнате коменданта станции, как вдруг туда вошел какой-то служащий в путевой фуражке и сообщил, что эшелон Алтайской жел[езной] дороги удалось продвинуть почти до самой ст[анции] Тайга.

Меня как будто что осенило, и я спросил его номер эшелона. Узнав, что это был № 24, я опрометью бросился к нему, захватив с собою одного из санитаров Конева. Мне сказали, что этот поезд находится в 10 верстах от ст[анции] Тайга. Было около 11 ч. ночи — свирепствовала сильная пурга, и в нескольких шагах ничего не было видно. С большим трудом пробирались мы по полотну по колено в снегу. Приблизительно каждые 100–200 шагов стояли «мертвые составы», покинутые своими пассажирами. Тем не менее я тщательно обходил все вагоны, разыскивал и звал по именам детей. Но тщетно, только гудкое эхо пустых вагонов было ответом на мои крики! Вот мы уже прошли 10 верст, а их все нет! Где они? Не ошиблись ли они, указав № 24. Каким образом могла записка их попасть на ст[анцию] Тайга раньше их? Или они уже проехали ее? Весь этот рой мыслей пронесся, как вихрь, в моей голове. Я чувствовал, что слабею, что энергия моя падает. Но в эту минуту пурга немного стихла, само провидение пришло мне на помощь. Санитар заметил вдали силуэт еще одного поезда.

Мы бросились к нему. Состав оказался тоже пустым, в хвосте его раздавался треск и крики. Это, по обыкновению, крестьяне грабили вагоны. Я стал обходить вагон за вагоном, везде пусто, тихо и темно. Как вдруг я заметил, что в одном из последних вагонов мерцает слабый огонек. Зайдя в него, я увидел следующую картину: освещенные огарком свечи, сидели мои дети и Лена, а рядом в купе помещались тифозный офицер с женой. Напряженные нервы мои больше не выдержали — произошла реакция, и я от радости... расплакался. Мне не стыдно в этом сознаться, т. к. тот, кто пережил такие минуты, поймет меня и не будет смеяться. Я послал санитаров за 2 санями и перевез детей, Лену и семью офицера на

приготовленную квартиру. От детей я узнал, что жена моя на ст[анции] Литвиново, умудрившись поместить их с Леной в этот эшелоне, побежала сама, чтобы захватить с собою еще немного съестного, а в это время как раз поезд двинулся в путь, и она осталась на ст[анции] Литвиново. К счастью, дети были еще так юны и наивны, что не отдавали себе ясного отчета, какую драму они переживали. Когда я их застал в вагоне, они беспечно сидели и спорили о том, какие из оставшихся вещей надо спасать и взять с собою. И сыну, во что бы то ни стало, хотелось захватить с собою оставленное кем-то большое седло кавалерийского образца.

Теперь оставалось разыскать жену. Приблизительно через сутки приехала и она со старичком Л. в последнем польском бронепоезде. Они примостились в товарном вагоне, где были погружены снаряды и каждую минуту рисковали взлететь на воздух, т. к. все время были под обстрелом красных. Вот, наконец, вся семья моя в безопасности. Я немного успокоился и после 3-х бессонных ночей уснул, как убитый. На следующий день проснулся я рано утром под треск пулеметов: это наступали красные, а поляки защищались. Оглянувшись, я заметил, что место на полу, где спала жена, пусто, и узнал, что она рано утром побежала на вокзал, чтобы отнести немного теплого белья старичку Л., который хотел продолжать путь в польском броневике. Сражение было в полном разгаре, и, возвращаясь домой, она неминуемо должна была попасть под обстрел той или другой стороны. Картины, одна мрачнее другой, пронеслись в моем, и без того измученном, воображении. Я представлял ее себе раненой, быть может, убитой, лежащей где-нибудь на дороге, без помощи, покинутой всеми. Ни минуты не колеблясь, что предпринять, я надел украдкой шубу и хотел незаметно от детей проскользнуть на двор. Но они увидели мой маневр и вцепились в меня и не пускали, плача и крича: «Папа, и мы пойдем с тобою!» Что оставалось делать? Брать их с собою и подвергнуть риску быть убитыми шальными пулями или оставаться и ждать прихода жены? И я принужден был остаться, хотя сердце обливалось кровью. Спустя часа 3 появилась, наконец, и моя дражайшая половина, и привела за руку с собой совершенно растерявшегося старичка Л. Они возвращались с вокзала под непрерывным обстрелом пулеметов и только совершенно случайно остались живы и невредимы. Снова мы прожили жуткие часы, но в этот раз по собственной вине жены моей.

Училище, в котором находилась наша комнатка, было расположено на небольшом пригорке, и из окон его второго этажа были видны на да-

легкое расстояние окрестности поселка. Весь двухэтажный дом был переполнен эмигрировавшими служащими Кр[асного] Кр[естья] с их семьями. В нашей маленькой комнате помещались, кроме моей семьи, Лена и еще старичок Л. и санитар К. Рядом, в проходной темной клетушке — тифозный, а за стеной жила семья учителя, заведующего этим училищем, у которого дочь умирала от чахотки. На время затихший пулеметный треск снова возобновился, и я подошел к окну и увидел редкую картину: с одной стороны наступала цепь красных пулеметчиков, с другой — польские отходили, отстреливаясь. Вдруг задребезжали стекла, и в нашей комнате посыпалась штукатурка. Училище попало под обстрел обеих сторон. Я крикнул, чтобы все ложились на пол. Ползком добрались мы до русской печи в соседней комнате и за нею спрятались от пуль. Дочь почувствовала что-то горячее у себя на шее и обнаружила расплюснутую пулю пулемета. Но, несмотря на жуткие минуты, мы все были в приподнятом настроении и даже шутили над своими комическими позами. Когда пулеметный треск затих, мы вышли из своего убежища и уселись в своей комнате за столом в ожидании грядущих событий. Не помню точно кому, но, кажется, Семизорову, находившемуся в то время у нас, взбрела в голову шальная мысль достать бутылку водки и выпить из нее несколько рюмок. Как раз в это время с криком ворвались в дом десятка два вооруженных винтовками рабочих. Несколько человек вошли в нашу комнату, и один из них, увидев на столе бутылку с водкой, закричал: «Ах они, буржуи проклятые, мы кровь проливаем, а они водку пьют! К стенке их, к стенке!» И с этими словами они стали выгонять прикладами всех из дома. Поднялся невероятный шум: женщины и дети кричали и плакали, выбегая в одних платьях на двор. Туда же собрались и рабочие, они согнали к стенке и выстроились перед нами, держа винтовки наготове.

Каждую минуту я ожидал, что раздастся залп, и на моих глазах расстреляют всю мою семью. Не могу выразить словами, что пережил я в эти кошмарные минуты. Можно было потерять рассудок. Но я не растерялся. Я увидел, что рабочие почему-то медлят стрелять, и догадался, что они ожидают распоряжения своего начальника, который задержался почему-то в нашей комнате. Я поспешил наверх и нашел его там, чего-то ищущего там и шарившего. Я схватил оставленную им у двери винтовку и, став наизготове, крикнул: «Ни с места, иначе буду стрелять». Не знаю, привел бы я свою угрозу в исполнение или нет? В такие ужасные минуты никто не может поручиться за себя,

быть может, при попытке его насильно выйти из комнаты я применил бы все средства, чтобы задержать его там. Но он, к счастью, этого не сделал. В это время, как я узнал потом, жена моя успела выскочить на улицу и бросилась бежать, ища помощи. Как раз в это время там проезжал красный командир А. Жена подбежала к нему и рассказала в чем дело. Они пришпорили лошадь и въехал в указанные ею ворота. Застав описанную выше сцену, он крикнул: «Ружья отставить! Красная Армия с женщинами и детьми не сражается!» Его окружили все, и рабочие в свое оправдание стали утверждать, что из этого дома стреляли, и что в нем, должно быть, спрятано оружие. А. сказал, что сейчас разберет это дело: перерыли и обыскали весь дом, с подвалов до чердака включительно, и, разумеется, ничего не нашли. После этого он приказал рабочим удалиться. Узнав, что почти все обитатели дома служащие Кр[асного] Кр[естья], он очень доброжелательно отнесся к нам и оставил 2-х красноармейцев, чтобы охранять нас от подобных случайностей. Он оказался раненым, и ему тут же была оказана первая помощь.

В благодарность за спасение наших семейств я просил его от нас на память принять великолепного жеребца, премированного на скачках, подаренного мне князем Голицыным. После этого события мы постепенно стали успокаиваться. Тогда назрел другой вопрос — нужно было скорее выбираться из Тайги в Томск. Жизнь здесь становилась с каждым днем все хуже и хуже: колчаковские ден[ежные] знаки перестали функционировать, а других у нас не было. По улицам и площадям поселка бродили сотни полудохлых лошадей, и на снегу валялись обглоданные кости лошадиных трупов. На станции платформы и товарные вагоны были переполнены трупами умерших от тифа и замерзших мужчин, женщин и детей. Ими нагромождены были и площадки и буфера вагонов. Все эти трупы были раздеты догола. Как говорят, в одном только Н[ово-]Ник[олаевске] было сожжено в крематории до 10 тыс[яч] трупов. По жел[езной] дороге ехать еще не разрешалось, и нам пришлось нанять в соседней деревне подводы для перевозки нас и вещей в Томск. Тут снова мы испытали алчность сибирского крестьянина: они содрали с нас за перевозку все, что только можно было, и, кроме того, обокрали нас дорогой. Наконец, на 3-и сутки мы добрались до Томска.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Приведённая в книге биография Николая Николаевича Волкова составлена на основании материалов, хранящихся в архивах его потомков, а также их рассказов. Некоторые фрагменты воспоминаний вызывают сомнения, однако это вполне объяснимо: семейные предания не всегда соответствуют историческим фактам. Однако и к ним я старался относиться внимательно: даже сомнительное утверждение свидетельствует об уважительном отношении к предкам наших современников.

Потому в подготовленных записках я делегировал себе право отмечать сомнительные (с моей точки зрения) фрагменты, но не вычёркивать их; я позволил себе убрать только абсолютно явные исторические неточности.

При подготовке данного биографического повествования использованы материалы, которые собрали и сохранили потомками Николая Николаевича:

Жуковская (Волкова) Ольга Николаевна (дочь Николая Николаевича);

Пржегодская (Жуковская) Татьяна Александровна (внучка Николая Николаевича);

Сергеева (Волкова) Ирина Георгиевна (внучка Николая Николаевича);

Колчанова (Сергеева) Наталья Евгеньевна (правнучка Николая Николаевича).

* * *

ВОЛКОВЫ

КРАТКАЯ СПРАВКА ПО ПЕРСОНАЛИЯМ

Составила Колчанова Наталья Евгеньевна

Спиридон Волков — из крестьян Тобольского уезда.

* * *

Ларион Спиридонович Волков (? — 07.03.1758) — армии капитан и лейб-компания капрал.

С 1708 по 1721 год служил в Тобольском пехотном полку солдатом.

В 1710 году находился при взятии Риги, в 1712 году принимал участие в кампании в Померании.

В 1721 году взят в лейб-гвардии Преображенский полк солдатом, а в 1723 году определён в гренадеры в гренадерную роту того же полка.

В 1741 году участвовал в возведении на престол императрицы Елизаветы Петровны, за что Указом от 17 декабря 1741 ему дарован диплом на дворянство, «наследуемое всеми рожденными и впредь рождаемыми детьми и их наследниками обоего пола по нисходящей линии в вечные времена», 40 душ мужского пола с землей, а также дворянский герб, изображение и описание которого содержится в Гербовнике в части III под номером 120.

ГЕРБЪ ВОЛКОВА.

Щитъ раздѣленъ перпендикулярно на двѣ части, изъ коихъ въ правой въ черномъ полѣ между тремя серебряными пятиугольными Звѣздами изображено золотое Спроуило, съ означенными на ономъ тремя горящими Гранадами натурального цвѣта. Въ лѣвой части въ золотомъ полѣ чернѣй Волкъ, смотрящій назадъ съ выставленнымъ языкомъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ Дворянскимъ Шлемомъ, на которомъ наложена Лейбъ-Компаніи гренадерская Шапка съ строусовыми перьями, краснаго и бѣлаго цвѣта, а по сторонамъ оной Шапки видны два черныя орлиныя Крыла, и на нихъ по три серебряныя Звѣзды. Наметь на щитѣ черной, под-

120

Герб Волкова внесён в Часть III «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Дата пожалования: 12.12.1748.

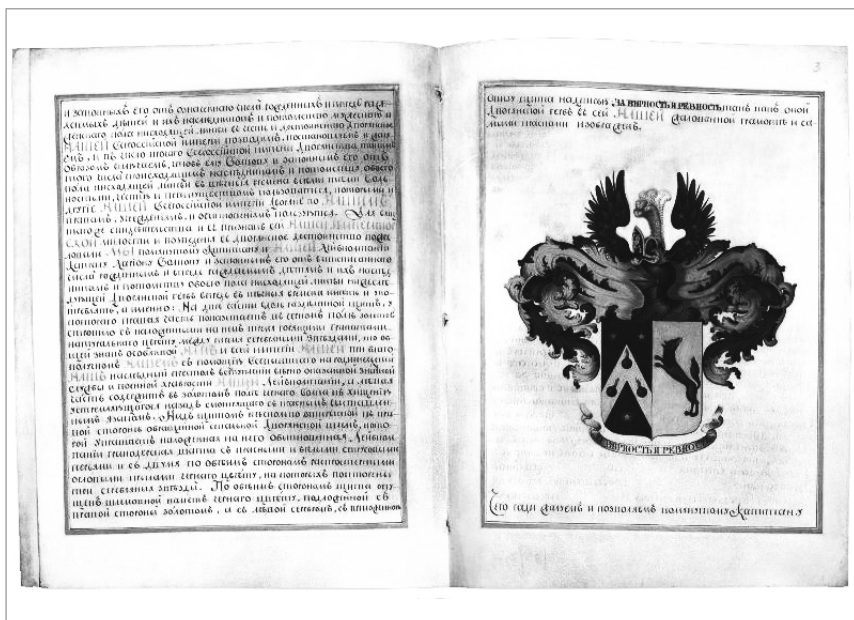
*Герб Волкова. — URL: <https://gerbovnik.ru/arms/420.html>
(дата обращения: 27.08.2025)*

ложенный съ правой стороны золопомъ, а съ лѣвой серебромъ.

Ларіонъ Спиридоновъ сынъ Волковъ, находясь въ Лейбъ-Компаніи, по Имянному блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЫ 1741го года Декабря 31го дня Указу всемплосивѣйше пожалованъ съ законными его оны сего числа рожденными и впредь рождаемыми дѣтьми и потомствомъ ихъ въ дворянское достоинство, и на оное 1748го года Декабря въ 12^й день Дипломомъ, съ коего копія хранился въ Герольдіи.

Герб Волкова внесён в Часть III «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Дата пожалования: 12.12.1748.

*Герб Волкова. – URL: <https://gerbovnik.ru/arms/420.html>
(дата обращения: 27.08.2025)*

Жалованная грамота Императрицы Елизаветы Петровны лейб-компания капралу и армии капитану Лариону Спиридонову сыну Волкову на потомственное дворянское достоинство 12 декабря 1748 года. *ФГБУК «Государственный исторический музей».*

*№ по КП (ГИК): ГИМ_щ 14706, инв.№ Арх.185. –
Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. –
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43744295>
(дата обращения: 27.08.2025).*

* * *

Алексей Ларионович Волков (1750–1820) (?) — коллежский секретарь.

Проживал в Елизаветпольской губернии и в Петербурге. Был женат на Анне Васильевне Севриковой (15.09.1753 — 17.11.1818). (?) Имел единственного сына — Егора Алексеевича.

**Алексей Ларионович
Волков**

* * *

Егор Алексеевич Волков (1780 — 30.08.1847)

Егор Алексеевич выстроил двухэтажный дом в Петербурге на Васильевском острове: угол Большого проспекта и 5-й линии, впоследствии перестроенный, четырёхэтажный с въездными воротами с Большого проспекта и белыми мраморными ступенями на второй этаж. Ему также принадлежало имение под Лугой.

Егор Алексеевич участвовал добровольцем в войне 1812 года, хотя как единственный сын мобилизации не подлежал. К тому же не был военным. За свой счёт обмундировал роту солдат. За победу в рукопашном бою получил солдатский Георгиевский крест.

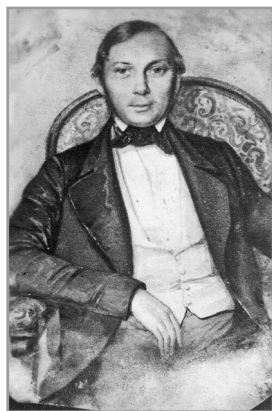
Сохранился его портрет, запечатлевший Е. А. в возрасте 25 лет, кисти Ивана Брюллова, младшего брата Карла Брюллова. Другой портрет кисти неизвестного художника выставлялся в Русском музее в 1909 году.

**Егор Алексеевич
Волков**

Был женат на дочери надворного советника Ольге Андреевне Кондратьевой (02.04.1795 — 31.10.1817), которая умерла в год рождения их сына. Миниатюра на кости с портретом О. А. и сыном Егором, подписанная художником Милле, датированная 1817 годом, сдана потомками в Эрмитаж в 1940 году, о чем есть квитанция.

* * *

**Егор Егорович
Волков**

Егор Егорович Волков (1817 — 04.12.1885) — русский писатель, цензор.

Родился в Петербурге в доме отца на Васильевском острове в 1817 году.

В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона о нём имеется следующая запись: «Волков Егор Егорович — писатель (1809 — 1885). Воспитывался в благородном пансионе при Петербургском университете; был цензором. Сочинения его: “Не по хорошему мил, а по милу хорош”, комедия в 1 действии (Санкт-Петербург, 1861); “Рассказы для детей” (Санкт-Петербург, 1865); “Опыт программы уроков рисования” (Санкт-Петербург, 1868); “Уроки рисования для молодых детей” (Санкт-Петербург, 1872); “Образовательный курс наглядной геометрии” (Санкт-Петербург, 1873)». Написал также «Рассказы для детей» (Санкт-Петербург, 1865), музыкальные пьесы для детей.

В 1833–1836 годах состоял в Азиатском департаменте, затем был определён в статистическое отделение Совета Министерства внутренних дел. В 1851 году был назначен чиновником особых поручений при министре народного просвещения. В этом же году начал службу в Главном управлении цензуры, где с 25 января 1853 года был чиновником особых поручений; с 1 февраля 1860 года по 28 февраля 1864 года — цензор Петербургского цензурного комитета.

Первая жена — Ольга Андреевна фон Флейшер (на фото), которая скончалась 31.05.1846.

Вторым браком Е. Е. был женат на поэтессе Ирине Павловне Дебиль-Волковой. Ее стихи печатались, в частности, в «Отечественных записках» и в «Русском слове».

Будучи на пенсии, имел переписку с одной французской поэтессой, влюбился в неё по фотографии, обменял пенсию на единовременное пособие и уехал в Париж. Вернулся разочарованным, оставшись без средств, так как дом в Петербурге был продан сыновьями. Доживал последние годы у друга детства баронессы Натали.

Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище рядом с первой женой.

**Ольга Андреевна фон
Флейшер**

* * *

Николай Егорович Волков (1840 — 18.08.1917) — юрист, историк, писатель.

Родился в доме отца на Васильевском острове (угол Большого проспекта и 5-й линии). Учился в Петербурге. Окончил гимназию и юридический факультет Петербургского университета. Женившись в 1863 году, он переезжает в город Киев, где работает частным присяжным поверенным по гражданским делам. Ведёт крупные процессы, имеет большое юридическое имя. С 1892 года живёт и работает в Петербурге, впервые на государственной службе в должности юрисконсульта кабинета его величества. Поступление на государственную службу вызвано тем, что он потерял голос и не мог выступать в качестве адвоката. К этому периоду относится создание им исторических трудов:

**Николай Егорович
Волков**

- Очерк *«Законодательная деятельность в царствовании Императора Александра III в 1881–1884 годы»*, изданный после смерти Александра III. Портрет императора, помещённый в книге, был передан автору лично Марией Фёдоровной, вдовствующей императрицей с дарственной надписью.
- *«Двор русских императоров в его прошлом и настоящем»*. Первая часть — исторический обзор, вторая часть — законоположение о придворных чинах. Книга хранится в семье. Переиздана в 2013 году издательством «Кучково поле» в Москве.

Положение исторического писателя дало возможность Николаю Егоровичу получить пропуск в придворную библиотеку, Царский архив. В результате он написал книгу по архивным материалам «История дома Романовых». Но издать её в период царствования Романовых было нельзя. Все эти материалы погибли в 1915 году при эвакуации из Варшавы.

Последней службой Николая Егоровича была должность юрисконсультанта Варшавско-Венской железной дороги. Фактически к этому времени он был уже на пенсии.

Первым браком был женат по большой любви на француженке Марии Марковне Грийя, которая приехала из Парижа в Петербург на работу к своей знакомой, имевшей шляпную мастерскую на Невском проспекте. После женитьбы они переехали в Киев, где в 1872 году родился их сын Николай.

В 1880 году Николай Егорович уходит от семьи, влюбившись в актрису Марию Викентьевну Мазуровскую (1858 — 05.08.1911), с которой они жили в Москве, Санкт-Петербурге, затем в Варшаве. Они прожили 20 лет вне официального брака, т. к. Мария Марковна отказывалась в разводе, и оформили его лишь после ее смерти в 1901 году. В словаре Брокгауза и Эфрона содержится следующая информация: «Мазуровская (Марья Викентьевна) — актриса, род. в 1858 г.; играла сначала на варшавской польской сцене, потом, изучив русский язык, перешла к исполнению пьес на русском языке, с успехом гастролируя в СПб., Москве и др. городах России». От их союза родилась дочь Любовь, которую Мария Марковна удочерила, в соответствии с обычаями того времени. Люба умерла совсем молодой.

В 1915 году, при сдаче Варшавы немцам, Н. Е. приехал к сыну в Сибирь в возрасте 75 лет с молодой 35-летней полькой Собиной, которая была при нём в качестве сестры милосердия. Прожив зиму в Омске в семье сына, Николай Егорович уехал в Алупку к своему другу португальскому консулу Рива, где и умер.

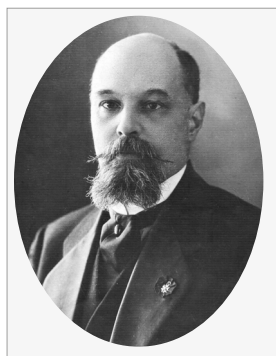
* * *

Николай Николаевич Волков
(21.06.1872 — 22.08.1937) — юрист, переводчик, мемуарист.

Родился в Киеве. В детстве был слабым ребёнком, перенёс множество инфекционных болезней, в т. ч. чёрную оспу. После того как отец, Николай Егорович, прожив с женой 15 лет, бросил ее, Мария Марковна Грийя-Волкова, будучи очень хозяйственной, употребила имеющиеся у неё деньги и драгоценности на покупку дома в Киеве по ул. Тимофеевская, 8 (теперь ул. Коцюбинского, 10). На участке при доме были выстроены 4 флигеля по 9 комнат в каждом. Семья жила на средства от эксплуатации выстроенных квартир, выплачивая постепенно ссуду, занятую в банке.

Фактически Н. Н. вырос без отца с матерью-француженкой, почти не знавшей русского языка, республиканкой по своим убеждениям. Это ее влияние сказалось на взглядах и поступках Н. Н. Будучи учеником 6 класса гимназии, выступил с запрещёнными стихами Некрасова «Вот парадный подъезд...», за которые был тут же отведён в карцер на 3 дня. В результате ему пришлось окончить выпускной класс в 4-й Печерской гимназии. За выпускное сочинение на тему «Возвышенную цель поэт избрать обязан» он получил блестящую оценку, но тут же провалил латынь и диплома об окончании гимназии не имел.

Поступил вольнослушателем в Киевский университет на юридический факультет. На третьем курсе, в 1896 году, участво-

**Николай Николаевич
Волков**

вал в студенческой забастовке. Был в числе 12 представителей от бастующих студентов, которым было предложено покинуть стены университета.

В 1897 году, обменяв киевские дома на маленькое имение в 6 верстах от города Ровно, под названием Большие Омеляны, Мария Марковна пробовала хозяйничать. Управляющий имением, поляк, запродав весь урожай на 3 года вперёд и получив 40 тысяч, сбежал за границу. Н. Н. остался в тяжёлом положении, т. к. последующие три года на Украине были неурожайными.

Продав имение и расплатившись с долгами, пользуясь протекцией отца, устроился на государственную службу в городе Петрозаводске в должности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Протасьеве. Ему было 27 лет.

Мать его, Мария Марковна, умерла от рака 18 марта 1901 года в городе Петрозаводске. Н. Н. тяжело пережил ее смерть. У него был даже лёгкий паралич.

**Галина Павловна Волкова
с сыном Юрием**
*(Фото из личного архива
Натальи Колчановой)*

Женился Николай Николаевич в 1903 году на Галине Павловне Поповой, приехавшей в Петрозаводск по окончании в Петербурге Института благородных девиц имени принца Ольденбургского. В этот же год Николай Николаевич получил должность мирового судьи в городе Повенец, где и родились их дети: дочь Ольга и сын Юрий (в метриках — Георгий).

В 1908 году вся семья переезжает в Петербург, где Н. Н. работает на железной дороге в службе сборов. В то время он уже имел пенсию за 12 лет юридической службы. По тем временам дозволялась работа на железной дороге с сохранением пенсии. Родители его жены жили под Петербургом, на станции Лигово. С ними

жил их сын, Леонид, ученик кадетского корпуса. Отец жены, Павел Попов, был уже на пенсии и тоже работал в службе сборов железной дороги.

В 1911 году семья Волковых переехала в Варшаву, где жил Николай Егорович. Н. Н. проработал в Варшаве на железной дороге в службе контроля вплоть до начала войны с Германией. В 1914 г. семья эвакуирована в Омск, где Н. Н. продолжает работу в службе сборов заведующим отделом.

В 1919 году колчаковская эпопея заставляет семью снова эвакуироваться по Сибирской железной дороге. Доехав до станции Тайга, в тяжелейших условиях семья с большим трудом пробирается на лошадях через тайгу в город Томск. Сохранились подробные записи Н. Н. под названием «Позорная эвакуация».

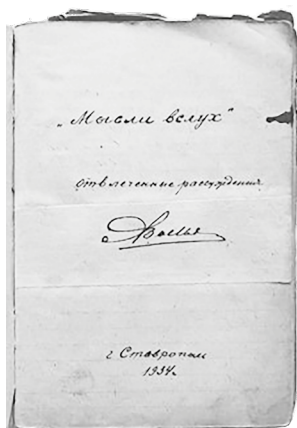
1920 год семья Волковых встречает в Томске у друзей Еланцевых (ул. Миллионная, 32). Это была тяжёлая борьба за существование. Осенью 1921 года Галину Павловну по общей трудовой мобилизации направляют на работу в город Кемерово бухгалтером на химический завод, а Н. Н. — в оборудованной теплушке контролёром железнодорожных узлов с заездом к семье в Кемерово.

Воспользовавшись отменой этой должности, Н. Н. перебирается в Кемерово на должность заведующего театром. Организовав драматический кружок, Н. Н. осуществляет много театральных постановок силами труппы от Политпросвета, будучи режиссёром и одновременно играя вместе с женой на сцене. За несколько неосторожных фраз в 1924 году Н. Н. получает 3 года исправительного трудового дома (ИТД). Срок этот отбывает в городе Томске, где выступает в роли юрисконсульта тюрьмы и режиссёра тюремного театра, имея разрешение на выход в город.

По окончании срока работает на разных мелких должностях, сначала в г. Кемерово, а потом в г. Томске, а также преподаёт языки и математику на дому.

В 1932 году вся семья переезжает в г. Ставрополь на Северном Кавказе, где Н. Н. тоже продолжает давать уроки. В эти годы у него прогрессирует глухота и падает зрение.

Будучи юристом, Н. Н. был и серьёзным математиком. Дома с сыном, пройдя всю высшую математику, Н. Н. говорил, что очень поздно нашёл в этом своё истинное призвание.

**Рукопись воспоминаний
Н. Волкова**

26 июля 1937 года был после обыска взят в ставропольскую тюрьму. При обыске были изъяты все родословные дворянские грамоты: на имя Лариона Волкова, данная Елизаветой Петровной; Алексея Ларионовича и Егора Алексеевича, данные последующими монархами.

До революции Н. Н. был награждён орденом Почётного Легиона 4-й степени за сопровождение и работу переводчиком в 1903 году у французского посла Мориса Бомпара в его поездке по Карелии, Белому морю и на Соловки.

В 1934–1936 годы много писал. Записал всю свою родословную, много рассказов о встречах с интересными людьми (записи хранятся в семье дочери Ольги Николаевны Жуковской).

В 1930-е годы много переводил с немецкого (остались копии рукописей). Перевёл с немецкого сборник по медам.

Расстрелян 22 августа 1937 года в Ставрополе. Посмертно реабилитирован.

* * *

Юрий Николаевич Волков (19.01.1907 — 23.01.1973) — инженер, горный механик, изобретатель, рационализатор, преподаватель.

Родился в городе Повенец Олонецкой губернии. В 1909 году семья переезжает в Петербург, а в 1912 году — в Варшаву. С началом войны, в 1914 году, эвакуируется в Омск.

В 1917 году Юрий поступает в первый класс мужской гимназии. После переезда в Томск продолжает учёбу в Советской трудовой школе второй ступени. Оканчивает школу в Кемерово в 1924 году.

С 17 лет работает в Кемерово на химическом заводе в конструкторском отделе в должности копировальщика. В течение 8 лет ежегодно сдаёт экзамены на механический факультет, не зачисляется ввиду социального происхождения. Поступив в 1932 году на заочное отделение горного факультета, Юрий Николаевич имеет уже восьмилетний стаж инженера. В 1937 году оканчивает Свердловский политехнический институт по специальности «горный механик». Последующие годы (в течение 26 лет) работает в городе Новосибирске в конструкторском отделе.

**Юрий Николаевич
Волков**

Как талантливый конструктор имел много премий и благодарностей в послужном списке. Во время Великой Отечественной войны имел бронь и работал на оборону страны.

С 1947 года работает в Свердловске в «УралГипроШахте» заместителем главного инженера.

В 1954 г. в Свердловском политехническом институте прошла его защита на соискание учёной степени кандидата технических наук. Тема диссертации: «К решению проблемы обогащения бурых углей Урала». К этому времени работы в Свердловске относится его участие в строительстве экспериментальной обогатительной фабрики в городе Волчанке (район Крайнего Севера, вечная мерзлота).

Под руководством и при непосредственном участии Юрия Николаевича были созданы и внедрены: эффективный метод пневматического обогащения бурых углей Урала, научные основы проектирования поверхностных комплексов угольных шахт, разработаны высокопроизводительные погрузочно-складские комплексы, высокомеханизированные склады лесных крепёжных материалов, административно-бытовые комбинаты шахт, усовершенствованы ленточные безроликовые конвейеры и другое. Юрий Николаевич Волков являлся автором более

100 научных работ и изобретений. Имел правительственные награды, в том числе орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, медали, знаки «Шахтёрская слава» 2-х степеней, знак «Отличник социалистического соревнования».

По совместительству работал в Свердловском горном институте доцентом кафедры горных машин и рудничного транспорта.

В 1964 году переезжает в город Киев, куда избран по конкурсу заведующим лабораторией УкрНИИпроекта, а позднее возглавляет отдел технологии поверхности шахт.

В работе «Механизированные угольные склады и породные отвалы» (Углетехиздат, 1957) им было выведено 160 новых формул.

Последнее авторское свидетельство № 404717 на изобретение ленточного конвейера было получено семьёй Волковых после его смерти.

Был женат дважды. В 1932 году — на Артамоновой Наталии Николаевне (внучке генерала от инфантерии Николая Дмитриевича Артамонова, дочери генерала Николая Николаевича Артамонова), от которой имел двух дочерей: Ирину (1932 г.) и Марину (1944 г.). Их дети и внуки проживают в Москве и Новосибирске. В 1947 году Юрий Николаевич женился на Ирине Михайловне Суховой. От этого брака родились дочь Мария (1948 г.) и сын Николай (1956 г.) Оба скончались бездетными.

Умер скоропостижно 23 января 1973 года. Похоронен в Киеве рядом с матерью Галиной Павловной, умершей на 7 месяцев раньше его в 88 лет.

Подробные записи о нём и все его письма с 1932 по 1964 год хранятся в семье его сестры Ольги Николаевны Жуковской.

ПИСЬМО ИЗ СТАВРОПОЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КГБ СССР

Уважаемая Ольга Николаевна!

Пишет Вам сотрудник госбезопасности, которому было поручено ответить на Ваше заявление в отношении Волкова Н. Н.

Предвижу и понимаю возможное неприятие Вами и Вашими близкими меня и ведомства, которое я представляю. Смею Вас уверить, что мы не имеем ничего общего с теми предшественниками, которые и в Вашу семью принесли горе. Поверьте, представшая перед нами картина геноцида ужаснула нас не менее вашего.

Я решил написать Вам это письмо в частном порядке не потому, что судьба Николая Николаевича чем-то особенным отличается, но потому что вдруг почувствовал, как много мы потеряли с убитым поколением. Мне подумалось, что надо вернуть людям, их памяти хотя бы то, что еще осталось. Поэтому я изложу то небольшое, что удалось извлечь из 30-листového следственного дела, которое включает доносы, протоколы ареста и допросов, приговора.

28 июля 1937 года Ворошиловскому РО НКВД был выдан ордер на арест Волкова Николая Николаевича, 1870 г. рождения, уроженца г. Киева, проживавшего по адресу г. Ворошиловск, ул. Сталина, 47. При составлении акта на арестованного в нем указывалось, что Волков Н. Н. по социальному положению — сын присяжного поверенного и домохозяйки, образование — среднее, окончил гимназию в г. Киеве, до ареста — преподаватель математики и немецкого языка на дому. Позднее, во время допросов эти данные были уточнены: по социальному происхождению — потомственный дворянин. До революции имел чин титулярного советника. Поскольку был служащим, то недвижимого имущества не имел.

Со слов Волкова Н. Н., в 1896 году, не окончив юридического факультета в Киевском университете, был выгнан по подозрению в участиях в студенческих забастовках. После этого, с матерью выехал в Олоненскую область (губернию), на север, где проработал до 1903 года в губернаторстве чиновником. В 1903 году выдержал экзамен на земского начальника и был назначен таковым в Повинецком уезде. Там проработал до 1908 года.

В 1908 году, за выполнение распоряжения тогдашнего министра внутренних дел Столыпина по вопросу выборов во 2 государственную думу, был уволен с должности земского начальника.

С 1908 года Волков Н. Н. работает на железной дороге. В 1908–1912 гг. на Рязанско-Уральской, в г. Петербурге, последняя должность — таксировщик пассажирско-багажного отделения. В 1912 году переехал в Варшаву, на Варшавско-Венскую ж. д., где работал контролером-ревизором поездов.

В 1913 году Николай Николаевич получил назначение на новую, только что открывшуюся Омско-Тюменскую дорогу, на должность делопроизводителя. Последняя должность там — начальник отделения расчета акцептации с дорогами, где проработал до августа 1919 г. В том месяце и году Волков Н. Н. был мобилизован армией Колчака и направлен в распоряжение главного управления Красного Креста, в отдел формирования госпиталей, санотрядов и пр., где он прослужил до декабря 1919 года. Когда под ударами Красной Армии войска Колчака отступали, на ст. Тайга (около 60 км от Омска) Николай Николаевич остался и возвратился в Омск, к семье, в которую, по его словам, входили: жена — Галина Павловна, дочь — Ольга Николаевна и сын — Юрий Николаевич. Родственников и знакомых за границей он не имел.

Из прошедшего периода можно отметить только один еще факт. В 1903 году по Олоненской и Архангельской губерниям с экскурсией и неизвестной еще целью, путешествовали французский посол Бапар (*Бомпар*. — Н. К.) с женой и морским атташе, и сопровождавшими их 5 лицами. Волков Н. Н. был прикомандирован к ним губернатором Протасевым, как человек, знающий французский язык (еще он знал немецкий и английский), и с которыми он провел в путешествиях более двух месяцев. В бла-

годарность за оказанные услуги, по ходатайству посла, Николай Николаевич был награжден орденом «Почетного легиона IV степени».

Дальнейший период жизни Волкова Н. Н. прослеживается плохо. Известно только, что в 1924 году в Кемерово он был судим «за распространение слухов, дискредитирующих советскую власть» и осужден на 3 года. Но через год он был освобожден. Уточняющих или подробных данных по этой судимости в Кемерово не сохранилось.

В Ворошиловск Волков Н. Н. приехал с женой и дочерью в связи с болезнью дочери и по совету врачей.

Поводом для ареста Николая Николаевича послужили его высказывания, что Сталин уничтожил лучших людей страны; то, что он реально оценивал растущую силу германского фашизма и говорил об этом. Других «преступлений» он не совершал и ему не вменялись. Естественно, что по условиям того времени такая откровенность граничила или даже представляла собой — государственное преступление. Решением т. н. Тройки НКВД по Орджоникидзевскому краю от 12 августа 1937 года Волков Николай Николаевич был приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение через 10 дней, 22 августа в городе Ворошиловске (ныне Ставрополь). К сожалению, место захоронения репрессированных пока неизвестно. Предполагают, что их хоронили в братских могилах, на территории старого, ныне закрытого, городского кладбища.

Николай Николаевич не признал ни одного обвинения, предъявленного ему.

Я понимаю, что ничем не могу смягчить Вам жестокости этой правды, но посчитал необходимым, чтобы вам она стала известной. Пишу по своему решению и мнению, поскольку существующими указаниями мы ограничены в возможностях сообщать некоторые детали событий того времени. Поэтому прошу Вас использовать изложенное мной лишь в Ваших семейных делах, вплоть до того времени, когда это станет возможным повсеместно.

*С уважением, Новиков Николай Дмитриевич
(подпись) Ставрополь, 1990 г.*

Р. S. Всего два слова по поводу изъятых грамот. Их действительно нет в архивных материалах. По-видимому, они уничтожались тогда в свободном порядке или просто не учитывались, уничтожались как вещественные доказательства, без активирования. Отметок о них никаких нет.

(Оригинал письма хранится в архиве Ольги Николаевны Жуковской, дочери Н. Н. Волкова.)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ,
имена которых встречаются в книге
(выборка)**

1. **Белов Пётр Андреевич (Виттенкофф Генрих Альфредович)** (1881–1920), российский военачальник Белой армии, на описываемый период — помощник военного министра колчаковского правительства по мобилизационно-организационной работе (см. *Приложение 4*).
2. **Бомпар Морис** (1855–1935), французский дипломат.
3. **Будберг Алексей Павлович** (1869–1945), барон, русский военный деятель, автор мемуаров о Гражданской войне; на описываемый период — военный министр колчаковского правительства, затем на излечении в Харбине.
4. **Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович** (архиепископ Лука) (1877–1961), российский и советский общественный и религиозный деятель, доктор медицинских наук и вообще уникальный человек.
5. **Войцеховский Сергей Николаевич** (1883–1951), российский и чехословацкий военный деятель, один из руководителей Белого движения в Сибири; на описываемый период — командующий 2-й армией Вооружённых сил Сибири.
6. **Вологодский Пётр** — глава Временного Сибирского правительства.
7. **Врангель Пётр Николаевич** (1878–1928), барон, русский военный деятель, один из руководителей Белого движения; на описываемый период — командующий Добровольческой армией.
8. **Вышинский Андрей Януарьевич** (1884–1954), советский государственный деятель, юрист, дипломат.

9. **Гинс Георгий Константинович** (1887–1971), российский политический и общественный деятель; на описываемый период — Главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров колчаковского правительства.
10. **Голицын Лев Львович** (1877–1920), князь, царский чиновник; на описываемый период — Особоуполномоченный Красного Креста.
11. **Гоппер Карлис** (1876–1941), военный деятель России и Латвии; военачальник Белой армии; на описываемый период — командир Латышского полка французского подчинения в Сибири.
12. **Грейвс Уильям Сидней** (1865–1940), представитель союзнических сил, командующий оккупационными силами США в Сибири и на Дальнем Востоке.
13. **Гривин Пётр Петрович (Гривиньш Петерис)** (1875–1919), военачальник колчаковской армии; на описываемый период — командующий Северной группой войск 1-й армии.
14. **Гришина-Алмазова (Михайлова) Мария Александровна** (1891–1920), общественная деятельница при Ставке Колчака, жена генерала Белой армии.
15. **Дедлов (Кигн) Владимир Людвигович** (1858–1908), российский публицист.
16. **Деникин Антон Иванович** (1872–1947), российский военный деятель, один из лидеров Белого движения; на описываемый период — Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России.
17. **Демидов Михаил Денисович** (1842–1898), российский государственный деятель, губернатор Олонецкого края.
18. **Дитерихс Михаил Константинович** (1874–1937), российский военачальник, один из руководителей Белого движения в Сибири; на описываемый период — начальник штаба колчаковской армии.
19. **Дутов Александр Ильич** (1879–1921), русский военачальник, один из руководителей Белого движения, атаман Оренбургского казачества.

20. **Жанен Морис** (1862–1946), представитель союзнических сил, начальник Французской военной миссии при правительстве Колчака.
21. **Ильин Иосиф Сергеевич** (1885–1981), русский военачальник Белой армии, автор мемуаров.
22. **Киндяков Михаил Львович** (1877–1935), русский политический деятель; на описываемый период — товарищ (заместитель) министра земледелия колчаковского правительства.
23. **Колчак Александр Васильевич** (1874–1920), русский политический и военный деятель, один из лидеров Белого движения; на описываемый период — Верховный правитель России.
24. **Краснов Пётр Николаевич** (1869–1947), русский политический и военный деятель, один из руководителей Белого движения, атаман Всевеликого Войска Донского.
25. **Куперник Лев Абрамович** (1845–1905), российский адвокат и публицист.
26. **Куракин Иван Анатольевич**, князь (1874–1950), русский государственный, общественный и православный деятель, на описываемый период — Главноуполномоченный Общества Красного Креста при правительстве Колчака.
27. **Левашов Владимир Александрович** (1850–1913), губернатор Олонецкого края.
28. **Макаров Павел Васильевич** (1897–1970), красный разведчик, прототип Павла Кольцова (см. телесериал «Адъютант его превосходительства»).
29. **Мазуровская Марья Викентьевна** (1858 — 5.08.1911), актриса; играла сначала на варшавской польской сцене, потом, изучив русский язык, перешла к исполнению пьес на русском языке, с успехом гастролируя в СПб., Москве и др. городах России.
30. **Май-Маевский Владимир Зенонович** (1867–1920), командующий Добровольческой армией.

31. **Махно Нестор Иванович** (1888–1934), военачальник Гражданской войны, один из идеологов анархизма.
32. **Мацусима** — упоминающийся в записях представитель Японии (развёрнутой информации об этом деятеле не найдено).
33. **Морозов Василий** — городской голова г. Омска (более развёрнутой информации о нём не найдено).
34. **Моррис Роланд** — на описываемый период посол США в Японии.
35. **Нокс Альфред** — представитель союзнических сил, глава британской миссии на Дальнем Востоке.
36. **Пепеляев Виктор Николаевич** (1885–1920), русский государственный деятель, на описываемый период — председатель правительства Колчака.
37. **Петухов Александр Иосифович** (1886–1918), руководитель большевистского Совета в Ново-Николаевске.
38. **Протасьев Николай Васильевич** (1854–1915), губернатор Олонецкого края.
39. **Румша Казимир** (1886–1970), полковник, командир 5-й Польской дивизии Русской армии Колчака.
40. **Сахаров Константин Вячеславович** (1881–1941), русский военный деятель, генерал, на описываемый момент — главнокомандующий армиями Восточного фронта.
41. **Сыровый Ян** (1888–1970), на описываемый период — командир чехословацких легионеров в России.
42. **Такаянаги Ясутаро** (1870–1951), на описываемый период — председатель Военной миссии Японии при правительстве Колчака.
43. **Устругов Леонид Александрович** (1877–1938), на описываемый период — министр путей сообщения правительства Колчака.
44. **Хорват Дмитрий Леонидович** (1858–1937), русский политический деятель, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке.

- 45. **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** (1887–1947), русский военный деятель Белого движения.
- 46. **Шульгин Василий Витальевич** (1878–1976), русский политический и военный деятель, один из идеологов Белого движения.
- 47. **Щучкин Леонид** — белый контрразведчик, прототип полковника Щукина (см. телесериал «Адъютант его превосходительства»). (Дополнительной информации о нём не найдено.)
- 48. **Элиот Чарльз** (1862–1931), английский дипломат.

Белов Пётр Андреевич (Генрих Альфредович Виттенкопф), генерал-майор.

Родился 22 апреля 1881 года в Курляндской губернии Российской империи. Окончил частную классическую гимназию, Виленское юнкерское училище, Императорскую Николаевскую военную академию и Академию Генерального штаба. С 1899 года служил вольноопределяющимся. В 1902 году был произведён в подпоручики. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Командовал ротой, служил обер-офицером для поручений при штабе Риго-Шавельского отряда, переименованного впоследствии в 26-й армейский корпус, старшим адъютантом штаба 6-й кавалерийской дивизии, штаб-офицером для поручений при штабе 38-го армейского корпуса, начальником штаба 170-й пехотной дивизии, старшим адъютантом штаба 3-й армии. 6 декабря 1917 года был произведён в полковники. Был ранен и награждён 4 орденами. 28 февраля 1918 года был уволен из армии. Участвовал в Гражданской войне. Со 2 по 12 июня 1918 года служил начальником штаба Омского военного округа, с 13 июня по 15 ноября 1918 года — начальник штаба Сибирской армии. У адмирала А. В. Колчака возглавлял штаб Русской армии, позднее служил начальником штаба и временно командующим Сводным (5-м) Стерлитамакским корпусом. С конца марта по июнь 1919 года командовал Южной группой войск Западной армии; с июня по октябрь 1919 года — командующий Южной армией. После расформирования управления Южной армии 18 сентября 1919 года был переведён в распоряжение Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака. С октября 1919 года — помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, 28 октября руководил эвакуацией города Омска. В 1920 году попал в плен под Красноярском к красным и был расстрелян.

*Подготовил данную справку
Александр Окороков.*

ЧАС ЗВЁЗДНЫЙ... ЧАС КРЕСТНЫЙ...

**(Биография царского чиновника,
оставшегося в Советской России)**

Стародымов Николай Александрович

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректурa: *И. А. Птицын*

Компьютерная вёрстка: *О. В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru